Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 АВГУСТА 15—16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 68079. Москва. Тираж 35.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Куда направлен огонь оппозиции?

«Так называемые ультра-левые тенденции порою служат лишь ширмой для социал-демократических, реформистских, «левистских» настроений, грозящих превратиться в открытое предательство интересов международного рабочего класса».

(Из открытого письма ИККИ к германской компартии).

«Левые фразы — правое дело».

В. И. Ленин.

Развертывающийся на наших глазах поход против ВКП(б), предпринятый новой оппозицией, не представляет ничего нового. если рассматривать его с точки зрения того, что ленинская партия, как левое крыло в международном рабочем движении, критикуется «слева». Даже откровенные меньшевики и те не раз принимались нас критиковать «слева». Не было недостатка в этих «левых» критиках ленинской позиции и при жизни Владимира Ильича. В особенности памятна такая критика «классово-спаянных» представителей «рабочей» оппозиции на X и на XI с'ездах. Теперь, в 1926 г. и слепому ясно, куда вела эта «левая» критика «рабочей» оппозиции, приведшая к право-меньшевистской постановке вопроса о ликвидации Профинтерна и других пролетарских организаций. Мелкобуржуазная природа «рабочей» оппозиции была ясна Ленину еще на X с'езде. Ленин сумел дать достаточно внушительный отпор «левому ребячеству» всех видов и показать, какие совсем не левые тенденции кроются за такого рода критикой.

Вскоре после смерти Ленина мы стали свидетелями форменного похода против ленинского учения со стороны троцкистов. Дискуссия 1923—24 гг. показала всей нашей партии, с чем мы имеем дело. XIII партконференция, XIII партс'езд и V конгресс Коминтерна осудили троцкизм, как мелкобуржуазный уклон. Никому в голову не приходило тогда,—конечно, не придет и сейчас,—утверждать, что это был левый уклон. Тов. Зиновьев, перечисляя в 1924 г. ошибки Троцкого, писал: «Во всех этих нагромождениях одной ошибки на другую у т. Троцкого есть своя «система». В целом это называется—правый

уклон» [1]). По мнению тов. Зиновьева, тов. Троцкий позволил себе тогда «не отход от большевизма «вообще», а отход от большевизма в переходный период нэпа». Он предупреждал тогда, что «кто вступает на дорогу борьбы с ленинским Центральным Комитетом (ясно видящим опасность и маневрирующим в сложной обстановке, как нас учил Ленин), те становятся врагами ленинизма». Он уверял партию, что «троцкизм в такой же мере годится быть составной частью ленинизма, как ложка дегтя «составной частью» бочки меда». И он делал вывод, что если есть опасность образования правого крыла в нашей партии,—а такая опасность есть,—то она идет именно со стороны т. Троцкого и троцкизма.

Почти то же самое, слово в слово, повторил т. Каменев; пожалуй, даже еще более определенно поставил вопрос о правой опасности со стороны троцкизма именно т. Каменев. В речи своей на собрании Московского Комитета с активными работниками 18 ноября 1924 г., повторенной на расширенном заседании фракции членов и кандидатов ВЦСПС и 21 ноября на всесоюзном совещании начпуокров, начпуфлотов и военкомбригов и т. д., тов. Каменев говорил: «Мы должны поставить вопрос ясно: или мы учим Ленину и ленинизму, или нам нужно свернуть знамя ленинизма и поставить в качестве идеолога большевистской партии в самый критический момент революции Троцкого. Тут нужно выбирать. Или—или. Или мы свертываем знамя ленинизма—и тогда мы выдвигаем в качестве идеолога большевистской партии т. Троцкого; или мы учим ленинизму—и тогда, само собой разумеется, в качестве идеолога большевистской партии мы т. Троцкого выдвигать не можем» (Л. Каменев, «Партия и троцкизм», ГИЗ, 1924 г.). Сделав беглый обзор всего исторического нашего прошлого, взаимоотношений большевизма с троцкизмом, т. Каменев приходил к выводу, что «как только партия наталкивается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, как только т. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, он всегда указывает неправильные пути, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма, в основных вопросах остался на точке зрения противопоставления троцкизма большевизму... Партия узнала и на опыте все больше и больше убеждается, что поступать по Троцкому значит подменять большевизм троцкизмом...» (там же, стр. 51—52). И, чтобы рассеять всякие сомнения в том, что мы имеем дело в лице т. Троцкого и троцкизма с проводником мелкобуржуазных влияний на ряды нашей партии, тов. Каменев предупреждал партию: «Неизбежно, что для мелкобуржуазной стихии, желающей найти для себя какое-нибудь знамя, эта политическая фигура, постоянно находящаяся в оппозиции в партии, систематически подрывающая авторитет большевизма, авторитет его руководящего центра, авторитет Ленина, становится мало-по-малу символом и надеждой» (там же, стр. 60). Другой представитель «новой оппозиции», т. Канатчиков, в свое время написал специальную брошюру «История одного уклона», в которой доказывал, что троцкистский уклон есть не что иное, как рецидив меньшевизма. Так ставил вопрос и т. Зиновьев; в троцкизме 1923—24 гг. мы имели ренессанс меньшевизма, рецидив меньшевизма. Тов. Канатчиков об'яснял тогда тов. Троцкому, почему он «шарит в прошлом»: эти поиски в прошлом приводили его к тому, что т. Троцкий в 1923—24 гг. повторяет почти слово в слово рассуждения меньшевиков: «Подобного же рода обвинения наше руководящее ядро партии могло слышать от ликвидаторов, примерно, лет 13 назад»,—писал тов. Канатчиков. А дальше он приводит выписку из писаний «небезызвестного лидера меньшевиков и ликвидаторов, П. Аксельрода, и восклицает:

«Да экономна мудрость бытия:
Все новое в ней шьется из старья».

Совершенно верно. Но и эта новая оппозиция сшита из троцкистского старья, да еще очень основательно потрепанного уже после смерти Ленина, когда оппозиция в это старье вновь облачилась.

Но какие же выводы делал из этого обзора прошлого т. Канатчиков? А вот какие:

«Читая эти рассуждения одного из вождей меньшевизма, невольно задаешь себе вопрос: а не является ли вся аргументация нашей «антиаппаратной» оппозиции, сходная, как две капли воды, с вышеприведенными рассуждениями П. Аксельрода, возрождением или отрыжкой старого ликвидаторства? Конечно, одной ссылкой на это разительное сходство нельзя ограничиваться. Очевидно, что в условиях нашей партийной современности имеются в наличии об'ективные причины, не только порождающие это сходство в аргументации, но также и делающие, вольно или невольно, незаметным это сходство для носителей этого рода аргументации и настроений. Вот над чем следует призадуматься.

Не случайность также и то, что оппозиция, вольно или невольно, в свою оценку положения нашей партии, в предвидение ее будущих судеб, в оценку нашего хозяйственного положения вносит значительную долю своих пессимистических настроений, сплошь и рядом не имеющих под собой никакой реальной почвы.

[1]) Г. Зиновьев, «Большевизм и троцкизм». ГИЗ 1924 г., стр. 37.

Невольно напрашивается вопрос: а не есть ли это следствие утраты веры в революцию, неверие в силу и способность рабочего класса двигать и развивать революцию дальше?

Следствием такого рода пессимистических настроений неизбежно являются или упадочничество или же ничем не обоснованное и не мотивированное вспышкопускательство, усиленная тяга к «переоценке ценностей» и т. п.

В такие моменты все то, что когда-то считалось необходимым и целесообразным, начинает казаться нелепым, обременительным, стесняющим и убивающим инициативу и т. п.».

Не правда ли, не в бровь, а прямо в глаз? Вся партия наша, все коммунистические братские партии, входящие в Коминтерн, все сознательные пролетарии во всем мире знают теперь оценку нашей партии, данную троцкизму. Партия была достаточно единодушна в этой оценке. Мы могли бы привести бесчисленные свидетельства, аналогичные только что приведенному и других членов новой оппозиции,—тт. Сокольникова, Залуцкого, Евдокимова, Сафарова и др. Но достаточно приведенных. Смысл всех этих заявлений совпадал с решениями ВКП(б), с решениями Коминтерна. В лице троцкизма мы имели правый уклон. ВКП(б) и Коминтерн боролись с троцкизмом и осудили его именно потому, что видели в нем рупор мелкобуржуазных настроений, как в нашей стране, так и в других странах. И оттого, что троцкизм рядился иногда в левые фразы, он не переставал быть правым течением. Еще Ленин отметил давным давно эту особенность троцкизма. Не раз он говорил о «герое фразы», который «обманывает рабочих», «извращает большевизм», «прикрывает ликвидаторство», «бросает песок в глаза рабочим». Новое в 1926 г. заключается в том, что это, осужденное всей нашей партией и Коминтерном течение,—антиленинское, антибольшевистское, — вытаскивается на свет, как новое евангелие; новое заключается в том, что люди, которые вчера божились и клялись, что они всегда будут враждебны антиленинскому учению, сегодня взяли его оружием против подавляющего большинства партии, взяли его знаменем. «Здесь на этой арене (на арене борьбы с троцкизмом) мы «долго и всерьез» будем бороться с оппортунизмом»,—заявлял тов. Сафаров в 1924 г. А ныне? «Всерьез и надолго» провозглашается новый оппозиционный блок с троцкизмом, защита троцкизма, измена решениям партии и Коминтерна.

Тов. Зиновьев указывал в 1924—25 гг. средства борьбы с этим правым уклоном:

«Лучшее средство удержать т. Троцкого от дальнейших ошибок, которые еще больше удаляют его от большевизма,—говорил и писал он,—это дать самый единодушный отпор его нынешним ошибкам». «Увидев всю гибельность этой тенденции, увидев все единодушие партии против громадной ошибки т. Троцкого, т. Троцкий, будем надеяться, сойдет с неправильного пути». «Чтобы удержать его от уже чрезмерного колебания вправо, нужен идейный отпор со стороны всей партии». Что же случилось? Тов. Троцкий не сошел с неправильного пути, а сошли с правильного пути на путь троцкизма тт. Зиновьев и Каменев. Вся партия и теперь, как в 1924 г., будет единодушна в борьбе с троцкизмом, который составляет главный идейный багаж сегодняшней новой оппозиции. Оттого, что эта новая оппозиция к троцкизму прибавила кое-что от медведевщины, кое-что от Оссовского, кое-что от всех бывших в нашей партии со времени Октябрьского переворота оппозиционных течений; оттого, что она возродила кое-какие свои дооктябрьские настроения,—партия не имеет поводов к смягчению этой борьбы. Конечно, если под партией разуметь ее преобладающее большинство, ее партийные массы, входящие в состав многочисленных ячеек, если иметь в виду коллективную волю партии, выразившуюся в резолюциях собраний ячеек, районных, губернских и областных активов,—словом, если партию понимать по-ленински, по-большевистски. Но ведь «роли партии в целом,— по словам т. Н. К. Крупской,—роли партийной спайки по всей линии, как раз и не понимает т. Троцкий. Для него партия равнозначна штабу» (Н. К. Крупская, «К вопросам об «Уроках Октября»). Добавим при этом: штабу довольно пестрому и довольно беспринципному—штабу нынешней оппозиции, штабу без армии.

* * *

В области организационного строительства огонь оппозиции направлен: 1) на партийный аппарат; 2) на завоевание свободы группировок; 3) на расшатывание большевистской дисциплины в партии. После дела Лашевича, после «лесных» собраний и создания всякого рода конспиративных организаций, которые создаются сторонниками оппозиции, должны отпасть всякие сомнения в этом. Оппозиция в организационных вопросах стала на точку зрения троцкизма целиком. А еще недавно эти сторонники новой оппозиции признавали, что «так представляет себе организационную структуру партии т. Троцкий, как представлял ее себе Аксельрод и другие» (Л. Б. Каменев). А если это так,—а это действительно так,—то ведь совершенно ясно, что новая оппозиция в области организационной защищает аксельродовский принцип построения нашей партии, но отнюдь не большевистский. В области организационных взглядов наша оппозиция воспринимает от троцкизма больше всего, потому что именно в этой области новая оппозиция получила наиболее ощутительный удар и урон. Восстановить потерянное влияние представители новой оппозиции могут только в том

случае, если будет разрушена ныне существующая система партийного строительства, если будет разрушена ленинская партия. Чрезвычайно характерным является то обстоятельство, что на XIV с'езде очень много велось разговоров по поводу неправильных взаимоотношений между различными органами Центрального Комитета,—Секретариатом, Оргбюро и Политбюро. И нетрудно убедиться в том, что эти споры возрождают как раз те упреки, которые были сделаны в свое время тов. Ленину. Стоит прочесть прения на X и XI с'ездах нашей партии, чтобы убедиться в этом. В упреках новой оппозиции по адресу Центрального Комитета, по адресу наших партийных аппаратов, нет абсолютно ничего нового, чего мы не слышали бы от всех осужденных партией оппозиционных группировок. Какими бы новыми словечками ни прикрывалась новая оппозиция, по отношению к ней остается совершенно правильным утверждение насчет того, сколь «экономна мудрость бытия: все новое в ней шьется из старья».

Если бы одержали победу принципы новой оппозиции, это означало бы такое расшатывание партийной дисциплины, при котором партия не могла бы не только управлять страной, но не могла бы выполнить ни одной из стоящих перед ней задач, как перед коммунистической партией. В. И. Ленин предупреждал партию в 1920 г.: «Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (т. XVII, стр. 136).

Взять хотя бы Шляпниковско-Медведевскую платформу. Ведь это факт, что ее меньшевистско-ликвидаторские взляды не встретили осуждения со стороны оппозиции. Точно так же не встретили осуждения и взгляды Оссовского. Были разговоры насчет того, что Оссовского надо «поправить», что он дает ошибочные по форме обобщения. Разве это не есть прикрывание правых ликвидаторских взглядов, которые несовместимы с принадлежностью к партии? Какими бы, поэтому, левыми словами ни прикрывалась новая оппозиция, сколько бы ни клялись в верности ленинизму ее представители, для партии должно быть совершенно ясно: огонь новой оппозиции в области организационно-партийной направлен на защиту правого уклона, осужденного всей партией, осужденного Коминтерном. Огонь новой оппозиции направлен на поддержку всех правых течений нашей партии, на попытку превратить их в «законные оттенки» внутри большевизма.

Отсюда и обвинения против ЦКК. От представителей оппозиции нередко можно слышать, что ЦКК слишком пристрастна, что она в гораздо большей степени выполняет карательные функции, чем следует и т. п.

Какой хотели бы видеть представители оппозиции ЦКК? Вероятно, оппозиция была бы очень довольна, если бы ЦКК превратилась в дискуссионный клуб, где представители оппозиции могли бы произносить речи в защиту своих, осужденных с'ездами, пленумами ЦК и ЦКК и другими авторитетными учреждениями партии, взглядов и положений; если бы она не применяла партийных репрессий по отношению к таким нарушителям партийной дисциплины и партийной линии, как тт. Лашевич, Беленький и другие; если бы она оставляла в рядах партии таких ликвидаторов-меньшевиков, как Оссовский. Нам нередко приходилось слышать от представителей оппозиции такого рода взгляд, что ЦКК должна быть вне той борьбы, которая происходит внутри ЦК, т.-е. не принимать участия на чьей бы то ни было стороне. Другими словами, ЦКК не должна присоединяться ни к меньшинству, ни к большинству. Конечно, это совершенно не большевистский принцип. В той борьбе, которая происходит в настоящее время внутри партии, ЦКК защищает партийную линию, как она ее понимает, а эта партийная линия совпадает с линией большинства Центрального Комитета. Эта партийная линия и есть линия подавляющего большинства Центрального Комитета, подавляющего большинства партии.

Само собой разумеется, что ЦКК в своей работе применяет не только репрессии. Оппозиция хотела бы просто видеть в ЦКК орган, способствующий расшатыванию партии со стороны оппозиции; а так как она эту роль выполнять не может и никогда не будет, то отсюда и огонь оппозиции против ЦКК. Нетрудно видеть, что и в этом случае оппозиция нападает на ленинизм, на ленинское понимание роли ЦКК. Вместо созданной по мысли Ленина ЦКК, которая беспощадно борется со всякими уклонами в нашей партии, проповедуется какой-то размагниченный, размягченный орган ЦКК. Эта попытка заранее осуждена на поражение. Контрольные Комиссии во всей партии стали органами, которые помогают партии очищаться от всего идеологически чуждого, наносного, которые не позволяют разлагать, расшатывать дисциплину ВКП(б).

В области хозяйства огонь оппозиции, направленный против верной и правильной линии социалистического строительства, прикрывается также иногда вылазками «слева», и эти вылазки «слева», порой очень демагогические, как например, по вопросу о зарплате, специально применяются для того, чтобы скрыть, замаскировать правую сущность новой оппозиции. Правда, в этой области, как и в ряде других областей, оппозиция не представляет собой чего-либо вполне цельного, и именно в этой области беспринципность ее особенно велика. В настоящем номере «Большевика» всякий может убедиться на одном примере, с какой легкостью подходит новая оппозиция к разрешению таких важ-

нейших вопросов, как вопрос о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством. Тов. Преображенский в своей статье говорит, как о каком-то пустяке, о том, чтоб взять лишнюю «пару сотен миллионов рублей» с крестьянства, взять у него из закромов хлеб, «который едят мыши» на индустриализацию,—не замечая, что такая проповедь неизбежно должна привести к разрыву между рабочим классом и крестьянством, к новым, может быть, вспышкам гражданской войны и т. п. А чего стоит, напр., у того же т. Преображенского его «ехидный» вопрос насчет того, противоречит ли марксизм «непрерывному росту зарплаты» в наших условиях? Или чего стоит, например, утверждение, что для сбережения средств на индустриализацию мы ни в коем случае не должны сокращать разбухший государственный аппарат, что это недопустимо?! Повторяем, здесь нет полной устойчивости взглядов,—отдельные предложения противоречат общей линии новой оппозиции. Проведение в жизнь общей линии новой оппозиции означало бы срыв с огромным трудом достигнутых успехов в области хозяйственной, означало бы авантюристический прыжок навстречу неизвестности, навстречу величайшим опасностям, и с этой точки зрения линия эта означает об'ективно в общем и целом—крен направо. Неудивительно, что такой «сверх-индустриалист», как Медведев, приходит к выводам, что мы должны сделать гораздо большие уступки международному капиталу, который готов, будто бы, оживить нашу промышленность, что мы должны пойти на величайшие жертвы в этом отношении. Неудивительно, что ликвидатор-Оссовский ставит вопрос о том, что пролетариат жертвует всем, а другие классы ничем не хотят жертвовать для социалистического строительства; такие горе-индустриалисты, если бы мы их послушались, очень скоро привели бы к тому, что всякая возможность двигать вперед индустрию была бы сорвана надолго фактом раскола между рабочим классом и крестьянством.

Не иначе, не лучше обстоит дело и в области международных отношений. Лучшим, наиболее ярким свидетельством этому служит вопрос об англо-русском комитете. Вся лево-радикальная фразеология, которая была пущена в ход в пользу разрыва англо-русского комитета, весь огонь оппозиции, направленный «слева» против сторонников сохранения англо-русского комитета,—целиком на руку врагам Коминтерна. Кто же не знает, что для правительства Болдуина, для Черчиллей, для шахтовладельцев, для всей английской и мировой буржуазии взрыв англо-русского комитета, выход из него ВЦСПС, означал бы действительный разрыв между профессиональным движением, широкими рабочими массами Великобритании и СССР? Кто же не понимает, что это было бы подарком Томасам и Гендерсонам. Не дальше, как в эти дни, когда происходят новые заседания англо-русского комитета в Берлине, «Форвертс» из кожи вон лезет, силясь доказать необходимость этого взрыва, этого разрыва англо-русского комитета. В 1920 г. Ленин писал по поводу таких предложений, что «надо уметь противостоять всему этому, пойти на все и всякие жертвы, даже—в случае надобности—пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу» («Детская болезнь «левизны» в коммунизме»). Весь «левый» огонь новой оппозиции в области международной политики означает: «левые фразы—правое дело». И если нужно найти правильную и ясную формулу сущности новой оппозиции, то ее лучше не выразишь, как этими словами Ленина: «левые фразы—правое дело». Именно левая фраза толкает оппозицию на то, чтобы упрекать партию в компромиссах в области международной политики. И тут она также забывает В. И. Ленина, который нас предупреждал: «Стоит сказать... что мы признаем только один, только прямой путь, что мы не допускаем лавирования, соглашательства, компромиссов,—и это уже будет ошибкой, которая способна принести, частью уже принесла и приносит серьезнейший вред коммунизму» (В. И. Ленин, там же).

В 1924 г. тов. Зиновьев пришел к мысли, что «партия-то у нас ленинская и что она выросла уже настолько, что умеет, представьте себе, отличить ленинизм от троцкизма». Совершенно верно. К этому только надо добавить, что с тех пор—с 1923—24 гг.—партия еще больше выросла, что дискуссия 1923—24 гг. имела не только одни дурные стороны, но и хорошие, что дискуссия в 1926 г. (в связи с выступлением новой оппозиции), та огромная раз'яснительная работа, которую провела партия после XIV с'езда, после апрельского, июньского пленумов ЦК, те колоссальной важности вопросы, которые были поставлены этим с'ездом и пленумами перед самыми широкими партийными массами,—подняли партию на большую высоту. И если в 1924 г. партия, по мнению т. Зиновьева, настолько выросла, что умела отличить троцкизм от ленинизма (заслуга тт. Зиновьева и Каменева в прошлом заключается в том, что они помогали партии в этом),—то теперь нашу коммунистическую партию не собьешь тем обстоятельством, что знаменосцами троцкизма выступают тт. Зиновьев и Каменев, которые вчера против него боролись. Это может смутить отдельных товарищей, но это не может сбить нашу партию с ее твердого и правильного ленинского пути,—ни нашу партию, ни другие партии Коминтерна. Единодушное отрицательное отношение, которое встретило выступление новой оппозиции и в рядах ВКП(б) и в партиях Коминтерна, свидетельствует о том, что мы сумеем справиться и с этой «новой» оппозицией, скроенной, в основном, из довольно ветхого троцкистского старья.

А. Тальгеймер.

Крестьянский вопрос в Австрии и аграрная программа австрийской соц.-дем.

1. Западно-европейское решение аграрного вопроса.

Аграрная программа немецко-австрийской социал-демократии, принятая партейтагом в Вене 16 ноября 1925 г., требует особенно внимательного отношения от нас коммунистов. Эта программа выдает себя за принципиально новое решение аграрного вопроса, новое в двух направлениях. С одной стороны, она пересматривает социал-демократические взгляды на решение аграрного вопроса, с целью очищения этих взглядов от того, что в них устарело, а с другой—подвергает ревизии «большевистское» решение, учитывая условия и потребности Западной Европы. Нам обещают, таким образом, средний путь между Лениным и Каутским (прежним). Значение такой попытки далеко выходит за пределы маленькой Австрии, и так или иначе она окажет влияние на все партии II Интернационала. Мы должны поэтому тщательно разобрать ее.

Автор программы—Отто Бауэр. При ее составлении он пользовался сотрудничеством аграрной комиссии, назначенной зальцбургским партейтагом 1924 года. В обоснование своей программы Бауэр написал очерк аграрной истории и аграрной политики Австрии [1]), на партейтаге он выступил с докладом по аграрной программе [2]) и он же написал комментарий к ней [3]).

Соображения о мотивах и целях новой аграрной программы, изложенные О. Бауэром в его с'ездовском докладе, настолько характерны, что мы приведем их дословно.

В начале своего доклада Бауэр говорит: «Уже во время революции 1848 г. и на другой день после нее у Маркса возникает мысль, что пролетариат сможет победить только в том случае, если он сумеет стать руководителем, гегемоном всего трудового народа, если в качестве класса, находящегося в самом решительном, самом непримиримом антагонизме с капиталистическим миром, он сплотит вокруг себя, подчинит своему руководству все остальные классы, враждебные капитализму, и прежде всего широкие крестьянские массы. Бесспорная заслуга больше-

---

[1]) *Der Kampf um Wald und Weide.* Studien zur österreichischen Agrargeschichte und Agrarpolitik, 1925. (Первый выпуск аграрно-социалистической библиотеки, издаваемой аграрно-политической комиссией немецко-австрийской социал-демократии).

[2]) См. *Protokoll des sozialdemokratischen Parteitages,* 1925, abgehalten in Wien vom 13—16 November, 1925, стр. 249.

[3]) *Sozialdemokratische Agrarpolitik.* Erläuterung des Agrarprogramm der Deutsch-österreichischen sozialdemokratie, 1926. (Шестой выпуск аграрно-социалистической библиотеки).

визма, то, чему мы должны учиться у него, заключается в необычайно энергичной рецепции этой мысли. Но поучительна тут для нас именно только *энергия, с какою ставится проблема*, а не способ ее *решения*. Русский большевизм решил проблему так: пролетариат устанавливает свою диктатуру и добивается *пассивной покорности крестьян* ценою передачи им помещичьей земли и минимального вмешательства в дела деревни. То, что большевизм называет диктатурой пролетариата и крестьянства и гегемонией пролетариата над крестьянством, сводится в общих чертах к тому, что он предоставляет крестьянам жить в деревнях своей нетронутой местной жизнью, а уж дальнейший вопрос о том, кто и как управляет государством, не интересует крестьян, пока государство оставляет их в покое. У нас положение совсем другое. Сельское население у нас далеко не так индифферентно, бессознательно и незаинтересовано, как было русское крестьянство в 1917 г. Наше *крестьянство* уже *имеет за собой политическое прошлое*; с восьмидесятых годов, с начала борьбы христианских социалистов против старо-консерваторов, оно вовлечено в политические битвы—печатью, агитацией, своими организациями; оно давным-давно проснулось политически и вышло на определенный политический путь... Проблема гегемонии пролетариата над крестьянством может быть у нас решена *только путем, совсем отличным от того*, каким попытался пойти большевизм. Она не может быть решена у нас на основе индифферентизма сельского населения, в том расчете, что оно спокойно предоставит нам бразды правления, лишь бы мы не трогали его,—нет, мы сможем решить ее только в том случае, если нам удастся оторвать пролетарские элементы деревни от буржуазных партий и привлечь их на сторону нашей партии. В известном смысле это будет, конечно, означать установление гегемонии промышленного пролетариата над сельско-хозяйственными рабочими и бедными крестьянами,—именно в том смысле, что промышленный пролетариат составляет и будет составлять ядро, *головной отряд* нашей партии, и что какой бы слой ни примкнул к нашей партии, он тем самым должен будет перейти на сторону промышленного пролетариата, стать союзником промышленного пролетариата и в известном смысле, именно, поскольку этот пролетариат является самым многочисленным и самым активным и боеспособным нашим отрядом, подчиниться руководству промышленного пролетариата. Но только в этом смысле, а *не в смысле диктатуры* промышленного пролетариата над сельским населением, может быть осуществлена мысль о гегемонии пролетариата в стране, крестьянство которой имеет за собой десятилетия политического развития». Социал-демократия должна привлечь на свою сторону «широкие массы трудовых элементов деревни, совсем неимущих и малоимущих крестьян, т.-е. батраков, крестьянскую бедноту и мелких земельных арендаторов».

Еще яснее говорит О. Бауэр о причинах необходимости нового подхода к аграрному вопросу в одном месте своей книги «о лесе и выгоне». Здесь мы читаем (стр. 336):

«Вместе с тем победа большевизма в России и поражение социализма в Средней Европе доказывают, что промышленный рабочий класс не сможет завоевать и удержать в своих руках

власть, пока он не сумеет подчинить своему руководству широкие массы сельского населения.

Социал-демократия должна поэтому подходить к аграрным вопросам совсем иначе, чем она подходила к ним во время аграрных дебатов девяностых годов».

Стало быть, испытанные на собственной шкуре невзгоды «социализма в Средней Европе», в противоположность победам большевизма в России,—вот что заставило поставить заново аграрный вопрос. Революционная аграрная программа, выставляемая от имени рабочего класса Австрии, должна была об'яснить причины ударов, нанесенных австрийскому пролетариату именно сельским населением, и должна была извлечь отсюда соответствующие уроки. Ниже мы укажем главные моменты политики австрийской социал-демократии по отношению к крестьянству в 1918—1920 годах и посмотрим, какие революционные выводы отсюда следуют и сделаны ли эти выводы в новой аграрной программе.

А пока заметим, что приведенные выше принципиальные соображения О. Бауэра по поводу аграрной программы, поскольку он в них излагает и критикует решение аграрного вопроса русскими большевиками, создают не очень выгодное впечатление о его революционной основательности и добросовестности в подходе к аграрному вопросу. В самом деле, в этом пункте его изложение отличается непростительным легкомыслием и филистерской ограниченностью.

Конечно, нельзя просто подгонять под один общий шаблон русские, средне-европейские и западно-европейские аграрные условия. Но что коммунисты вовсе этого и не делали, это доказывают принятые II конгрессом Коммунистического Интернационала тезисы Ленина об аграрном вопросе. В них дается международное обобщение опыта русской революции в области аграрного вопроса, основанное на остром и глубоком марксистском анализе классового расчленения и классового положения крестьянства в целом. А к чему сводит О. Бауэр различия в положении крестьянства России и «Средней Европы»? Русское крестьянство не прошло политической школы и лишено политических интересов—в противоположность западному. Пролетарская диктатура в России основана на пассивности крестьян. Русская деревня терпит пролетарскую диктатуру потому и поскольку та «оставляет ее в покое». На Западе деревня должна **активно** поддерживать рабочий класс, чтобы он смог захватить власть и удержать ее в своих руках.

Не требуется, конечно, особенной проницательности, чтобы открыть, что при царизме (точнее до 1905—06 гг.) русский крестьянин был далек от политической жизни, что у него не было своей политической организации, своей печати и т. д., что он был культурно отсталым, не умел читать и писать. Но уже бесчисленными восстаниями 1905—06 гг. и затем гигантской волной восстаний, затопившей в 1917 г. всю русскую территорию, тот же самый крестьянин доказал, что он вовсе не был в то время политически «индифферентным», «бессознательным», «незаинтересованным». Он насильственно захватил помещичьи земли,—на наш взгляд признак довольно живой заинтересованности! О. Бауэр забывает о действии двух революций — 1905—6 гг. и февральской революции 1917 г. Он забывает, что в периоды революционных бурь дни, недели и месяцы дают больше в смысле политического пробуждения спавших доселе масс, чем годы и десятилетия демократически-парламентской рутины. Хорош политический сон, в котором совершается грандиознейший со времен французской революции аграрный переворот! И даже не один, а два аграрных переворота, непосредственно переходящих друг в друга: один об'единяет все крестьянское население, всю деревню, поднявшуюся для захвата помещичьих земель, а второй раскалывает эту деревню и поднимает деревенскую бедноту, т. е. батраков и беднейших крестьян, против кулаков. Горсть крупных помещиков была просто затоплена крестьянским морем в первой из этих двух революций. Вторая же вылилась в форму ожесточенной, свирепой, длительной **гражданской войны**, на пространстве от Невы до морских побережий Сибири,—гражданской войны, в которой шла борьба не только между русским рабочим классом и старым обществом, но дрались также не на жизнь, а на смерть оба классовых лагеря деревни, вошедшие в ряды красной и белой армии и в партизанские отряды. Такова «пассивная покорность крестьян», поскольку дело касается завоевания и удержания власти.

Но и прокормление красной армии и городских рабочих было бы невозможно при одной лишь «пассивной покорности» беднейшего крестьянства. Если бы оно оставалось «пассивным», революция была бы задушена голодом.

Но после гражданской войны? Даже при незнании фактов простое рассуждение должно было бы убедить марксиста, что отношение деревни к городскому пролетариату **не могло** заключаться в простой самоизоляции и пассивности. Гражданская война нанесла деревне тяжелые удары. Без самого энергичного, активного вмешательства пролетарского города, без его **активной помощи**, деревня не могла и не может оправиться. Взаимоотношения между городом и деревней, между крестьянством и пролетариатом, после окончания гражданской войны представляют собою сложный и разнообразный процесс, в котором активно участвуют обе стороны. Этот процесс, конечно, не существует для того, кто воображает, что русский крестьянин мог пережить и проделать революцию, оставаясь все тем же старым мужиком, о котором «образованный» европеец составил себе представление по старым романам. Какая поистине филистерская фантазия требуется для того, чтобы воображать подобные вещи!

Более высокое культурное развитие европейского крестьянина, как и его более или менее давняя вовлеченность в парламентско-политическую злобу дня, бесспорно являются факторами, с которыми должна считаться политика рабочего класса, **поскольку дело касается форм и средств агитации и пропаганды, организационных вопросов** и т. д.,—но все это отнюдь не способствует большей политической зрелости сельского населения Средней и Западной Европы по сравнению с русским крестьянством [1]).

[1]) Маркс, между прочим, был не слишком высокого мнения о культурности средне- и западно-европейского крестьянства, особенно его наиболее угнетенных классов.

Что касается специально немецкой Австрии, то интересны следующие заявления делегатов партейтага:

Только после пролетарской революции и в Средней и Западной Европе сравнительно высокий культурный уровень европейского крестьянства даст политические плоды,—в условиях капиталистического или помещичьего гнета и всесторонного буржуазного влияния об этом не может быть и речи.

Не менее поверхностны и ошибочны рассуждения О. Бауэра об отношении пролетариата к крестьянству при пролетарской диктатуре в России. Он представляет дело так, будто в деревне большевики не нашли и не использовали классовых противоположностей, будто они там не приобрели себе активных сторонников. Пролетарская диктатура превращается у него в диктатуру пролетариата над крестьянством. В то же время для него ясна вся важность мысли о классовом союзе между пролетариатом и крестьянством. Но он требует, чтобы, в противоположность большевикам, партия привлекла к себе, т.-е. вобрала в себя, пролетарские элементы деревни. Однако, из вышеприведенных рассуждений Бауэра читатель видит, что он хочет открыть доступ в партию не только деревенскому батраку, но и мелкому крестьянскому собственнику,—и притом не индивидуально, а как представителю определенного социального слоя. (А между допущением в партию мелкого крестьянина и допущением в нее среднего едва ли можно провести строгую границу). Таков должен быть, по Бауэру, истинный классовый союз без «диктатуры»; гегемония пролетариата заключается в том, что он является головным отрядом партии. Кратко выражаясь, можно сказать, что вместо союза двух классов, пролетариата и крестьянства, у О. Бауэра получается отказ от классового характера пролетарской партии, ее превращение в мешанину пролетарских и мелкобуржуазных элементов. Но это значит перевернуть вверх ногами понятие классового союза, ибо понятие это как раз предполагает существование двух партнеров, как вполне отличных друг от друга факторов, что неизбежно должно найти себе и организационное выражение. «Новостью» в этом гениальном исправлении большевизма является только этикетка. Социалистическая народная партия, в которой пролетариат и мелкобуржуазные элементы смешаны в общую кашу,—довольно старая выдумка.

Что отказ от чистоты пролетарского состава партии и союз между классами не одно и то же, что, наоборот, сохранение классового характера партии является предпосылкой такого союза, эта истина открыта, впрочем, не большевиками.

В известной статье Ф. Энгельса о крестьянском вопросе во Франции и Германии [1]) ясно и определенно говорится: «Я решительно отрицаю, чтобы в задачу социалистической партии какой-либо страны входило принимать в свою среду, кроме деревенских пролетариев и мелких крестьян, также средних и

Гоффенрейх (Бургенланд): «Люди (в деревне) не читают газет, собраний, особенно социал-демократических, не бывает годами» (Протокол, стр. 274).

Видмайер (Ваграм): «Можно только приветствовать речи о том, что у нас в деревнях должны быть школы. Но школы ничему не помогут, когда ребенок с раннего детства остается без матери. В Маршфельде в нынешнем году сгорело трое детей, которые были заперты на целый день, потому что мать весь день проводила в хлеве, а отец в поле» (Протокол, стр. 284).

[1]) Neue Zeit, XII, 1, стр. 292 (1894 г.).

крупных крестьянских собственников, не говоря уже об арендаторах больших имений, капиталистических скотоводах и прочих капиталистических представителях национального землевладения... Мы можем в некоторых вопросах итти вместе с ними, можем до поры до времени бороться на их стороне за определенные цели. Но в нашей партии может быть, правда, место лицам из любого общественного слоя, но отнюдь не капиталистическим, не среднебуржуазным или среднекрестьянским группам» (стр. 299).

Но где же—могут мне возразить—говорит О. Бауэр о принятии в партию представителей среднего и крупного крестьянства? Определенно он этого не говорит нигде. Но из того, что он противопоставляет классовый союз с крестьянством, основанный на его включении в партию, такому союзу с ним, при котором оно в массе своей остается вне партии,—отсюда этот вывод уже вытекает сам собою. И, действительно, именно в этом пункте проявляется внутреннее перерождение всех социал-демократических партий, ибо все они широко открывают доступ в партию мелкобуржуазным элементам [1]).

Когда Энгельс писал слова предостережения против допущения в партию средних и крупных крестьянских собственников, он имел, между прочим, в виду, как это явствует из некоторых его писем, альпийских крестьян, эксплоатирующих свою домашнюю челядь и батраков.

Перейдем теперь к описанию перипетий в развитии отношений между промышленным пролетариатом и крестьянством в Австрии за время от 1918 до 1920 г. и к рассмотрению той роли, которую играла при этом австрийская социал-демократия. Из нашего изложения выяснится, какие задачи должна была ставить себе революционная рабочая партия в деревне, чтобы победить. Но для понимания событий, о которых у нас пойдет речь, нужно дать сначала краткий обзор классового расчленения, имущественных отношений и хозяйственных форм в австрийском сельском хозяйстве. Различия в облике, какой принял аграрный вопрос в России и в капиталистически развитых странах Средней и Западной Европы, коренятся гораздо глубже, чем в таких фактах культурного порядка, как грамотность, участие в парламентской партийной жизни и т. д. Они в первую голову обусловлены историческим моментом и классовыми отношениями, при каких происходит в данной стране ликвидация феодализма или его остатков. В Англии, например, этот момент отделен от нас столетиями, во Франции он приходится на 1789 год, в Германии—на 1848 г. и т. д. В своем первом периоде русская аграрная революция еще имела перед собой некоторые из тех задач, которые уже давно были разрешены в Средней и Западной Европе. Но если в Европе помещичий феодализм был ликвидирован буржуазией (активной боевой силой являлась при этом демократическая мелкая буржуазия вместе с зачаточным пролетариатом), то в Рос-

[1]) Прием в ВКП (б) середняков-крестьян, конечно, не может рассматриваться как мера, ведущая к перерождению этой партии, ибо ВКП (б) принимает в свои ряды лишь очень ограниченное число прочно перешедших на сторону и точку зрения пролетариата середняков. Основным принципом регулирования состава ВКП (б) является обеспечение в ней громадного пролетарского большинства.

сии руководство этой революцией выпало на долю рабочего класса. При таких условиях буржуазная революция против феодализма слилась и об'единилась с социалистической революцией против капиталистического строя.

Эти две исторические задачи, отделенные друг от друга в Средней и Западной Европе рядом поколений, оказались в России втиснутыми в промежуток нескольких лет. Считаться только с исторической отсталостью русского крестьянина по сравнению с европейским значит решительно ничего не понимать. Отсталый сравнительно с Западом русский крестьянский класс об'единяется с исторически настолько передовым и развитым классом, как этого никогда еще не было на Западе,—с пролетариатом. Отсюда та необычайная быстрота, с какой русский крестьянин без передышки пробегает целый ряд революционных этапов.

Крестьянству Западной и Средней Европы уже не приходится, за немногими исключениями, добиваться ликвидации феодально-помещичьего землевладения. Его главным антагонистом является капиталистически хозяйствующий крупный землевладелец и более или менее монополистический промышленный, торговый и банковский капитал. В конечном счете это только означает, что по сравнению с Россией на Западе отпадает первый, антифеодалистический, акт революционной драмы, и последняя прямо начинается со второго.

2. Крестьянство и рабочий класс в Австрии от 1918 до 1920 г. и роль социал-демократии.

Крупные сельскохозяйственные предприятия имеются в большом количестве только в Бергенланде и Нижней Австрии; остальные «области» (провинции) являются крестьянскими, и для них характерна средне- и крупно-крестьянская форма хозяйства, работающая с домашней прислугой, поденщиками и полупролетариями разных оттенков («Häusler, Keuschler»).

Существующая сельскохозяйственная и промысловая статистика, к сожалению, весьма неудовлетворительна. За 1902 год мы имеем следующие цифры:

Число хозяйств.

Провинции.	Ниже 2 гектар	%	2—5 гектар	%	5—20 гектар	%	20—100 гектар	%	Свыше 100 гектар	%	Общее количество.
Нижняя Австрия	59.958	38,5	27.868	17,9	48.416	31,1	18.515	11,9	968	0,6	155.725
Верхняя Австрия	25.642	31,5	14.574	11,9	25.360	31,2	15.454	19,0	278	0,9	81.308
Зальцбург	3.573	22,5	2.243	14,2	5.704	36,01	3.602	22,08	703	4,4	15.825
Штирия	21.040	26,0	19.230	23,7	27.405	33,8	12.183	15,1	1.356	1,4	81.214
Каринтия	7.305	21,9	5.618	16,9	10.891	32,7	8.385	25,2	1.095	3,3	33.294
Тироль	7.520	24,3	7.970	25,8	10.610	34,3	3.929	12,7	922	2,9	30.951
Форарльберг	7.559	42,0	4.769	26,2	4.600	25,6	788	4,4	318	1,8	18.034

Крупной крестьянской собственностью считается в Австрии участок, превышающий 20 гектар, хозяйства в 5—20 гектар относятся обыкновенно к средне-крестьянским. Участки меньше,

чем в 5 гектар, принадлежат большей частью мелким крестьянам и полупролетариям, а иногда (всегда это так в окрестностях Вены) просто фабричным рабочим, владеющим небольшим клочком земли (огородом, виноградником и т. д.).

Если взять средние и крупные крестьянские хозяйства вместе, то получается следующая таблица (в процентах):

Процент средних и крупных крестьянских хозяйства (5—100 гектар).

Нижняя Австрия и Вена	43,0
Верхняя Австрия	56,1
Зальцбург	58,1
Штирия	48,9
Каринтия	57,9
Тироль	47,0
Форарльберг	30,0

О распределении земельной площади между различными категориями хозяйств сельскохозяйственная статистика дает мало пригодного для нас материала, потому что она берет все хозяйства ниже 100 гектар за одну скобку. В хозяйственной переписи 1896 г. для девяти областей (Верхней и Нижней Австрии, Штирии, Зальцбурга, Тироля и Форарльберга, Богемии, Моравии, Силезии) мы тоже находим слишком суммарные для наших целей данные, потому что охваченная ею территория отличается большим разнообразием, да к тому же в ней учтены и городские строительные участки. По данным этой переписи, на средние и крупные хозяйства от 5 до 100 гектар приходится 47,3% всей земельной площади девяти названных областей. Во всяком случае, из всех имеющихся данных вытекает заключение о сильных позициях среднего и крупного крестьянского хозяйства на территории нынешней Австрии.

Если же, с другой стороны, подсчитать хозяйства размерами ниже 5 гектар, то получается следующая картина:

Число хозяйств ниже 5 гектар в %% (1902 г.)

Нижняя Австрия и Вена	56,4
Верхняя Австрия	43,4
Зальцбург	36,7
Штирия	49,7
Каринтия	38,8
Тироль	50,1
Форарльберг	68,2

О числе сельскохозяйственных рабочих дает представление следующая таблица (от 1910 г.), относящаяся к земледелию и лесному хозяйству:

	Самостоят. хозяева	Служащие	Рабочие	Работающие чл. семей
	(в процентах)			
Нижняя Австрия	30,43	0,49	32,39	36,69
Верхняя Австрия	27,96	0,23	47,66	24,15
Зальцбург	22,12	0,46	51,30	26,12
Штирия	27,77	0,16	34,00	38,07
Каринтия	20,09	0,30	47,10	32,51
Тироль	32,39	0,12	22,67	44,82
Форарльберг	40,96	0,15	13,68	45,21

Таким образом, в Каринтии, Зальцбурге и Верхней Австрии сельскохозяйственные рабочие составляют почти половину

всего населения, занятого в сельском хозяйстве, а в Нижней Австрии и Штирии—около одной трети, при чем здесь в рубрику «самостоятельных хозяев», наверное, включены и многочисленные полупролетарские элементы.

Теперь мы можем перейти к истории отношений между городским рабочим классом и деревенским населением и к той роли, которую играла при этом социал-демократия в период от 1918 до 1920 года. В основу нашего изложения мы положим книгу самого О. Бауэра «Австрийская революция» [1]).

О течениях среди крестьянства в начале революции О. Бауэр говорит в своем «Wald und Weide»:

«К концу войны сильное брожение охватило и крестьянство... И крестьянин стал надеяться, когда революция прогнала императора, на *великий переворот в области имущественных отношений*. Теперь, думал он, настала пора *вернуть похищенную господами крестьянскую землю потомкам «Якова Последнего»* [2]) (курсив мой. *А. Т.*), настала пора *разделить помещичьи земли среди крестьянских сыновей*, установить новые правила для пользования лесом и выгоном, преобразовать охотничье право» (стр. 152—153).

«...Деревенский пролетариат начал об'единяться с промышленным пролетариатом. Он примкнул к социал-демократии. Но крестьянский собственник, недовольный режимом «хозяйства центров» [3]) и напуганный движением деревенской бедноты, *стал относиться к социал-демократии со все возрастающей враждебностью*. Социал-демократия была *поэтому* (!! *А. Т.*) не в состоянии захватить руководство тем демократическим движением, требовавшим переворота в имущественных отношениях, которое к концу войны охватило и крестьянство. *Это движение стало развертываться под сенью христианско-социалистической партии*» (стр. 153—154).

Подчеркнутое нами в этой цитате «поэтому» поистине великолепно! Мы увидим сейчас, как христианско-социалистическая партия удовлетворила требование крестьян о перевороте в области имущественных отношений. «Хозяйство центров» мы имели, как известно, и в России, пережившей реквизиции и военный коммунизм. Русскому крестьянину реквизиции были тоже не очень-то по душе. Но он помирился с ними *ради «переворота в области имущественных отношений»*, ради передачи помещичьей и кулацкой земли бедным и средним крестьянам. *Поэтому* бедный крестьянин и середняк отвернулись от эсеров (которые, с некоторыми оговорками, соответствуют австрийским христианским социалистам) и перешли через левое эсерство к большевикам. Богатый же крестьянин, бывший против имущественного переворота (потому что *ему-то* пришлось бы не получить землю от помещиков, а отдать ее беднякам и середнякам), составил ядро белых армий и сдался только после поражения в длительной гражданской войне. Ключ к положению в

[1]) Otto Bauer. «Die österreichische Revolution» Вена, 1923 г.

[2]) «Яков Последний» – заглавие крестьянского романа тирольского народного писателя Розеггера. В романе описывается отчаянная борьба одного мелкого крестьянина за землю, оканчивающаяся его поражением.

[3]) Имеются в виду государственные центральные органы по закупке и распределению продовольствия.

Австрии именно в том и заключался, чтобы удовлетворить земельный голод бедного крестьянина, а также деревенского пролетария и полупролетария. Социал-демократия не решилась стать во главе революционного движения мелких крестьян и деревенских батраков, и вот *поэтому* «крестьянин» повернулся к ней спиной, образовал левое крыло в партии христианских социалистов и в конце концов снова подчинился руководству деревенской и городской буржуазии.

Но послушаем О. Бауэра:

«Крестьянство,—уверяет он,—было в начале революции далеко от контрреволюционных настроений. Ожесточенное войной, оно было за республику, против милитаризма и плутократии, *и даже рвалось к перевороту в области деревенских имущественных отношений*. Весной 1919 года представители крестьянства в рядах христианско-социалистической партии освободились от своих буржуазных руководителей и об'единились с социал-демократией. Из этой коалиции родилось движение Реннера-Финка. Но такое положение длилось очень недолго. Чем больше обострялся в ходе революции антагонизм между крестьянством и пролетариатом, тем быстрее и основательнее сумели городские христианские социалисты снова подчинить своему руководству христианско-социалистических крестьянских представителей».

Вот где решающий пункт, который, впрочем, Бауэр всячески старается замазать: чтобы оторвать средних и бедных крестьян и деревенских пролетариев от богатых крестьян и от городской христианско-социалистической буржуазии, требовался со стороны рабочего класса переход *к революционной борьбе за землю*. Но революционная борьба за землю могла и может вестись только в соединении с борьбой за фабрику в городе, т.-е. за полное низвержение и экспроприацию буржуазии. А это *уже означает прорыв рамок буржуазной демократии, борьбу за пролетарскую диктатуру, переход от буржуазной революции к социалистической*. От этого шага австрийская социал-демократия была так же далека, как германская. И вот это предательство революционных интересов не только рабочего класса, но и деревенской бедноты, отбросило эту последнюю в об'ятия буржуазии, т.-е. христианских социалистов, и со стихийной необходимостью предопределило перелом революции. Бауэр излагает дело так, будто «крестьянин» отвернулся от социал-демократии потому, что она была для него слишком революционна. Это значит ставить вещи вверх ногами. В действительности все дело в том, что для революционных элементов деревни, для батраков, полупролетариев и бедных крестьян, социал-демократия *шла недостаточно далеко* и только для деревенской буржуазии она шла слишком далеко.

Разумеется, у австрийской социал-демократии был полон короб «веских оснований», заставивших ее остаться в рамках буржуазной революции и пожертвовать буржуазии революционными интересами деревенской бедноты. Вся деятельность австро-марксистов во время и после революции сводилась и сводится к изысканию «веских» и достаточных оснований для этого предательства. В его об'яснение и оправдание ссылаются на исторические, географические и еще всякие другие основания. Как тут не вспомнить слова старика Гегеля: «В наше исполненное рефлексии и резонирующее время не далеко пошел тот, кто

не умеет подкрепить все, даже самое дурное и несуразное, каким-нибудь веским основанием. Все, что есть испорченного в мире, испорчено в силу веских оснований. Когда слышишь ссылку на основания, вначале бываешь склонен отступить перед ними; но когда потом убедишься, в чем тут дело, становишься туг на ухо по отношению к ним, и они уже перестают импонировать» (Энциклопедия, § 121, добавление).

Единственного, действительно веского основания, которое могло бы заключаться в том, что деревенская беднота была еще недостаточно развита для сочувствия революции в области деревенских имущественных отношений,—этого-то основания как раз и не было, как определенно заявляет сам О. Бауэр. Деревенская беднота желала аграрной революции, надеялась на нее, требовала ее, и, стало быть, была готова ради нее на борьбу и на жертвы.

Покинутая социал-демократией, она была вынуждена вернуться под опеку буржуазии. В этом пункте, который предопределил крушение революции не только в деревне, но и в городе, австрийские рабочие должны отдать себе ясный отчет, если они не хотят еще раз потерпеть поражение. Фактический материал в пользу этого утверждения приводится самим Бауэром и другими австрийскими лидерами.

Законодательная работа революционных лет, в той ее части, которая касается деревни, держалась строго в рамках буржуазных имущественных отношений. Бауэр сам говорит: «В законодательстве, направленном на преобразование крестьянских имущественных отношений, руководство осталось за христианско-социалистической партией».

Был издан декрет об охране арендаторов, закон о выкупе арендных участков, правила о труде сельскохозяйственных рабочих и закон о возвращении крестьян на землю (от 31 мая 1919 г.). Этот последний интересует нас здесь больше всего, ибо он относится как раз к «Якову Последнему», к вопросу об аграрной собственности. Закон этот об'являет допустимым отчуждение земли в небольших размерах за выкуп. И даже этот закон, представлявший собою только жалкую буржуазную реформу, подвергся саботажу со стороны правительственных органов, на которые было возложено проведение экспроприации. Не удивительно, что результаты (до 30 июня 1924 г.) получились самые плачевные: в силу названного закона было отчуждено 4.190 гк. земли для крестьянских участков и дворов и 9.764 гк. земельных угодий. Чтобы составить себе представление о смехотворной незначительности этого результата, достаточно вспомнить, что в одной только Верхней и Средней Штирии, за время от 1903 до 1912 г., крестьянами было потеряно 48.755 гк. земли.

Бауэр все время говорит о христианско-социалистическом аграрном законодательстве. Социал-демократы действительно «требовали» (в парламенте) отчуждения господской земли в пользу сельских общин и сельскохозяйственных коллективов, против чего возражали христианские социалисты.

Но что же заставило социал-демократию подчиниться требованиям христианских социалистов? Здесь необходимо дать краткий очерк развития классовых отношений в ходе австрийской революции. Как и выше, мы будем придерживаться изложения самого О. Бауэра.

И австрийская монархия сделала накануне своего крушения последнюю попытку спасти себя с помощью социал-демократии. Средством для этой цели должен был послужить государственный совет, выбранный «временным национальным собранием» (т.-е. попросту старыми депутатами немецко-австрийских избирательных округов). Этот государственный совет, составленный на пропорциональных началах из представителей всех партий, назначил статс-секретарей. Из социал-демократов эти посты заняли Виктор Адлер (иностр. дел) и Фердинанд Ганущ (соц. обеспечения), остальные статс-секретари были из буржуазных партий. Кроме того, в это правительство вошли следующие социал-демократы: Реннер—управляющим концелярией государственного совета, Глеккель—товарищем статс-секретаря по внутренним делам, при христианско-социалистическом статс-секретаре, и Юлиус Дейч—товарищем статс-секретаря по военным делам, тоже при христ.-соц. статс-секретаре. 3 ноября было заключено перемирие с Антантой. Социал-демократия, уступая давлению снизу, стала формировать батальоны народной обороны из рабочих; регулярная армия к этому времени окончательно разложилась. Император еще на троне, но уже функционируют «министерства ликвидации». Во всех центральных органах императорские министры сидят бок о бок с республиканскими статс-секретарями. На другой день после падения гогенцоллернской монархии в Берлине, 10 ноября австрийская социал-демократия решается, наконец, выступить с требованием республики. 12 ноября рабочий класс внушительно подкрепил это требование всеобщей стачкой.

В тот же день Австрия была провозглашена демократической республикой, и были об'явлены новые выборы во все политические органы на основе всеобщего и равного избирательного права. Одновременно происходила демократическая революция в альпийских областях. Здесь повсюду образовались демократические областные правительства из членов всех партий. Прекраснодушные мечты о гармонии классов овладели умами. Решающим фактором явилось в этих областях крестьянство, и при этом—о чем забывает напомнить Бауэр, но что самое главное—руководящая роль принадлежала богатым крестьянам. Они тотчас повернулись против пролетарской Вены. Уже 21 ноября Тироль принимает решение об официальном об'явлении своей независимости. Было ясно, что сломить гегемонию богатых крестьян и об'единить бедное и среднее крестьянство и деревенский пролетариат с городским рабочим классом удастся только в том случае, если социал-демократия решительно возьмет на себя руководство аграрной революцией. Роль руководителя явно выпадала, таким образом, на долю пролетариата.

И здесь изложение самого Бауэра подтверждает, что среди малоимущего крестьянства были даны для этого все предпосылки:

«Подобно рабочему и крестьянин считал, что политическая революция должна принести с собой народным массам переворот в области имущественных отношений. С семидесятых годов помещики и капиталисты в альпийских провинциях сгоняли крестьян с их участков, создавая из крестьянских земель большие поместья, и там, где некогда паслись коровы крестьян, бродили теперь господские олени. Теперь, думал крестьянин, настало время вернуть похищенную крестьянскую землю потомкам «Якова Последнего». В годы войны военные спекулянты тра-

тили свои свеже-нажитые деньги на покупку больших имений, но теперь настала пора разделить среди крестьян эти богатства, добытые народной кровью...» (Отто Бауэр, Die österreichische Revolution, стр. 122).

Крестьянская беднота была готова к бою, но этой готовности не было у социал-демократии. Все крестьяне были равно ожесточены против хозяйства военного времени, против военных реквизиций продовольствия в деревне. Рабочие советы, которые и в Австрии внезапно появились на свет в ноябрьские дни, были вынуждены в свою очередь немедленно приступить к реквизиции продовольствия у крестьян. Этим уже была предрешена судьба революции. Реквизиции в пользу городского рабочего класса могли бы быть проведены только в том случае, если бы одновременно малоимущему крестьянину и деревенскому пролетарию была передана помещичья и кулацкая земля. Только получение земли, и притом немедленное, могло бы примирить мелкого крестьянина с режимом реквизиций, отколоть его от богатых крестьян и городской буржуазии, парализовать тенденции к отрыву от Вены, сплотить деревню и город в единый боевой фронт. Это, несомненно, привело бы к ожесточеннейшей гражданской войне в самой деревне и к полному разрыву с буржуазией в городе. Правительствам классовой гармонии и классовой коалиции такая задача была не по плечу. И как могла бы австрийская социал-демократия, которая тоже помогала правительству держаться во время войны и которая еще в октябре участвовала в попытке спасти габсбургскую монархию, написать на своем знамени полный разрыв с буржуазией? Но во всяком случае отказом от этого разрыва был решен вопрос о дальнейшем ходе революции или, вернее, контрреволюции. Кулаки постепенно завоевали деревенские массы, взяв на себя руководство борьбой против реквизиций. Под их руководством крестьяне стали саботировать поставку продовольствия, опираясь на поддержку крестьянских советов. Во многих местах крестьяне вооружились. Провинциальные правительства («области») отрезали от подвоза продовольствия не только Вену, но и друг друга. «Автономные» областные правительства грозили отложиться от Вены.

И тем не менее выборы в учредительное собрание от 16 февр. 1919 г. еще дали социал-демократии большинство голосов. Социалистическая партия Австрии получила 1.211.814 голосов, христианские социалисты—1.068.822, национальные немецкие партии—545.938. Из общего количества в 159 мандатов С.П.А. получила 69, христианские социалисты—63, пангерманцы—24. При этом надо еще заметить, что от христианских социалистов откололось левое крыло, освободившееся от влияния городских христианских социалистов (т.-е. мелкой городской буржуазии). Социал-демократия еще имела возможность привлечь на свою сторону малоимущее крестьянство. Конституционным законом 14 марта государственный совет был распущен. Правительство было образовано из социал-демократии и левого крестьянского крыла христианских социалистов, при чем руководящее место принадлежало социал-демократам. В правительство 15 марта вошли следующие социал-демократы: Реннер (канцлер), Дейч (военное ведомство), О. Бауэр (иностр. дел), Ганущ (соц. обеспечение), Глеккель (просвещение). От крестьянского крыла христ. социалистов в правительство вошли форарльбергский крестьянин Финк (вице-канцлер), нижне-австрийский крестьянский лидер

Штеклер (сельское хозяйство), Цердик (торговля) и Никлас (ведомство вероисповеданий).

Это левое крестьянское крыло христианско-социалистической партии еще далеко не выражало собою всех чаяний бедного крестьянства. Как показывает закон о заселении земель, в нем преобладало влияние богатых крестьян, которые ничего и слышать не хотели о революционном изменении имущественных отношений в деревне. Поставив свою аграрную политику в зависимость от этих элементов, социал-демократия сама задержала дальнейшее революционизирование бедного крестьянства и тем самым выбила у себя почву из-под ног. Правда, в рамках буржуазной демократии проведение аграрной революции было невозможно и в тот момент. Но такая возможность вообще никогда не наступит. И русская учредилка отвергла, как известно, декреты о конфискации земли, хотя бедное крестьянство, как показали дальнейшие события, было за них, а бедное крестьянство составляло громадное большинство в деревне.

Тем временем возникла венгерская советская республика, предоставленная австрийской социал-демократией собственной судьбе и вскоре низвергнутая контрреволюцией. Баварская советская республика пала под ударами германской социал-демократии.

Уже осенью 1919 года отказ социал-демократии от аграрной революции привел к тому, что трещина внутри христианско-социалистической партии замкнулась снова. Образовалось второе коалиционное правительство от 17 октября 1919 г. Для характеристики этого правительства предоставим слово самому О. Бауэру:

«Таким образом, во вторую коалицию христианско-социалистическая партия вступила гораздо более крепкой, чем в первую. Первая коалиция была союзом классов (но не союзом с бедным крестьянством! *А. Т.*). Вторая коалиция была банальным партийным блоком социал-демократии с христианскими социалистами.

Социал-демократия делила теперь господство уже не с представителями крестьянства, а с представляемой городскими христ. социалистами частью буржуазии, которая теперь снова командовала крестьянскими голосами».

Прошел еще год, и социал-демократия окончательно села на мель и была вынуждена отдать бразды правления в руки одной буржуазии.

Выборы в национальный совет от 17 октября 1920 г. дали большинство голосов христианским социалистам (1.205.000 голосов против 1.023.000, полученных С.П.А.). 22 октября социал-демократические статс-секретари вышли из правительства. 20 ноября образуется первое чисто-буржуазное правительство республики.

Последним этапом на пути буржуазной реставрации является женевский договор от 4 октября 1922 г., превративший Австрию в маленькую колонию Антанты с отечественной буржуазией в качестве барских приказчиков, за которыми стоит буржуазия Антанты с шейлоковским векселем в руках и с повелительным требованием навести капиталистический «порядок».

(*Продолжение следует*).

Беннет.

Отчет Генерального совета о всеобщей забастовке.

«Вы можете не верить моему слову, но неужели вы не примете слов британского джентльмена, который был губернатором Палестины».

(Из заявления Томаса Куку).

На 25 июня с. г. Генеральный совет конгресса профсоюзов Великобритании созвал конференцию исполкомов, чтобы представить отчет о своей деятельности с момента об'явления всеобщей забастовки, вплоть до момента ее окончания. Отчет был составлен и разослан, как конфиденциальный документ, всем членам Ген. совета. Он впоследствии был утвержден единогласно всем составом высшего органа английских профсоюзов.

Все с нетерпением ждали этого отчета. Но накануне 25 июня мы узнали, что состоялось соглашение между Генеральным советом и исполкомом федерации горняков, чтобы отложить конференцию впредь до окончания забастовки горняков.

Почему конференция была отложена? На этот вопрос имеется официальный ответ, подписанный Генеральным советом и исполкомом федерации горняков, согласно коему конференция отложена для того, чтобы сосредоточить все внимание и всю энергию рабочего движения на помощи горнякам. Но этот ответ является только официальной версией, призванной скрыть правду от широких масс рабочего класса как Англии, так и всего мира.

В действительности Генеральный совет в самые последние дни перед моментом созыва конференции почувствовал, что его отчет вряд ли встретит сочувствие английского рабочего движения. Он предпочел попытаться либо вовсе уклониться от ответа, либо, по крайней мере, отложить отчет до такого момента, когда страсти улягутся и когда грехи и преступления, им содеянные, будут преданы забвению.

Тактику Генерального совета легко понять. Оправдаться ему более чем трудно, и он кровно заинтересован в том, чтобы выиграть время. Менее понятно, почему горняки не только согласились на отсрочку конференции, но обязались при этом воздержаться от критики Генерального совета, при чем Кук взял обратно свою маленькую книжку «Девять дней», в которой он опубликовал много интересных данных о том, как черная измена была совершена. Из данных, опубликованных в английской прессе, явствует, что горняки продали свое святое право критики действий Генерального совета за обещание со стороны последнего

мобилизовать все силы и все средства для обеспечения победы забастовки.

Теперь уже все знают, что Ген. совет своего обещания не сдержал. Он не только не оказывает активной помощи горнякам, но он эту помощь сознательно и планомерно саботирует. Хуже того, через своих активных членов—Бромлея, Бэвина и других—он пустил в прессу те ядовитые обвинения, которые легли в основу его отчета.

Думаем, что в этих условиях мы не только имеем право, но даже обязаны подвергнуть анализу этот секретный документ, большие части коего уже фактически были опубликованы.

Секретный отчет Ген. совета состоит из двух частей. Он содержит в себе часть первую—отчет индустриальной комиссии, в котором мы находим подробное описание всех переговоров, связанных с конфликтом в горной промышленности, вплоть до рокового дня, когда забастовка была свергнута постановлением Ген. совета; вторую часть составляет отчет комиссии по организации забастовки (strike organisation committee).

Обратимся к первой и основной части отчета. Она начинается описанием событий, имевших место в июле 1925 года и закончившихся победой горняков в день 31 июля, который вошел в анналы истории английского рабочего движения под названием Красной Пятницы. Отчет ограничивается простым констатированием того факта, что правительство Болдуина в самую последнюю минуту в день 31 июля 1925 г. пошло на уступки, и поэтому мероприятия, намеченные Ген. советом—организация эмбарго—оказались ненужными. Ген. совет при этом умалчивает, что правительство точно об'яснило цели и задачи своей уступки. Оно предупредило рабочий класс Англии, что свою временную уступку оно рассматривает, как передышку, нужную и необходимую для того, чтобы лучше подготовиться к предстоящим боям.

Умалчивая об этом важном моменте, Генеральный совет в своем отчете пытается создать впечатление, что с момента заключения перемирия, т.-е. с 31 июля 1925 года, он серьезно занимался подготовлениями к тому времени, когда срок перемирия будет закончен.

В доказательство этого тезиса, отчет приводит следующие факты:

1. В сотрудничестве с федерацией горняков и с исполкомом рабочей партии, он представил королевской комиссии «конструктивные предложения полной реорганизации и пересоздания всей промышленности». И к этому отчет прибавляет: «Если бы эти предложения были приняты, то не только удалось бы предотвратить последующие конфликты, но промышленность уже была бы на пути к полному восстановлению». Ген. совет при этом не дерзает даже сказать, что речь идет о национализации угольной промышленности, которую больше всего отстаивали горняки.

2. Индустриальная комиссия, существовавшая с июля месяца 1925 года, продолжала поддерживать контакт с горняками, и 30 января состоялось совместное заседание индустриальной комиссии с исполкомом федерации горняков, где была намечена общая линия поведения.

Ген. совет также отмечает, что состав индустриальной комиссии был несколько изменен. Председательское место в ней

было занято Пью (председателем июльской комиссии был Свейльс), а в состав комиссии был включен темных дел мастер Джимми Томас.

3. Индустриальная комиссия вела переговоры с кооперативами об организации кредита для забастовщиков на случай, если забастовка станет необходимой. Кооператоры, однако, заявили, что они могут взять на себя организацию кредита лишь в том случае, если этот кредит будет в достаточной мере гарантирован. Иными словами, еще задолго до начала забастовки английские кооператоры обнаружили такое же понимание принципов пролетарской солидарности, с каким мы впоследствии столкнулись, когда Ген. совет вел переговоры с секциями Амстердамского Интернационала о займе для помощи бастующим горнякам.

Этими коротенькими сообщениями исчерпываются все «приготовления», которые Генеральный совет сделал перед лицом конфликта между трудом и капиталом. Но это отнюдь не мешает гражданину Бромлею с презрением отвергнуть обвинение в неподготовленности, выдвинутое против Генерального совета (см. журнал «Локомотив», статья Бромлея «Великая забастовка», июль 1926 г., стр. 303).

Вопрос о подготовленности имеет огромнейшее значение. Мы хорошо знаем, что не только союз хозяев горной промышленности, но и правительство открыто готовились к первомайской забастовке. Программа приготовлений правительства была изложена не только в отдельных заявлениях членов правительства, но и в программной речи, произнесенной Черчиллем 10 декабря 1925 года, когда он просил палату общин утвердить дополнительную ассигновку на выплату субсидии хозяевам горной промышленности.

Мы позволим себе привести следующую выдержку из этой программной речи:

> «С того момента, как перестало сказываться искусственное преимущество оккупации Рура французами, т.-е. с начала нынешнего года, угольная торговля стала переживать неуклонно обостряющуюся депрессию. Все цены упали этим летом до уровня, который низвел установленную зарплату [1]) настолько ниже минимума, что шахтовладельцы все время несли весьма тяжелые убытки. Предприниматели требовали пересмотра минимума, а также дальнейшего снижения заработной платы в соответствии с усугублением депрессии. Горнорабочие ответили отказом даже обсуждать вопрос о снижении зарплаты или об удлинении рабочего дня, и они дали понять—это вытекало из позиции, которую они занимали, хотя они этого не говорили,—что если шахты не дают достаточной прибыли для сохранения существующей зарплаты и условий труда в промышленности, а также для сохранения повышенного количественного состава рабочих, влившегося в промышленность за последние несколько лет, то разницу, в чем бы она ни выражалась, убыток должны нести налогоплательщики. В этой их позиции горняков поддерживали

[1]) Под «установленной зарплатой» следует понимать ту зарплату, которую хозяева считали возможным платить в противовес тому минимуму, который они действительно платили. *Автор.*

> другие профсоюзы, и поэтому население должно было либо платить разницу между установленной зарплатой и минимумом, либо же считаться с возможностью всеобщей забастовки или того, что весьма походило на всеобщую забастовку организованного рабочего класса.
>
> О всеобщей забастовке организованного рабочего класса надо сказать следующее: кто бы ни выиграл, каждый класс, особенно же класс беднейший, неминуемо теряет; вся торговля и финансы страны расстраиваются; весьма тяжелые издержки возлагаются на правительство; приходится вводить новые тяжелые налоги; рынки, на которые работает наша экспортная торговля, быстро захватываются нашими алчными соперниками, шансы на восстановление благосостояния утрачиваются, возможно, на несколько лет, безработица продолжается в значительно увеличенном масштабе. Перед лицом всех этих зол все мыслящие люди должны согласиться, что в такую борьбу надо вступать, только если с абсолютной достоверностью выяснено, что все иные пути, все иные средства использованы и что нет другой возможности избавить общество от катастрофы.
>
> Кроме того, правительство в то время, в конце июля, усматривало возможности фактического оживления торговли. Мы не считали себя в праве их предсказывать, но, основываясь на полученных нами из разных источников доказательствах, мы рассчитывали на возможность улучшения положения, на сокращение безработицы, на улучшение цен мирового рынка в нашу пользу и, следовательно, на возможность заполнить брешь между установленной зарплатой и ее минимумом. Кроме того, мы действовали под впечатлением того факта, что страна в целом недостаточно информирована насчет характера и колоссальных последствий такой борьбы, как та, которая перед ней вставала (курсив мой). Совершенно очевидно, что, будучи вызовом такого рода, конфликт мог легко выйти за пределы простого экономического конфликта из-за заработной платы и условий труда и мог бы принять характер, совершенно отличный от характера подобных экономических столкновений. Если это могло воспоследовать, то совершенно ясно, что такой конфликт между обществом, во главе с правительством, с одной стороны, и многими крупными профсоюзами—с другой, должен был закончиться только одним образом, а именно, достигнутой любой ценой победой общества над организованной группой граждан, как бы эта группа ни была ценна, важна и многочисленна. Поэтому мы считали, что если такая борьба будет в самый последний момент признана неизбежной, то в высшей степени важно, чтобы она была предпринята только в таких условиях, которые без надобности не подвергли бы нацию опасностям, которых даже невозможно преувеличить. Поэтому мы решили оттянуть кризис в надежде его предотвратить или если не предотвратить, то успешно с ним справиться, когда он наступит (курсив мой). В виду этого, мы вступили с предпринимателями в соглашение уплачивать им в течение 9 месяцев разницу между установленной зарплатой и ее минимумом.

если таковая выразится не в пользу предпринимателя и независимо от ее размеров» (см. официальный отчет заседания палаты общин за 10 декабря 1925 г., стр. 730 и 731).

С места в карьер Черчилль переходит к королевской комиссии, которая, по всем видимостям, должна была подготовить благоприятную почву для победы правительства.

«Мы назначили,—заявляет Черчилль,—королевскую комиссию для изучения общего положения этой некогда процветавшей и благоденствовавшей отрасли промышленности и низведенной теперь до того, что она вынуждена просить у нации милостыню и исторгнуть выкуп у массы граждан всех классов, угрожая приостановить всю торговлю страны».

Ясно, что комиссия должна была покончить с этими милостынями и выкупами и уничтожить разницу между зарплатой, получаемой горняками, и той, которую хозяева хотели бы платить, за счет горняков.

Программа правительства проводилась открыто и нагло. Вся деятельность правительства проходила под знаком мобилизации штрейкбрехерских сил.

Можно ли серьезно утверждать, что Генеральный совет имел свою контрпрограмму? Мы думаем, что первые две страницы отчета, основной смысл которых мы привели выше, дают нам полное право ответить на поставленный вопрос резко отрицательно.

Попробуем, однако, проверить этот вывод на основании других данных официального и официозного характера.

В отчете комиссии по организации забастовки на первой странице мы читаем:

«29 апреля индустриальная комиссия (ныне называется комиссия по переговорам) представила свой отчет конференции исполкомов; этот меморандум, однако, не был опубликован и не был разослан до того момента, когда переговоры окончательно оборвались к концу дня 30 апреля с. г., так как *существовало мнение, что не следует делать ничего, что могло в какой бы то ни было мере подсказать предположение, что забастовка действительно состоится, до того момента, пока не будут исчерпаны все меры и все надежды ее предотвращения* (курсив мой).

В том же отчете на стр. 4 мы читаем:

«Комиссия по организации забастовки желает подчеркнуть, что организация была по необходимости импровизированной. 27 апреля был *первый день* (курсив мой), когда нас просили, как комиссию «путей и средств», рассмотреть вопрос на случай об'явления всеобщей забастовки, *до этого дня никто не рассматривал возможности такого события*» (курсив мой).

Этих двух цитат достаточно, чтобы опровергнуть попытку Ген. совета задним числом ответить на выдвинутые против него обвинения, что он не предвидел событий, которые развернулись 1 мая, и что он не принял никаких мер, чтобы должным образом к ним подготовиться. К сказанному прибавим, что Ген. совет, второпях утверждая отчеты индустриальной комиссии и стачечного комитета, не позаботился о том, чтобы согласовать данные и показания этих своих двух органов, которые ведали всей

работой по руководству забастовкой. Чтобы не оставить у читателя никаких сомнений, мы еще обратимся к статье Бэвина, который играл активную роль в обеих комиссиях, к статье, напечатанной в журнале «Рекорд».

Бэвин пишет о всеобщей забастовке:

«*Оно (движение) было первым в своем роде в этой стране; никаких приготовлений к нему не было сделано; организация была импровизированной*» («Рекорд», май—июнь, стр. 243).

Вернемся теперь к отчету. Отчет сообщает о том, что 26 февраля совместное собрание индустриальной комиссии с исполкомом федерации горняков решило обратиться с циркулярным письмом ко всем союзам о положении в горной промышленности. Отчет приводит небольшую выдержку из циркулярного письма, которая заканчивается следующими словами:

«*Не должно быть ни сокращения заработной платы, ни увеличения рабочего времени, ни посягательства на принцип национальных договоров*».

Заявление ясное и отчетливое. Это заявление надо помнить, ибо весь отчет имеет своей целью доказать, что разумнее и правильнее всего было бы для горняков согласиться на сокращение заработной платы.

Итак, запишем: 26 февраля 1926 года Ген. совет в указанном выше письме сформулировал программу, которая содержит в себе все три лозунга горняков. Отчет называет этот циркуляр выражением политики Ген. совета (см. стр. 3 отчета индустриальной комиссии).

10 марта,—повествует далее отчет,—королевская комиссия опубликовала свое заключение и «сейчас же было признано, что это должно иметь большое влияние на все положение». Кем и почему это признание было сделано, мы не знаем. Отчет только сообщает о том, что 11 марта индустриальная комиссия, совместно с исполкомом горняков, выпустила воззвание, в котором сказано, что «в лучших интересах всех частей, заинтересованным сторонам должно быть предоставлено необходимое время, раньше чем притти к какому-нибудь заключению». Иными словами, Ген. совет в своем отчете рассказывает нам о том, как ему удалось на следующий день после опубликования отчета королевской комиссии,—той самой королевской комиссии, которая, как мы знаем из речи Черчилля, была частью общего стратегического плана правительства Болдуина,—навязать исполкому горняков предположение, что этот отчет вносит изменение в создавшееся положение.

Горняки, однако, не только оставались под обаянием сэра Герберта. Обсудив отчет королевской комиссии, горняки явились к индустриальной комиссии с предложением повторить те три лозунга, которые были сформулированы в циркулярном письме от 26 февраля. В ответ на это предложение, индустриальная комиссия приняла резолюцию, основную часть которой мы приводим дословно, ибо, согласно отчету, сия резолюция означает начало новой политики со стороны Генерального совета. Резолюция гласит:

«Обсудив, совместно с представителями федерации горняков, нынешнее положение в горной промышленности, в связи со взглядами горняков на заявление хозяев горной промышлен-

ности и с позицией, занятой ими по отношению к отчету королевской комиссии, эта комиссия (т.-е. индустриальная комиссия) подтверждает свои предыдущие декларации о поддержке усилий горняков добиться справедливого разрешения существующих трудностей» (курсив мой).

Предыдущие декларации [1]) индустриальной комиссии нам известны. Они содержали в себе основные лозунги горняков. Если индустриальная комиссия отчетливо заявляет, что она подтверждает эти декларации, то мы в праве понимать и толковать, что и 8 апреля комиссия осталась верной своим предыдущим обязательствам. Отчет, однако, толкует свою резолюцию в том смысле, что сия резолюция означала отказ от пункта, касающегося заработной платы. Иными словами, авторы отчета пытаются нас заверить, что уже 8 апреля они начали подготовлять свою измену, при чем они подготовляли ее таким образом, чтобы рабочее движение не имело никакого представления о том, что измена подготовляется. Нельзя не согласиться с Сеймуром Коксом, что если не обладать способностью читать в сердцах, если не знать мыслей, которые в то время шевелились в мозгах Бромлея и Томаса, то нельзя было вложить в простые слова резолюции как раз обратный смысл (см. «Сондэй Уоркер», 25 июля, стр. 2). Мы здесь пока ограничимся тем, что отметим следующие два момента:

Первый—резолюция подтверждает предыдущую декларацию, а Ген. совет толкует, что эта резолюция есть отказ от принятой программы. Второй—об этом отказе рабочее движение ничего не ведало до того момента, когда Бромлей опубликовал в цитированной выше статье отдельные части секретного отчета Генерального совета. У Ген. совета хватает, однако, наглости упрекать конференцию горняков за то, что она после опубликования резолюции от 8 апреля дерзнула остаться верной основным лозунгам своей борьбы. И авторы отчета великодушно прибавляют:

«Тем не менее, индустриальная комиссия и представители горняков продолжали встречаться, работая совместно, чтобы добиться почетного разрешения конфликта».

Рабочее движение не знало смысла резолюции 8 апреля. Но Болдуин был лучше информирован. Факт тот, что 26 апреля он (Болдуин) предложил, чтобы «представители комиссии (индустриальной) принимали участие в дальнейших переговорах между горняками и хозяевами» (см. стр. 5). Авторы этого отчета даже не замечают, что они фактически выдают себя с головой, показывая, что Болдуин хотел их участия в переговорах, очевидно, не как защитников горняков, а как своих пособников.

Эти два «маленькие» факта,—толкование резолюции от 8 апреля и милостивое предложение «честного» Болдуина,—бросают яркий свет на те роковые события, к анализу которых мы и подходим.

29 апреля состоялась конференция исполкомов профсоюзов, созванная Ген. советом для обсуждения вопроса о кризисе в угольной промышленности. Разбираемый нами отчет упоминает об этой конференции на первой странице и на 5-й; но отчет умалчивает об одной существенной «мелочи». От имени Ген. совета

---

[1]) Основную декларацию от 26 февраля отчет воспроизводит.

на этом заседании с общим заявлением выступил председатель Ген. совета, гражданин Пью. Он сказал:

«По нашему мнению, заработная плата, а равно условия труда горных рабочих пали так низко, что абсолютно необходимо искать другие средства, а не дальнейшее ухудшение их уровня жизни или изменение нынешнего рабочего дня. Сокращение заработной платы не представляет собой разрешения проблемы, а, наоборот, повлекло бы за собой интенсификацию нынешних затруднений. Статистические данные, находящиеся в отчете комиссии (королевской), показывают достаточно ясно, что невозможно согласиться на дальнейшую деградацию этого уровня».

Об этой речи Пью отчет умалчивает. Умалчивает, очевидно, сознательно. Цель отчета—заверить рабочие массы, что уже с 8 апреля Ген. совет открыто стал на точку зрения понижения зарплаты горняков. Он хочет также убедить профсоюзное движение, что забастовка была организована с точным знанием согласия Ген. совета на сокращение заработной платы. Если бы отчет восстановил также речь Пью, то для всякого было бы ясно, что либо Пью сознательно ввел в заблуждение конференцию исполкомов, либо же что теперь Ген. совет, возглавляемый тем же Пью, сознательно обманывает профсоюзное движение. Поскольку эта речь опущена, то авторы отчета могут спокойно продолжать изложение хода событий в таком виде, что борьба якобы велась не за программу горняков, а за отчет королевской комиссии.

Одного умолчания речи Пью оказалось, однако, недостаточно. Необходимо было прибегнуть к простым подтасовкам. Авторы отчета пишут:

«Представители горняков были правы, когда они отказались рассматривать сокращение заработной платы, как предварительное условие (курсив мой). И индустриальная комиссия, защищая дело горняков, придерживалась того же самого взгляда и настаивала, что принцип, который должен быть принят, как основа переговоров, был сформулирован королевской комиссией в следующих выражениях:

«Раньше, чем требовать жертв от тех, которые заняты в промышленности, необходимо окончательное соглашение между ними, что все необходимые меры для улучшения ее организации и для увеличения ее производительности будут приняты с такой быстротой, какую обстоятельства позволят». На основании этого принципа, комиссия согласилась поддерживать горняков в их отказе принять сокращение заработной платы, как предварительное условие до того, как необходимые мероприятия будут приняты, для применения общих рекомендаций отчета королевской комиссии» (см. стр. 6).

Приведенная цитата заслуживает сугубого внимания. Авторы отчета навязывают горнякам мысли, которых они никогда и нигде не высказывали, так как горняки сопротивлялись и сопротивляются понижению зарплаты, независимо от того, последует ли это понижение зарплаты одной неделей раньше или одной неделей позже. Наконец, сам Ген. совет только задним числом об'являет рабочему движению, что всеобщая забастовка и вся

борьба была затеяна только для того, чтобы провести в жизнь предложения комиссии, назначенной правительством Болдуина.

Авторы отчета понимают, что это их заявление вызовет серьезные сомнения и недоумения. Они знают, что горняки смогут ответить им целым рядом постановлений своего исполкома и своих делегатских конференций. Следуя по стопам Макдональда, авторы отчета хватаются за фразу Герберта Смита, что он готов заняться рассмотрением всего отчета королевской комиссии от первой страницы до последней. Верно, что Герберт Смит такое замечание сделал. Но авторы отчета Ген. совета знают и они сами воспроизводят (см. стр. 8) дополнительное раз'яснение, сделанное Смитом на прямой вопрос Кука: что сия фраза означает? Смит, раз'ясняя свою фразу, прибавил: «Я хочу пояснить, что я не думал сказать в своей речи, что я согласен принять отчет (речь идет об отчете королевской комиссии). Я имел в виду только сказать, что я готов проанализировать этот отчет от первой страницы до последней и принять результаты исследования». Но если даже допустить, что Герберт Смит действительно дал согласие на сокращение заработной платы, то вряд ли это его заявление, явно идущее вразрез со всеми резолюциями и постановлениями ответственных органов союза горняков, может быть принято за выражение воли горняков. Мы поэтому позволим себе умозаключить, что попытка представить политику, рассчитанную на сокращение заработной платы, как политику горняков, является простым и откровенным шарлатанством.

Авторы отчета остаются верными себе и в изложении хода переговоров индустриальной комиссии с правительством Болдуина. Отчет сообщает о том, как в 1 ч. утра в воскресенье 2 мая Болдуин предложил комиссии Ген. совета следующую формулу:

«Премьер-министр, в результате переговоров, которые он вел с представителями профсоюзного конгресса, пришел к заключению, что при продолжении дальнейших переговоров (при этом подразумевается, что предупреждение [1]) утратит силу), представители конгресса профсоюзов надеются, что согласие может быть достигнуто в духе отчета (речь идет об отчете королевской комиссии) в течение двух недель».

Авторы отчета прибавляют:

«Представители Генерального совета поняли, что если формула будет принята, то премьер-министр будет рассматривать это, как оправдывающее возвращение к условиям, существовавшим до 30 апреля, и продолжение переговоров с целью соглашения» (см. стр. 9).

Это прибавление авторов отчета является сознательной ложью. Генеральный совет совершенно умалчивает о том обязательстве, которое его индустриальная комиссия дала Болдуину до того момента, когда Болдуин предложил им вышеприведенную формулу. Это обязательство гласит:

«Мы будем уговаривать горняков уполномочить нас вступить в переговоры, имея в виду, что они и мы принимаем отчет (королевской комиссии) как базу соглашения и что мы приступаем к этому делу, зная, что оно может повлечь за собой определенное сокращение заработной платы» (Кук—«Девять дней», стр. 11).

Да и сам Болдуин день спустя в этом же смысле истолковывал свою формулу. В своем письме к Генеральному совету от 3 мая Болдуин пишет:

«Правительство его величества верит, что практическое и почетное для всех заинтересованных сторон разрешение конфликта в угольной промышленности может быть достигнуто только искренним принятием отчета комиссии.

В выражение «принятие отчета» включается как реорганизация промышленности, которая должна быть начата немедленно, так и приспособление заработной платы или рабочего дня, которое сделало бы экономически возможным продолжать ведение промышленности до того момента, когда результаты реорганизации будут достигнуты» (см. отчет, стр. 10).

Стало быть, правительство Болдуина и представители Ген. совета прекрасно понимали, что, принимая формулу Болдуина, они заранее соглашаются либо на сокращение заработной платы, либо на увеличение рабочего дня. Сказанное вытекает из тех документов, которые уже опубликованы и которые никем не были опровергнуты. Но мы отнюдь не будем удивлены, если впоследствии окажется, что соглашение состоялось не только на «или-или» (или сокращение зарплаты, или увеличение рабочего дня), но и на «и-и». Но в данном случае мы занимаемся только анализом отчета. Страница 10-я, на которой приведено раз'яснение Болдуином своей формулы, разоблачает ложь толкования, которое Ген. совет дает на 9 странице своего отчета.

Перейдем теперь к началу всеобщей забастовки. Отчет ограничивается простым сообщением всем известных фактов. Он приводит последнее письмо Болдуина, в котором премьер, тот самый премьер, который так усиленно добивался участия Ген. совета во всех переговорах, тот самый премьер, который сошелся с представителями Ген. совета на общей формуле разрешения конфликта, сообщает им, что переговоры прерваны. Генеральный совет даже не пытается об'яснить, какие были дополнительные причины этого разрыва. Из ответа Ген. совета Болдуину на его сообщение о разрыве переговоров явствует, что Ген. совет не мог согласиться с Болдуином, что стачка наборщиков в типографии газеты «Дейли Мейль» является достаточным поводом к тому, чтобы навязать стране такую гигантскую борьбу. Но авторы отчета, очевидно, над этим и не призадумываются. Их изложение хода событий дает, однако, основание полагать, что Болдуин мог уверенно провоцировать забастовку, зная, что ею будут руководить те люди, которые обещали ему уговорить горняков согласиться на сокращение заработной платы.

Ген. совет остался верен себе и после ультиматума Болдуина. Отчет сообщает нам, что Ген. совет уже после ультиматума поручил индустриальной комиссии продолжать переговоры с представителями горняков и попытаться выработать условия, которые могли бы послужить базой дальнейших переговоров с хозяевами и с правительством. Переговоры между представителями Ген. совета и горняков возобновились. Представители Ген. совета опять пытались навязать горнякам согласие на сокращение заработной платы. Они выработали очень сложную схему, которая содержит в себе 14 пунктов. В этой боль-

[1]) Локаут.

шой программе, составленной уже после того, как правительство бросило вызов всему рабочему движению Англии, имеется скромненький пункт (пункт 5), который говорит о необходимости сохранения 7-часового рабочего дня и «национального минимума заработной платы». Горняки внесли маленькую поправку. Они хотели, чтобы в проекте точно было сказано, что речь идет не о минимуме заработной платы вообще, а о ныне существующем минимуме зарплаты. Горняки к этому времени уже очень хорошо знали, с кем они имеют дело. И действительно, Генеральный совет этой поправки не принял (см. стр. 13). Иными словами, в промежутке между ультиматумом и началом всеобщей забастовки Ген. совет частично выполнил задание Болдуина, чтобы оправдать правильность его решений, когда он еще 26 апреля выразил желание иметь дело не с федерацией горняков, а с Генеральным советом.

Мы совершенно опускаем рассуждения Ген. совета о роли правительства, изложенное на стр. 14. Назвать это рассуждение просто путаницей было бы слишком деликатно. Правильнее будет сказать, что даже в своем отчете перед исполкомами профсоюзов, много недель спустя после того, как всеобщая забастовка была предана, Генеральный совет скорее старается выгородить правительство, чем открыто выступать против него.

Об'яснению начала переговоров с сэром Гербертом Самюэлем отчет посвящает только несколько строк, смысл коих сводится к тому: что забастовка могла закончиться только постепенным выдыханием, что вредно отразилось бы на дальнейшей судьбе рабочего движения. Поэтому Ген. совет предпочел стать на путь переговоров для того, чтобы закончить забастовку организованным путем. Характернее всего в этом коротеньком об'яснении категорическое заявление, что забастовка ни в коем случае не могла бы привести к победному концу.

«Было ясно,—пишут они,—что правительство будет пользоваться своим большинством в палате и всеми ресурсами, имеющимися в его распоряжении для того, чтобы защищать позицию (см. стр. 14), занятую им». О победе, стало быть, не могло быть и речи. И Ген. совет занялся делом более легким и более доступным ему: организацией поражения.

Переговорам с добрым гением, сэром Гербертом, авторы отчета посвящают целых пять страниц. Приводится и первое заявление Самюэля и последующее его заявление, вплоть до последнего меморандума. Видать, что не только один Томас был восхищен этим английским джентльменом, который был губернатором Палестины, но что и авторы отчета в буквальном смысле слова гипнотизированы этим благодетельным лордом. Восстанавливать эти заявления в этой статье вряд ли имеет смысл, они широко известны. Известен также и смысл меморандума. Герберт Самюэль сумел дважды сыграть одну и ту же роль. Как председатель королевской комиссии, он прикрывал подготовления правительства Болдуина к наступлению на английских пролетариев. Эту свою работу он закончил за 40 дней до начала конфликта. После начала конфликта он продолжал играть свою роль в соответствии с новой обстановкой. Прикрывать правительство Болдуина более не приходилось,—оно действовало открыто и нагло. Прикрывать надо было только тех его пособников, которые утратили бы свой вес и свое влияние, если бы они были

своевременно разоблачены. И тот самый Герберт Самюэль, который сперва прикрывал организацию наступления на рабочих, впоследствии прикрывал своим авторитетом английского джентльмена предательскую организацию поражения рабочих.

Раньше, чем перейти к основным причинам окончания забастовки в освещении отчета, мы здесь же отметим, что Ген. совет забыл об'яснить нам, почему он всеобщую забастовку об'явил. Этот вопрос должен естественно родиться у всякого непредубежденного и беспристрастного читателя отчета. Отчет ясно говорит о том, что никакой надежды, никаких шансов на победу не было и быть не могло. Этот же отчет доказывает, что горняки должны были согласиться на сокращение заработной платы и что они должны были исходить из реальной обстановки. Авторы отчета упорно обвиняют горняков за то, что они были слишком упрямыми в отстаивании своей программы из 3-х пунктов. В этой обстановке не поймешь, почему Ген. совет забастовку об'явил. Но Генеральный совет хранит молчание. Вопрос приобретает особую жгучесть, если вспомнить, что Болдуин сознательно добивался того, чтобы заставить Ген. совет выполнить свою угрозу. Мы знаем, что на конференции 29 апреля раздавались отдельные голоса в пользу всеобщей забастовки. Авторы этих предложений были об'явлены безумцами как лидерами Ген. совета, так и прессой, которая честно и лояльно обрабатывала общественное мнение в духе идей Томаса и Бромлея. А, между тем, 4 мая всеобщая забастовка стала фактом!

Еще раз подчеркиваем, что Генеральный совет в своих официальных отчетах хранит об этом сугубое молчание. Только один член Ген. совета, а именно Бэвин, пытается об'яснить, почему Генеральный совет вынужден был взяться за оружие всеобщей забастовки. В уже цитируемой выше статье в журнале «Рекорд» (см. стр. 243) он пишет:

«Отвлекаясь от хороших и дурных сторон об'явления всеобщей забастовки, не следует забывать, что при всех условиях, при наличии локаута горняков, неофициальная борьба происходила бы во всей стране, что вызвало бы анархию во всем движении».

Ларчик, стало быть, просто открывается. Ген. совет знал и сознавал, что боевое настроение в массах существует и что он не сумеет заставить горняков подчиниться воле Болдуина без боя. Он понимал, что в этих условиях горняцкая забастовка становится неизбежностью и что она, естественно, будет разрастаться. Он поэтому был кровно заинтересован в том, чтобы сохранить руководство забастовкой в своих руках, по той же причине, по какой Болдуин хотел, чтобы Ген. совет руководил переговорами по вопросу о положении горной промышленности. Если бы у Ген. совета были какие-нибудь другие причины, кроме вышеназванных, то вряд ли он стал бы их скрывать в своем отчете.

Перейдем теперь к об'яснению причин прекращения забастовки. Предоставим слово авторам отчета. На стр. 20 они пишут:

«Принимая во внимание невозможность избегнуть обсуждения вопроса о заработной плате при рассмотрении отчета комиссии и учитывая громадную опасность, связанную с

продолжением забастовки, совет пришел к выводу, что положение слишком опасно, чтобы можно было связывать себя одним только лозунгом. Исходя из всех известных ему фактов, совет решил, что для прекращения забастовки соответственно инструкциям, данным конференцией исполкомов профсоюзов, т.-е. с максимумом выгоды как для горнорабочих, так и для других профсоюзов, постановление о прекращении стачки должно быть принято, пока профсоюзы еще остаются сильными и дисциплинированными (отчет умалчивает о том, что сила рабочих р о с л а по мере развития забастовки).

Совет считал, что задачи забастовки будут достигнуты и что будет обеспечена практическая база возобновления переговоров на основе отчета королевской комиссии, если горняки, сообща с Генеральным советом, выдвинут разумные и целесообразные предложения. Горняки же, повидимому, не были склонны ни самостоятельно выдвинуть конструктивные предложения, ни присоединиться к предложениям, сформулированным советом, и совет должен был взять на себя ответственность перед всем профсоюзным движением, которое столь многим пожертвовало для достижения справедливого соглашения. Поэтому индустриальной комиссии было поручено раздобыть полный проект предложений сэра Герберта Самюэля, которые и были подвергнуты совместному обсуждению, в результате чего комиссия имела еще одно совещание, предложила некоторые пункты из меморандума, принятого советом в палате общин, с тем, чтобы упрочить позицию горняков при переговорах» (см. стр. 20 и 21).

Эти строки относятся к описанию событий, имевших место 10 мая.

Рассказав о том, как они удачно и успешно добивались уступок от сэра Герберта и как, наоборот, горняки проявляли поразительное упрямство и не желали итти ни на какие уступки, авторы отчета Ген. совета продолжают:

«Генеральный совет не мог не учитывать ответственности, возложенной на него первомайской конференцией, и последовать за исполкомом федерации горняков на путь политики огульного отрицания. Такого рода политика свела бы на-нет дружную симпатию рабочих, выразившуюся в забастовке сочувствия, что привело бы профсоюзы к банкротству, поколебало бы дух членов профсоюзов и таким образом лишило бы их способности сопротивляться попыткам предпринимателей навязать им тяжелые условия работы и прибегнуть к общим ограничениям по отношению к активным членам профсоюзов, когда отрасли промышленности, вовлеченные в забастовку, возобновят работу. На такие жертвы не может заявлять претензии ни одна примыкающая к конгрессу трэд-юнионов организация, как бы ни была велика численность ее членов и ее экономическая мощь. Если же она на это претендует, то она должна принять в качестве предварительного условия следующее: она должна подчинить свои силы и свои частные интересы интересам профессионального движения, от которого она требует жертв.

Совет убедился в том, что, как бы долго он ни продолжал забастовку, позиция исполкома горняков не изменится, и, следовательно, совет был не в праве разрешить союзам нести жертвы, хотя бы еще один день» (стр. 23 и 24).

В заключение авторы отчета Генерального совета принимают очень гордую позу и «решительно» протестуют против клеветы, которая распространена была против них, что они ликвидировали забастовку, испугавшись угроз со стороны правительства Болдуина. И они прибавляют:

«Забастовка была закончена только по одной причине, а именно, что позиция, занятая горняками, сделала продолжение забастовки бесполезным» (стр. 24).

Выходит, что если бы горняки приняли все то, что предлагал им сэр Герберт, тогда забастовка была бы полезна и практична.

Вместе с этим, я полагаю, что слухи о том, что лидеры Ген. совета испугались угроз со стороны правительства Болдуина, действительно являются необоснованными. Истинные лидеры Ген. совета поддерживали тесный контакт с Болдуином, и между ними существовало вполне организованное разделение труда. Возможно лишь, что для получения полного единогласия в Ген. совете Томасу и его сподвижникам пришлось кое-кого из трусливых краснобаев пугнуть репрессиями.

Доподлинное об'яснение начала и конца забастовки напрашивается само собой. Ген. совет взял на себя руководство всеобщей забастовкой для того, чтобы не допустить постепенного нарастания горняцкой забастовки и перерастания ее во всеобщий бунт английских пролетариев. Он прекратил забастовку в тот момент, когда грандиозное движение, стихийно развиваясь, стало серьезным вызовом всей капиталистической системе и всем ее пособникам. В обоих случаях—в начале и в конце—Генеральный совет вполне заслужил доверие правительства Болдуина. Недаром и неслучайно английский суд карает забастовщиков за оскорбление лидеров Ген. совета, как за оскорбление существующей власти.

Но и сам Ген. совет прекрасно понимает, что трудно ему представить отчет, который мог бы его оправдать. Именно поэтому он уклоняется от всякого отчета, а отчет, который мы только что цитировали, рассматривается, как архисекретный документ.

Мы в начале отметили, что отчет состоит из двух частей. Мы преимущественно останавливались на первой. Из второй мы взяли только две отдельные цитаты. Больше останавливаться на второй части отчета не приходится. В лучшем случае, она является конторской справкой о том, какие люди в какую комиссию входили и как они великолепно выполняли возложенные на них обязанности. Характерно, однако, для обоих отчетов, что они не желают говорить о величине и о размерах всеобщей забастовки, которая развернулась и стала грандиозным событием в истории английского рабочего класса, помимо их воли и невзирая на их предательство.

Г. С. Гордеев.

Фермерское движение в Соединенных Штатах.

Фермерское движение в Соединенных Штатах представляет собою большой интерес, т. к. оно разбивает обычные представления о благополучии и процветании фермера. Американский фермер мало похож на европейского крестьянина. Фермерство составилось из европейских переселенцев, представляющих наиболее активные слои крестьянства, а еще чаще городского рабочего. Затем подавляющая масса переселенцев обладала некоторыми сбережениями, которые они пускали в дело по приезде в Америку. Самый континент Сев. Америки оказался весьма благоприятным для занятия сельским хозяйством.

Раздача гомстедов в 160 акров обеспечила образование крупного фермерства. В течение десятилетий создался такой прожиточный минимум, ниже которого опускаться фермеру об'ективно невозможно без потери фермы. При кон'юнктурных колебаниях группы фермеров, оказавшиеся с доходом ниже среднего уровня, банкротятся и оказываются или в положении арендаторов или рабочих. К 1920 году фактическое распределение групп фермеров по размерам владения представлено в следующей таблице:

Размеры ферм в акрах.	Число ферм в тыс.	В %	Всей земли на фермах в милл. акр.	В %	Улучшение земли на фермах в акрах.	В %	Ценность всей собствен. на фермах в милл. д.	В %
До 20 акр. . . .	796	12,4	8	0,9	7	1,6	2.452	3,1
20— 49	1.503	23,3	48	5,1	38	7,7	5.864	7,5
50— 99	1.447	22,9	105	11,1	72	14,4	11.183	14,4
100—174	1.449	22,5	194	20,4	128	25,5	20.901	26,8
175—499	1.006	15,6	276	29,0	170	33,8	26.389	33,9
500—999	149	2,3	100	10,6	48	9,6	5.533	7,1
Свыше 1000 . . .	67	1,0	220	23,1	37	7,5	5.598	7,2
Всех ферм .	6.448	100	955	100	503	100	77.924	100[1])

Подавляющее большинство фермеров имеет свыше 20 акров. Свыше 60% фермеров имеют от 50 до 500 акров. Да и группа фермеров от 20 до 49 акров и особенно группа ниже

[1]) Fourteenth Census of the United States... 1920. Vol. V. Agriculture. Page 65—69.

20 акров оказываются вовсе не так малы, как они могут показаться на фоне крупного землевладельческого фермерства Соед. Штатов. Из сравнения различных стран становится очевидным, что величина предприятия определяется не только величиной площади, но и величиной вложенного капитала, иначе говоря, степенью интенсивности, т. е. величина землевладения не всегда совпадает с величиной хозяйства, первая не определяет второго. К этому приводит нас и рассмотрение следующей таблицы:

Средняя ценность фермерской собственности на акр соответственно размерам ферм в 1920 г. в долларах.

Размеры ферм в акр.	Вся фермерская собственность.	В том числе земля.	Строения.	Машины и орудия.	Скот.
До 20	282	152	88	13	28
20— 49 . .	121	75	25	6	13
50— 99 . .	105	67	20	5	11
105—174 . .	107	74	16	5	10
175—499 . .	95	71	11	4	8
500—999 . .	54	41	5	2	5
1000 и св. . .	25	18	1	0,7	4 [1])

Что же мы видим в этой таблице? Вся собственность на акр расценивается в хозяйствах ниже 20 акров в 11¼ раз больше, чем в хозяйствах с площадью в 1000 и больше акров. При сопоставлении размера ферм с ценностью собственности на акр, мы получаем противоположные движения отмеченных рядов: чем крупнее ферма, тем меньше ценность собственности на акр, и обратно.

Но в разряд мелкоземельных хозяйств входят как мелкие фермы, расположенные вблизи города, так и скотоводные—молочные и мясные фермы, обеспечивающие большую доходность на акр, чем чисто земледельческие фермы [2]).

Таким образом, и крупные и мелкие фермы обеспечивают сравнительно высокий прожиточный уровень американского фермера, что свидетельствуется большим количеством автомобилей—грузовых и легковых,—тракторов, распространением электрического освещения, телефонов и водопроводов в домах фермеров.

Наконец, экономическое благосостояние фермеров поддерживалось наличием огромного количества свободных земель; до 1880—90 годов было роздано и распродано около 1.400 милл. акров. С другой стороны, шло весьма быстрым темпом развитие промышленности и рост городов. С 1850 г. национальное богатство возросло с 7.136 милл. долларов до 320.804 милл. долларов к 1922 году [3]).

Растущие города нуждались в большом количестве рабочих рук и, несмотря на сильную иммиграцию, нужда в рабочих руках наблюдалась во многих отраслях народного хозяйства Америки. В периоды промышленного под'ема в городах сравнительно легко можно было найти заработок.

[1]) Ibidem. Page 71.

[2]) Уоррен сравнением различных по размерам и по типу ферм доказал, что они получают равный доход. См. Warren, «Farm Management».

[3]) «Statistical Abstract of the United States», 1923. Page 735.

Казалось бы, что при таких условиях фермерство должно было безмятежно процветать без гибельных процессов расслоения, без проявления недовольства.

История же фермерского движения показывает периодическое повторение бурных возмущений фермерства, как следствия значительных сдвигов фермерского землевладения. Наиболее серьезными движениями фермеров можно считать движение популистов в 90-х годах [1]), движение Non Partisan League [2]), связанное с движением Farmer-Labour Party [3]).

При внимательном рассмотрении единая масса богатых фермеров распадается на целый ряд групп, резко различающихся друг от друга по экономической мощности. Затем вся масса находится в полной зависимости от крупного капитала. Эта зависимость проявлялась с первого момента получения гомстеда. Как это ни странно, широковещательная раздача земель под гомстеды свелась к передаче фермерам непосредственно за период с 1862 по 1924 г. только 248 милл. акров, т. е. 18,8% площади всей розданной и распроданной земли [4]). Остальная же земля была распродана и роздана в значительной части крупными участками, в результате чего составились крупные землевладения, нажившие на спекуляции землей миллионные состояния. Не малая часть современных миллиардных состояний американских богачей составилась путем беззастенчивого ограбления нескольких поколений переселенцев в Америку. Делалось это весьма упрощенно. Земли крупными владениями распродавались правительствами федеральным и штатными за несколько центов или немного долларов за акр. Впоследствии те же земли распродавались участками-фермами, но уже по несколько десятков долларов за акр. Кроме того, при продаже было очень много обмана. Так называемые land sharks—земельные акулы—продавали совершенно негодные земли незнакомым со страной переселенцам. При этом договоры составлялись таким образом, что невыплата обязательств влекла за собой прекращение права на землю. Немало переселенцев пострадало от вселения на участки, не очищенные от срубленного леса. В таких случаях фермер терял не только все свои задатки, но и тяжелый труд по выкорчевке купленной земли [5]), потом, не будучи в состоянии выплатить обязательства, переселенец оказывался без денег, без земли и без имущества.

Второй путь воздействия капитала на фермеров состоял в организации кредита. До 1916 года фермеры снабжались кредитом только частными банками. С 1916 года была организована правительственная система с.-х. кредита [6]).

Условия снабжения с.-х. кредитом различных районов Соед. Штатов резко различались друг от друга. Так, напр., в 1910—1920 гг., при среднем в 6¼%, колебания достигали от 5½ до

---

[1]) L. B. Shippee, «Recent American History» Robinson E. E., «The Evolution of american political parties», Rice Stewart, «Farmers and Workers in american Politics».

[2]) The Non Partisan League, Bruce A.

[3]) The American Labour Yearbook. 1920—25.

[4]) На «Аграрном фронте» № 1, 1926 г., стр. 108.

[5]) A stake in the land by P. Speek. 1921.

[6]) См. на «Агр. фронте» № 5—6, 1925 г., стр. 144—164.

26,0% [1]) на ссужаемый капитал. Для фермера не всегда было возможно выплачивать такие большие проценты. Однако, самое главное заключалось не в величине процентов, а в условиях выплаты обязательств. Фермер не всегда мог точно предвидеть сумму дохода. Засуха, вредители, понижение цен были обычными явлениями для хозяйства фермеров Среднего Запада и Юга. Такими случаями банки пользовались, чтобы довести фермера до банкротства.

Следующий способ воздействия на фермеров со стороны крупного капитала заключался в маневрировании железнодорожными тарифами. Железнодорожные тарифы для фермера Соед. Штатов имели огромное значение. Фермер, поселившись на крупном участке, большую часть своих продуктов продавал на рынке. Такие штаты, как Канзас, Северная Дакота и остальные штаты на запад, не имели достаточной емкости местных рынков. Фермеры отправляли все свои продукты в Сэнт-Поль, Чикаго, Мильуоки и др.

И это обстоятельство в полной мере использовывалось железнодорожными компаниями. Путем повышения тарифов у фермера оставлялись крохи из его большого заработка, нередко приводя его к банкротству, т. к. из-за уменьшения доходности он оказывался не в состоянии выполнять свои обязательства.

Не меньшее значение имела организация торговли. Трестирование и монополизация достигли в Соединенных Штатах огромного развития. Были монополизированы также и хлебная и мясная торговля. В Северной Дакоте, напр., существовали элеваторы монопольной организации, выступавшие против фермеров единым фронтом, тогда как фермеры представляли собой распыленных продавцев. Благодаря такому соотношению сил фермеры, с одной стороны, теряли в цене хлеба, а с другой—качество привозимого хлеба искусственно понижалось приемщиками элеваторных компаний [2]).

Еще более грабительской может считаться практика продажи фруктов. По свидетельству Национального союза фермеров, ящик

---

[1]) United States Department of Agriculture, Bulletin Farm mortgage Financing by Wright, 1923, №№ 384, 409, 1047.

[2]) Как доказательство мы имеем опубликованные ассоциацией банкиров Северной Дакоты следующие сведения:

Сорта пшеницы.	Количество купленных бушелей в тыс.	Количество отправленных бушелей в тыс.
№ 1 Северная	99,7	196,2
№ 2 »	141,4	467,7
№ 3 »	272,0	213,5
№ 4 »	201,2	Ничего
Без указания сорта	116,0	Ничего
Отказано в приеме	59,7	Ничего
Всего	890,2	877,5
Остат. в элеваторе	—	12,7

Элеваторные компании расценивали качество привозимого хлеба сознательно ниже, чем он был в самом деле. В результате только на этой операции элеваторные компании зарабатывали за счет фермеров грандиозные суммы. Подобная практика наблюдалась не только в Северной Дакоте и не только при продаже пшеницы, но и других с.-х. продуктов.

(The Non Partisan League, by Bruce, 1921. Page 39. Смотри также Readings in Rural Sociology by J. Phelon, 1922. Page 558).

яблок продавался потребителю за 5 долларов, а фермер получал за него только 1 доллар 18 цент., из которых одна упаковка обходилась фермеру в 40 центов. Следовательно, издержки производства, налоги, проценты на капитал и проч. покрывались только 78 центами.

Наконец, большое значение получает вопрос о пошлинах. Покровительствуя развитию промышленности, правительство беспрерывно придерживалось протекционистской политики. В среднем пошлина доходит в наше время до 40% ценности всех импортируемых товаров. В то же время промышленное сырье ввозилось без пошлины, хотя бы оно и конкурировало с туземным сырьем.

Между тем фермеры имеют в Соед. Штатах целый ряд своих организаций, как масонские ложи, Grange, Equity, Ku Klux Klan, клубы и т. п. Казалось бы, что при таких условиях влияние фермеров на повседневную политическую жизнь должно быть значительным. Тем не менее, фермерские интересы лишь в моменты больших возмущений влияют на политику правительства. В остальное время в политике Соед. Штатов безраздельно господствует власть крупного капитала, и Сенат оказывается послушным орудием в руках монополистов. И, например, в 1919 г. в Конгрессе имелось фермеров всего 18 членов, 3 железнодорожника и 454 юриста и проч. лиц свободных профессий [1].

Результатом столь незначительного влияния на политику и являлось обложение налогами фермерской собственности пропорционально значительно большее, чем обложение торговли и промышленности и банковской собственности.

Чем можно об'яснить отсутствие резкой индивидуальности фермеров в области политической деятельности, их слабую активность?

Прежде всего тем мелкобуржуазным характером, который носило фермерское движение вплоть до XX столетия. Фермеры были против политики монополий и трестов, но защищали частную собственность, порождающую эти тресты и монополии. Они требовали запрещения спекуляции землей, но ни одна из фермерских организаций не выдвигала в своей программе национализации земли. Да и само оживление фермерских организаций происходило, главным образом, в периоды кризисов, когда крупный капитал стремился переложить большую тяжесть на фермеров, повышая процент по занятому кредиту, увеличивая железнодор. тариф, понижая цену с.-х. продуктов, повышая цену промышленных товаров и т. п.

И только в XX столетии стали нарастать новые силы среди фермеров, которые внесли в концерт обычных требований фермеров некоторый диссонанс. Новые силы нашли себе выражение, главным образом, в требованиях в период послевоенного кризиса.

На основании исследования изменений в экономике с. х. мы можем считать, что послевоенный кризис датирует собой новую полосу фермерского движения, когда на сцену начинают выступать все более активно, радикально настроенные арендаторы и с.-х. рабочие. При чем эти выступления облегчаются и

[1]) Agricultural Organization in the U. S. by E. Wiest, 1923. Page 489.

будут облегчаться наличием коммунистической партии, возникшей в 20-х годах нашего столетия.

Что же дает нам право приходить к таким заключениям?

Здесь, прежде всего мы считаем нужным упомянуть факт исчерпания земельных запасов [1]) Соединенных Штатов. Всякий желающий стать фермером должен купить землю у частного лица, а не получить ее от правительства. Таким образом, закрылась отдушина, в которую выходили излишние фермерские силы. Тенденция к концентрации землевладения была другим важнейшим явлением, повлекшим за собой образование арендаторов. В следующей таблице дана динамика различных групп фермеров [2]).

ГОДЫ	Число ферм в тыс.	Число собственников-фермеров и управляющих в тыс.	Число собственников фермеров, в %%.	Число фермеров, приарендовывающих в %%.	Число арендаторов в тыс.	Число арендаторов в %%.
1880	4.008	2.984	—	74,4	1.024	25,6
1890	4.564	3.269	—	71,6	1.294	28,4
1900	5.737	3.712	56,8	7,9	2.024	35,3
1910	6.361	4.006	53,7	9,3	2.354	37,0
1920	6.448	3.993	53,2	8,7	2.454	38,1
1925	6.371	3.909	—	61,3	2.462	38,7

Из десятилетия в десятилетие число арендаторов росло как абсолютно, так и относительно. Последнее особенно важно, т. к. общее число ферм повысилось с 4.0 до 6.4 миллионов. Факт роста арендаторов совершенно бесспорный. Была попытка опровергнуть его построением специальной теории «лестницы», но и она не помогла. Сущность такой «лестницы» заключалась в том, что растет число молодых фермеров, а с ними и число арендаторов. Растут же они потому, что молодые фермеры не имеют ни капитала, ни навыков для ведения фермы. Однако, нижеследующая таблица доказывает, что происходит рост фермеров по всем возрастным группам, при этом темп, обнаруживаемый в старших, обгоняет темп роста молодых арендаторов.

Возрастные группы арендаторов.	Число арендаторов на каждую тысячу всех ферм.			
	в 1920 г.	в 1910 г.	в 1900 г.	в 1890 г.
Ниже 25 лет	758	756	718	562
От 25 до 34	565	550	543	421
От 35 до 44	397	373	353	301
От 45 до 54	302	268	290	230
От 55 до 64	207	211	207	147[3])
Свыше 65 лет	165	151	149	
В среднем	381	370	353	284

[1]) Agricultural Yearbook. 1923. Page 522, 415.
[2]) Farm Tenancy by E. A. Goldenweiser and Fruesdell, 1914. Page 21.
[3]) Ibidem. Page 89.

Таким образом, общий рост арендаторов несомненен. Он происходил при сокращении, напр., фермеров-собственников между 1910—20—25 гг.

Рост арендаторов дополняется увеличением потенциальных арендаторов—задолжавших собственников. А число таких фермеров-собственников увеличилось с 27,8% до 33,2% в 1920 г. [1]).

Из общего же числа арендованных ферм было заложено за долги в 1910 г. 21%, а в 1920 г. 24% [2]).

Сумма задолженности возросла с 3.599 млн. дол. в 1910 г. до 8.555 млн. дол. в 1920 г. и до 10.000 млн. дол. в 1924 г. [3]).

Наблюдается некоторое равновесие в росте аренды и задолженности, когда первая замедляет темп, вторая усиливается, особенно наглядно это сказалось в период 1910—1920 гг. Говоря об арендаторах и задолжавших собственниках, я далек от намерения утверждать, что арендаторы являются пролетариями. Вместе с тем несомненно, что потеря фермерами земли принесет новое обострение борьбы за существование, но уже в новом идеологическом окружении. Фермер попадает в положение арендатора, у которого нет надежды стать собственником. Американский экономист Стюарт, утверждает, что приобретать фермы становится все труднее и что даже 30-летний срок обычно оказывается недостаточным для оплаты фермы из ее доходности [4]).

Группе фермеров противостоят с.-х. рабочие, число которых тоже достигает значительных размеров. Движение этой последней категории с.-х. населения представлено в следующей таблице:

ГОДЫ.	Всех занятых в сельском хозяйстве и лесоводстве.	Число сел.-хоз. рабочих.	В том числе. Работающих на своей ферме.	В том числе. Работающих не на своей ферме.
1880	7.713	3.323	—	—
1890	9.148	3.586	—	—
1900	10.381	4.410	—	—
1910	12.659	6.069	3.310	2.637
1920	10.953	4.041	1.950	2.055[5])

При этом 1920 г. дает недостаточно правильное представление о количестве с.-х. рабочих, так как срок переписи был перенесен на период, когда на фермах оставалось наименьшее число рабочих (январь). До сих пор с.-х. рабочие были очень малоактивны, и их состав был очень текучим. Но арендаторы уже в 1909 году образовали Renter's Union—союз арендаторов в Техасе и Оклагоме [6]), требования которого существенно отличались от требований фермерских организаций вообще. Одним из требований было об'явление национализации земель, оставшихся

[1]) Fourteenth Census. Vol. V. Agriculture. 484.
[2]) На «Аграрном фронте» № 2, 1926. Стр. 70.
[3]) Our debt and duty to the Farmer by H. C. Wallace. Page 16.
[4]) Journal of Farm Economics. II № 4. Page 177—93. III № 3. Page 122—27.
[5]) Fourteenth Census. Vol. IV, 35; 21 and Thirteenth Census Vol. IV page 54, 302.
[6]) The Quarterly Journal of Economics, May, 1913, № 3. Page 494.

у штатов нераспроданными, и передача их на правах аренды работающим фермерам.

Однако, надо ожидать, что с общим оживлением американского рабочего движения и повышением политической активности среди арендаторов увеличится деятельность и организованность с.-х. рабочих.

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению с.-х. кризиса в Соед. Штатах, разразившегося в 1921 году. В чем этот кризис выразился и к каким осложнениям он привел в области фермерского движения?

Прежде всего надо остановиться на факте быстрого понижения удельного веса с. х., происходившего, несмотря на рост с.-х. цен с 90-х гг. [1]). Факт этот означал, с одной стороны, более быстрое улучшение условий городской жизни, а с другой—более быстрый рост заработной платы по сравнению с ростом фермерских доходов.

По вычислениям проф. Фогта, рост национального богатства в городе и деревне Соед. Штатов был следующим:

ГОДЫ.	Национальное богатство в городе.	В %%	Национальное богатство в деревне.	В %%
	В миллионах дол.			
1850	3.169	44	3.967	56
1870	21.123	70	8.944	30
1890	49.954	75	16.082	25
1910	80.000	67	40.991	33
1912	136.500	74	49.800	26
1922	256.500	80	64.300	20

Движение рядов национального богатства Америки весьма показательно, как тип индустриального развития хозяйства страны. Но понижение удельного веса национального богатства фермеров еще не означает падения доходности ферм. Доходы от ферм в связи с предвоенным ростом с.-х. цен, повышением интенсивности и сокращением издержек производства неуклонно росли [2]). Так, по вычислениям Бина и Штайна прибыль, получаемая фермерами составляла в 1909 г.—3,6% по отношению ко всему капиталу фермы; в 1910 г.—5,9%; в 1911 г.—4,6%, в 1912 г.—4,1%; в 1913 г.—5,0%, в 1914 г.—5,8% [3]).

Но одновременно с ростом фермерских доходов, развитие индустрии и улучшение ее техники позволяло расти доходам от несельскохозяйственного производства значительно быстрее, чем росли доходы фермеров. В результате с.-х. население зарабатывало почти в два раза меньше, чем все прочие профессии.

[1]) Introduction to rural Sociology by P. L. Vogt. 1919. 103. The Annals. January 1925; 27—8.
[2]) The Annals, January 1925; 29.
[3]) Agricultural Yearbook, 1923. Page 1163.

Это обстоятельство составляло и составляет одно из оснований недовольства фермеров. Это недовольство тем сильнее, чем большая доля национального дохода получается торговлей и банками, так как монопольный характер этих организаций больше всего проявляется в перераспределении национального дохода в ущерб менее организованным фермерам.

Распределение национального дохода в момент послевоенного кризиса было еще менее благоприятно для фермеров. Профессор Бляк на годовой конференции американских экономистов после весьма содержательного доклада пришел к выводу что экономическая национальная политика больше благоприятствовала городу, чем деревне [1]).

Америка представляет классическую страну господства монополистического капитала. Промышленность, банки, жел. дороги и торговля организованы в огромные спруты—тресты. Всему этому противостоит распыленный и разрозненный фермер. Всякий агент каждой профессии имеет большую возможность тяжесть кризиса переложить на плечи фермера. Банкир повышает учетный процент, жел. дороги—тарифы и т. д. Фактически влияние депрессии послевоенного кризиса было сильно смягчено для других профессий из-за их организованности, фермеры же десятками тысяч обанкротились, потеряв свои фермы. Особенно замечательно в послевоенном кризисе то, что банки и промышленность с жел. дорогами политикой инфляции и дефляции нажили большой капитал. Произошло это весьма просто. Все банковское дело централизовано в Федеральном резервном управлении. После вступления Америки в войну выяснилось, что невозможно покрыть все расходы налоговыми поступлениями. Решено было увеличить выпуски бумажных денег. Но правительство секретно собрало главнейших банкиров с целью информировать их о своих намерениях. В результате, как описывает сенатор Брукхарт, банки и промышленные предприятия выпустили на сотни миллионов акций, реализовав их по доинфляционным ценам. С последующими выпусками долларов осведомленные тресты продолжали политику обирания покупателей.

В целом, по расчетам сенатора Брукхарта, только фермеры потеряли в период инфляции и дефляции около 32.000.000.000 долларов, т. е. на 8 миллиардов больше, чем стоила вся война [2]). Если расчеты сенатора несколько и преувеличены, то все же они соответствуют действительному ходу событий. Огромные доходы, получаемые американскими фермерами за счет европейского потребления, путем сложных политико-экономических комбинаций уплыли в кассы банков и промышленников. В результате число арендаторов и банкротств среди фермеров увеличилось.

На примере послевоенного кризиса особенно рельефно проявилась слабость распыленного фермера и сила монополистических об'единений. Недаром лидеры обобранных фермеров добиваются организации Grain Corporation (Зернового синдиката), который был бы так же силен, как и U. S. Steel Corporation (Стальной синдикат) [3]).

---

[1]) The American Economic Review, 1926. March № 1. Supplement. Page 145.
[2]) Proceedings of the Academy of Political Science in the city, N. Y. Vol. 1922—24. Page 33-44.
[3]) Wallaces Farmer Des Moiuls, January 8, 1925.

Перейдем теперь к обзору течения с.-х. кризиса, как он отражался на различных сторонах фермерской жизни. За время войны американский фермер увеличил производство пшеницы. Так, за десятилетие с 1902 г. до 1911 г. в Соед. Штатах и Канаде в среднем производилось 797 милл. бушелей, а за 1912—21 гг.—1.067 милл. бушелей. Из всей произведенной пшеницы экспортировалось в виде зерна и муки за 1910—14 гг. в среднем 105 милл. бушелей, за 1920 г.—220, 1921 г.—366, 1922 г.—279, 1923 г.—222 и 1924 г.—156 [1]).

Фермер, расширив производство хлеба, столкнулся вначале только с понизившейся покупательной способностью европейского потребителя, а затем и с восстановлением производства хлеба в самой Европе [2]). В результате цены на все продукты сельского хозяйства начали стремительно падать.

Начиная с 1916 г., фермер за все продукты получал большую цену, чем в прошлые годы. С 1916 г. по 1917 г. произошел быстрый скачок цен всех продуктов и особенно пшеницы и кукурузы. Армии воюющей Европы требовали хлеба. Затем в 1917 г. сама Америка вошла в войну. В следующие годы рост цен продолжался, фермер расширял запашки, стремясь повысить свои доходы. Однако, в июле и особенно в августе 1920 г. началось невиданно быстрое падение цен [3]), приведшее к разорению массу фермерских хозяйств.

На ряду с фермерскими продуктами росли цены и нефермерских продуктов. Поэтому покупательная сила с.-х. товаров росла медленно и только за некоторые годы. Так, например, пшеница только за годы 1916—19 дала превышение покупательной силы по сравнению с уровнем 1910—14 гг., равным 100. После 1919 г. ее покупательная сила пала до 70%. То же самое наблюдалось со свининой и мясом. При сравнении индексов с.-х. и промышленных товаров особенно ярко сказывается значение организованности капитала в моменты кризисных взрывов. Послевоенный кризис захватил все народное хозяйство Америки, но тяжесть этого кризиса не все перенесли одинаково.

Падение промышленных цен в 1920—21 гг. тоже имело место, но оно было значительно меньше, чем это имело место в области с.-х. продуктов. Для фермера раздвинулись ножницы, сводившие на-нет его доходы. При некотором повышении с.-х. цен с 1922 года сближения лезвий ножниц не замечается, т. к. и промышленные цены за это время повышаются, хотя и несколько медленнее.

Индексы цен на с.-х. товары интересны еще и потому, что они обнажают связь экономики с политикой. В то время, как в пшеничной и кукурузной полосе кризис принял затяжные формы, в хлопковой он сравнительно быстро сменился под'емом. При 70 для пшеницы, 77 для свинины и 68 для мясного скота индекс покупательной силы хлопка равнялся 186 в 1923 г. Правда, хлопковые районы перенесли большие лишения из-за долгоносика, тем не менее их положение было благоприятное. Фермеры же пшеничной и кукурузной полосы оказались в сильнейшем затруднении. Не будучи в состоянии устранить стоящие

---

[1]) The Agricultural Situation by G. F. Warren and F. H. Pearson, 1924. Page 19, 21.
[2]) American Agriculture and European Market, by E. G. Nourse, 82.
[3]) Ibidem. Page 65.

пред ними затруднения, они искали помощи со стороны, и политическая активность их поднялась на высокую ступень.

Но и движение одних цен не может считаться достаточным, если мы хотим составить представление о доходности фермера. Если вместе с падением цен падут издержки производства, то, очевидно, что фермер при прочих равных условиях мог бы чувствовать себя нормально. Но с.-х. производство менее подвижно, чем многие отрасли промышленности. Осенью 1919 года посеянный злак продается по ценам в 2—3 раза меньшим, чем год назад. Злак, посеянный осенью в 1920 году, оказывается в менее плохом, но все же в худшем положении, по сравнению с предшествовавшими годами. А так как фермер употребляет удобрения, машины, корм для скота, то для него не безразлично, продает ли он купленное за 2 доллара,—за 2,20 доллара или за 1 доллар.

Для сравнения условий производства мы имеем средние данные для 6 пшеничных штатов за несколько лет. Постараемся разобраться в них.

Стоимость производства яровой пшеницы в Сев. и Южн. Дакотах и в Миннесоте и озимой пшеницы в Канзасе, Небраске и Миссури[1]):

Годы.	Яровая пшеница.			Озимая пшеница.		
	Чистые издержки производства без зем. ренты.	Ценность производства пшеницы на 1 акр в долларах.	Различие между издержками и ценностью пшеницы.	Чистые издержки производства на 1 акр без зем. ренты.	Ценность произв. пшеницы на 1 акр.	Различие между издержками и ценностью пшеницы.
1913 .	8,4	8,8	0,4	9,6	11,7	2,1
1915 .	10,4	16,5	6,1	9,9	13,3	3,4
1917 .	13,2	23,6	10,4	13,5	27,7	14,2
1919 .	17,1	17,9	0,8	19,4	28,7	9,3
1920 .	18,9	15,6	—3,2	20,4	26,9	6,5
1921 .	12,3	8,9	—3,4	15,0	12,8	—2,2
1923 .	10,7	8,1	—2,6	12,0	9,4	—2,6

За годы войны фермер получал беспримерные барыши, сменившиеся в 1920—21 гг. убытками. Фермер не мог не продавать произведенных продуктов, а продавая он приплачивал к каждому акру по несколько долларов. На всю ферму это обходилось в сотни и тысячи долларов. Сюда нами не прибавлялись еще земельная рента, которую платили 381 фермер из каждой 1000. Положение арендаторов было значительно хуже. Фермеру старались изо всех сил втолковать, что виной депрессии оказывается Европа. Европа была далеко, а свои акулы близко. Фермер постарался по мере сил разобраться в своих «друзьях», услуги которых обанкротили тысячи фермеров. Фермеру, прежде всего, пришлось столкнуться с ж.-д. тарифами.

В данной связи нужно отметить различие в политике республиканской и демократической партий. При Вильсоне жел. дороги были под государственным управлением, почему до июня 1918 года не было никаких повышений в жел.-дор. тарифах. После возвращения жел. дорог владельцам и с приходом рес-

[1]) Agricultural Yearbook, 1923. Page 648—49.

публиканцев к власти было сделано сильнейшее повышение тарифов.

При поддержке государственной комиссии, железнодорожные компании шли наперекор хозяйственной динамике. В момент, когда страна вступила в кризис, жел.-дор. компании сделали самое значительное повышение тарифов. По подсчетам департамента земледелия, фермер, продавая кукурузу, получал 77% цены, на жел.-дор. тариф падало 13% и 10% на элеваторы. В 1919 г. фермер получал уже 80%, жел.-дор. компании — 8% и элеваторы—12%, но в 1921 г. фермер получал только 56% цены кукурузы, жел. дороги—34% и элеваторы—10% [1]). Газетные известия о том, что фермер топил кукурузой печки вместо угля, соответствовали фактическому положению дел.

В какой мере сказалось влияние монополистского капитала на повышение тарифов мы можем заключить из сравнения жел.-дор. тарифов Канады и Соед. Штатов. Оказывается при равных расстояниях американцы переплачивали от 7 до 10,5 центов за бушель по сравнению с канадскими фермерами [2]).

В отношении элеваторов наблюдалась та же тенденция. Так прибыль кооперативных элеваторов равнялась в 1913—14 г.— 2,04 центам на бушель, в 1919—20 г.—7,11, в независимых элеваторах в 1913—14 г.—2,66, в 1919—20 г.—6,61, в линейных элеваторах в 1913—14 г.—4,20, в 1919—20 г.—13,79. [3]).

Особенно велики были надбавки элеваторов в районах, где не было конкурирующих кооперативов, хотя в отдельных районах сама кооперация, вырождаясь в форму акционерного общества, не стеснялась надбавлять за счет фермера.

От элеватора хлеб поступал на жел. дороги, затем через оптовиков на мельницы и к розничнику. Роль розничника в распределении товаров была также весьма значительной, он не отставал от организованных капиталистов. Так, в цене 1 фунта хлеба в Вашингтоне—доля фермера равнялась в 1913 г. 21,41%, а в 1923 г.—16,37%. Доля же розничника поднялась за те же сроки с 20,55 до 22,22% [4]). Еще сильнее понизилась доля фермера при продаже мяса. Так, в цене свежего мяса доля фермера в 1913 г. равнялась 90,1%, а в 1921 году—67,7% [5]).

Предпринятые многочисленные обследования единодушно свидетельствовали, что при резком падении цен на с.-х. продукты, цены несельскохозяйственных товаров понижались весьма медленно, а доходы посредников—жел.-дор., элеваторных компаний, оптовиков и розничников, некоторое время продолжали повышаться.

В течение столетия в Америке создались общие каналы обращения, состоящие из многочисленных разветвлений [6]). Каждый с.-х. товар, проходя разветвления, должен оставить долю цены за услуги. Система каналов обращения находится в руках монопольно-организованных групп капитала. Фермеру некуда податься, т. к. вне этой системы не существует путей распределе-

[1]) Yearbook of the D. of Agr. 1921. Page 8.
[2]) Agricultural Yearbook. 1923. Page 111.
[3]) Report of the Federal Trade Commission on the Grain Trade. IV. 1924. Page XI—XII.
[4]) Agricultural Yearbook, 1923. Page 127.
[5]) Marketing and Distribution Report of the Joint Commission of Agricultural Inquiry, 1922. Page 217.
[6]) Ibidem. Page 14, 74.

ния. Поэтому все накидки, взимаемые монополистами, могут возбуждать недовольство, но они все же будут заплачены, так как фермер вынужден свою продукцию сбывать через них. В депрессивный период все агенты распределения не без успеха пытались переложить могущие произойти убытки на фермера. Против фермера стояла стена крупного капитала, который узаконенно грабил у фермера не только его заработок текущего года, но и его сбережения. Как мы уже приводили, ограблению подвергался, главным образом, фермер пшеничной и кукурузной полосы, а также дальний запад. Поэтому в упомянутых районах мы находим наиболее радикальное движение фермеров. Здесь развилась «непартийная лига фермеров», отсюда возник фермерский блок, там же коренится фермерско-рабочая партия и т. д.

Во время войны требовалось продовольствие, и на фермера изливались потоки патриотических воззваний, призывающих умножать производство хлеба и мяса. Благоприятная кон'юнктура подгоняла фермера, конечно, больше, чем все прокламации. Он расширил посевы. На это потребовался кредит, так как на расширение посевов нужны были машины, скот и удобрения и рабочие руки. Растущая доходность во время войны создала ажиотаж вокруг земли. Фермы продавались и покупались и снова перекупались в надежде на большие барыши. Горячка (boom), сопровождавшая все военное время фермера, разразилась особенно резко в 1920 г.

Произведенным обследованием было выяснено, что от 10 до 15% всех фермеров переменили свои фермы между 1916 и 1920 гг. Покупка земель в 1920 г. производилась по такой вздутой цене, что с наступлением кризиса купившие землю обанкротились, не будучи в состоянии оплатить лежавших на них обязательств [1]).

Как с.-х. производство, так и земельная спекуляция проводились в надежде на высокие цены. Грянул кризис и цены пали в 2—3 раза, обязательства же остались те же. Фермеры были должны, как мы уже писали, 10.000 милл. долларов, из которых около 5.000 милл. долларов занято было разводненным долларом, оплата же должна была производиться стабилизованным долларом. К тому же, как только раздались громовые раскаты кризиса, Федеральное резервное управление повысило учетный процент, особенно в с.-х. районах, затруднив маневрирование фермеров [2]). Да и вообще выяснилось специальным обследованием с.-х. кредита, что «существующая система не была достаточна для того, чтобы обеспечить фермеру все, что законно может требоваться для его целей» [3]). Поэтому комиссия рекомендовала улучшить и усилить современную исследованную систему с.-х. кредита.

---

[1]) The Wheat Situation by. H. C. Wallace. 1923. Page 23.
[2]) Credit. Report of fhe Joint Commission. Part II, 1922. Page 159.
[3]) Ibidem. Page 148.

Г. Белкин.

К характеристике современного „кустаря".

В нашей экономической литературе установилось неправильное определение «кустаря». Кустаря принято всегда считать мелким самостоятельным производителем. Это представление об однородности кустарной массы не соответствует действительности.

В. И. Ленин еще в дореволюционное время указывал на абсолютно непригодное для научного исследования понятие «кустаря» и «кустарной промышленности», под которое обыкновенно подводят все формы промышленности, начиная от домашних промыслов, ремесленных и кончая наемной рабочей силой на очень крупных мануфактурах.

Если в дореволюционной России кустарная масса была уже крайне неоднородна, то еще более разнородна она в настоящее время. Самое поверхностное наблюдение обнаруживает в ней три наиболее характерных основных подразделения: а) владельцев мелких предприятий с небольшим числом наемных рабочих от 1 до 3; б) самостоятельных производителей-одиночек, ведущих производство на собственные средства, работающих в одиночку или при помощи членов семьи, иногда и учеников, и сбывающих непосредственно изделия своего производства на местном и ближайшем рынках, потребителю или скупщику; в) работников, не имеющих своих средств производства и владеющих лишь своей рабочей силой.

Нужно ли доказывать, что при такой пестроте социально-экономического состава кустарной массы не существует и не может существовать единой «кустарной проблемы». Различные пути хозяйственного развития отдельных типов кустарной промышленности, неодинаковые, а иногда и противоположные интересы разношерстных социальных групп, именуемых у нас «кустарями», требуют от советской власти применения целого ряда разнообразных экономических мероприятий для разрешения стоящих перед ней в этой области задач.

До сих пор мероприятия советской власти по отношению к первой категории кустарей сводились, с одной стороны, к содействию возрождению и развитию мелкой кустарной промышленности (предоставление им налоговых льгот по применению ученичества, предоставление им дешевого кредита через систему кредитной кооперации и т. д.), с другой—к ограждению занятых в ней рабочих и учеников от чрезмерной эксплоатации их труда.

По отношению ко второй категории кустарей перечисленные нами мероприятия по содействию кустарной промышленности (налоговые и иные льготы) оказались недостаточными. При суще-

ствовании индивидуального хозяйства кустарь не может долгое время сохранить свою самостоятельность: по мере насыщения местного и ближайшего рынков изделиями промышленности, ему приходится искать новые, отдаленные от места производства, рынки. Кроме того, безостановочный рост цен на сырье и материалы производства, постепенно увеличивают сумму капитала, необходимую для ведения производства. Вследствие этого, чем дальше, тем больше усиливается зависимость кустаря от скупщиков и предпринимателей, финансирующих его производство и организующих сбыт его изделий.

Освободить кустаря от зависимости от частного капитала может только промысловая кооперация, организующая производство и сбыт кустарных изделий и облегчающая ему получение товарного и денежного кредита.

В эпоху диктатуры пролетариата развитие кооперации среди этой категории кустарей приобретает особое значение, она является не только средством поднятия их материального благосостояния. Освобождая мелких производителей от экономической зависимости от скупщика и предпринимателя, предоставляя им материальные выгоды от организованного выступления на рынке заготовок сырья и материалов производства и сбыта их изделий, она на опыте убеждает их в пользе и преимуществе кооперативного хозяйства перед распыленным индивидуальным и развивает в них потребность в дальнейшем обобществлении своего хозяйства—к организации кооперативной мастерской. Поэтому основной нашей задачей являлось кооперирование одиночек-кустарей. За последние годы советская власть в соответствии с директивам нашей партии провела целый ряд мероприятий, направленных к развитию и укреплению промысловой кооперации.

Опыт последних лет убеждает нас в том, что в области содействия развитию этих двух типов кустарной промышленности наша политика правильна и не нуждается в сколько-нибудь существенных коррективах на ближайший период.

Гораздо сложнее и многограннее вопрос о третьей категории кустарей.

Третья категория кустарей вовлекается в производство различными путями:

1) промысловой кооперацией;

2) госпромышленностью и госторговлей и потребительской кооперацией;

3) частным капиталом.

Насколько вообще интенсивен у нас процесс кооперирования второй и третьей категорий кустарей, показывает рост числа артелей и количества об'единяемых ими физических лиц.

Количество артелей и физических лиц, входящих через систему промсоюзов во Всекопромсоюз.

ДАТЫ	Артели	Физические лица
На I/X—1924 г.	2.799	123.305
» » —1925 г.	3.729	202.545
» I/IV—1926 г.	3.903	224.260
» » —1926—27 г. (по контр. цифрам ВСНХ)	4.878	260.260

Не меньшую роль, чем промысловая кооперация, играет в деле организации производства и сбыта кустарных изделий госпромышленность, госторговля и потребкооперация. С кустарями в последние два года работало значительное количество гострестов (Тверской и Сарапульский кожтресты, «ПРУМП»—в Павлове, Сарпинтрест в Немреспублике, Валтрест, «Сетеснасть»—в Нижегородской губ. и многие другие), а также целый ряд гумов, торгов и, наконец, Центросоюз и губсоюзы. Вопрос о перспективах развития промысловой кооперации и увязки кустарных промыслов с госпромышленностью, госторговлей и потребкооперацией, заслуживает чрезвычайно серьезного внимания. В ближайшее время мы осветим его на страницах нашего журнала. В настоящей же статье мы рассмотрим вопрос, касающийся той части кустарей, которые вовлечены в орбиту частного капитала.

Когда производство организовывает частный предприниматель, он превращает работающего на него «кустаря» в наемного рабочего. К этой категории рабочих термин «кустарь» неприменим, это рабочие квартирники, которые по своему социально-экономическому положению ничем не отличаются от городского квартирника.

В настоящее время, когда проникновение частного капитала в кустарную промышленность носит иной характер, чем в дореволюционной России, тем более необходимо установить признаки, отличающие кустаря от квартирника.

Однако, частный капитал не только превратил деревенского «кустаря» в наемного рабочего квартирника, но и ухитрился превратить наемного городского рабочего в кустаря.

В кустарных районах, где отсутствуют мощные профсоюзы, где слабы инспекция труда и налоговый аппарат, там частный капитал имеет возможность неограниченно эксплоатировать кустаря-квартирника; кроме того, формы экономического закабаления кустаря-квартирника скупщиком и предпринимателем многообразны, и не каждый зачастую обнаруживает трудовое отношение, существующее между первым и последним.

Многие и теперь думают, что на каких бы условиях ни работал кустарь-квартирник на частного скупщика и предпринимателя, никакое вмешательство со стороны органов охраны труда и профсоюзов здесь не целесообразно и не возможно. Единственной мерой борьбы в данном случае считают развитие промысловой кооперации, а до тех пор, пока кустарь-квартирник не будет кооперирован, он должен терпеливо, безропотно покориться тяжелой участи раба частного капитала.

В дореволюционной России, правда, медленно, но неуклонно совершался процесс перехода от раздачи работы на дом (кустарничество-квартирничество) к концентрации производства в мастерских предпринимателей. Иное дело сейчас.

Возродившийся в нашей республике частный капитал еще до сих пор не вышел из периода «первоначального накопления». Лейтмотив его хозяйственной деятельности — получение максимальной прибыли при минимальных затратах капитала. Этим целям как нельзя лучше соответствует система работ на дому. Таким образом, в нашей республике происходит процесс, обратный тому, который совершался в дореволюционной России—процесс перехода от применения предпринимателями рабочей силы в своих заведениях к раздаче работ на дом.

Чем меньше возможностей было для частного предпринимателя практиковать систему раздачи работы на дом в городах, тем больше они устремлялись в кустарные районы, превращая одиночек-кустарей, а иногда об'единенных в промысловые кооперативы в кабальных рабочих, эксплоатация которых до сих пор ни чем не была ограничена.

В 1922 г. и в первой половине 1923 г. частный капитал хотя и проникал в кустарную промышленность, но сфера распространения его была невелика. Начиная со второй половины 1923 г., частный капитал охватывает больше кустарных районов и более значительное количество кустарей в каждом районе.

Во второй половине 1923 г. скупщик «прочно осел в кружевном промысле Вологодской, Орловской губ.; вытеснил промысловую кооперацию в производстве пуховых платков в Пензенской губ.».

«Широко и интенсивно работает частный капитал в таких уплотненных сапожных районах, как Кимрский, Талдомский, Кара-Булакский и Тейковский, забрав в сферу своего влияния до 80% имеющихся там кустарей».

В Павловско-Муромской металлической промышленности, а также в Тульской, частный капитал захватил до 80% мелких производителей (см. «Вестник Промысловой Кооперации» № 3 за 1924 г.).

В Московской губ. в производствах: кожевенном, обувном, металлическом, деревообделочном, игрушечном и др. «кустарь принужден отдавать свою продукцию скупщикам, которые покупают все изделия кустаря за весь год в счет выданной кустарю ссуды».

В Ярославской губ., в конце 1923 г. кустари-шубники работают на своих «исконных благодетелей», скупщиков, и получают 60—70 коп. за 14—16-часовой рабочий день. Благодателям кустаря не страшны ни кодекс законов о труде, ни инспекция. У них свои законы, старые, испытанные приемы (см. «Вестник Промысловой Кооперации» за декабрь 1923 г.).

В 1923 г. на Нижегородской ярмарке был произведен опрос 19 частных лиц, торговавших кустарными изделиями, который установил, что 5 скупщиков отдавали сырье на обработку, 6 частью покупали, частью получали кустарные изделия от собственного производства, 1 имел собственное производство, 7 скупали готовые изделия,—при чем не сказано, в какой степени от этих лиц зависели те кустари, у которых изделия покупались: работали ли кустари на собственные средства или на средства скупщиков (см. «Вестник Пром. Коопер.» № 3, стр. 6 и 7 от 1924 г.).

Еще больше частный капитал захватывает кустарные промыслы в 1924—1925 гг.

В Павловском районе частный рынок, питаемый частным предпринимателем и скупщиком, растет непрерывно, стихийно и неудержимо. Безработица в районе дает ему дешевую рабочую силу, особый характер кустарного строя дает ему возможность избежать отчета и улавливания. На каждого предпринимателя «легально работает несколько кустарей, на самом деле у него работает гораздо больше» (см. «Эконом. Жизнь» № 144 за 1924 г., а также «Эконом. Жизнь» № 157 от 10 апреля 1924 г.).

В Чувашской области кустарное кулеткацкое производство в 1924 г. захвачено частным капиталом, «скупщик эксплоатирует кустарей, выплачивает им ничтожную зарплату, задерживает платежи, или же давая вперед в счет платы за работу, еще больше снижает заработок кустаря». Работа ведется почти беспрерывно в течение 16—18 часов. Особого помещения для тканчества нет, работают там же, где и живет вся семья, что очень отражается на здоровье, так как от мочалы происходит испарение или летит едкая пыль.

Несмотря на такую каторжную обстановку работы кустаря, заработок его чрезвычайно мал, составляя в день 23 коп. для взрослого рабочего, 18 коп. для помощника и 12 коп. для подростка. «Указанные размеры заработка при работе на частного предпринимателя нередко еще сильнее понижаются. Вообще, заработок кустаря в рогожном производстве настолько незначителен, что занятие этим промыслом может быть об'яснено безвыходным положением кустаря-бедняка, который лишь при таком добавочном заработке может спасти жизнь своей семьи».

«Даже самый забитый китайский кули, несмотря на всяческие ухищрения в деле эксплоатации его труда белых цивилизаторов и давления колониального капитала, зарабатывает больше одной копейки в час».

«В истории прошлой России, примерно, столько же, сколько чуваши кустари-рогожники, зарабатывали, лишь мастеровые в Петровскую эпоху и в конце XVIII века (см. доклад инструктора Всекопромсоюза Дубового за 1924 г. и «Вестник Пром. Коопер.» № 5 за май 1925 г.).

В Загорском медно-литейном кустарном районе Богородского уезда из 998 кустарей кооперировано только 12. Вся остальная масса работает исключительно на пять десятков предпринимателей.

В Московской губ. из 18.000 кустарей-металлистов на государство работало всего 2—3%, остальные работали либо на посредника - скупщика, либо эксплоатируются «хозяйчиками». «В Тульском районе в производстве самоваров, охотничьих ружей и скобяных изделий, чувствуется определенная монополия частного капитала. Преимущество частного капитала в металлургической промышленности было то, что он, давая заказы кустарям, одновременно снабжал их сырьем, часто деньгами» (см. «Торгово-Промышленную Газету» № 56 за 1924 г.).

В Костромской губ. в 1924 г. скупщик внедрился почти во все кустарные промысловые районы: ювелирное, обработка шерсти, обработка кожи, дерева, металла и др.

В Ленинграде кустари-туфельщики почти исключительно работают на частных торговцев и магазинеров (см. «Вестник Пром. Кооперации» № 7—8 за 1924 г.).

В Нижегородском районе растет кулак-скупщик, бедняк-кустарь попадает к нему в зависимость и эксплоатируется (см. «Правда» от 11 сентября 1924 г.).

В Елецком кружевном районе кружевницы работают большей частью на частных скупщиков. Скупщики снабжают нитками и булавками кружевниц, при чем цены на товар, отпускаемый кустаркам, скупщики взвинчивают, а кружева покупаются у них по ценам крайне низким по сравнению с теми, по которым они сами продают.

«Скупщик в деревне не только захватил в свои руки сбыт кустарных товаров и снабжение сырьем, он указывает кустарю, какие сорта нужно приобрести, из каких ниток. Дальше этого скупщик в кружевном промысле не идет, довольствуясь эксплоатацией на дому».

Чем дальше деревня от города, тем эксплоатация сильнее, тем выше прибыль предпринимателя.

Напр., в Маручках имеется 9 скупщиц, из них 2 «настоящие женщины-кулаки». Каждая из скупщиц держит в своих руках около тысячи кружевниц. Район верст на 8 вокруг Маручков охвачен ими. Работают скупщицы без всякого патента, финагентам их трудно обнаружить (см. «Правда» № 236, 16 апреля 1924 г.).

В Вологодском районе в роговом промысле «частный скупщик закрепостил экономически значительное количество кустарей». В особенно сильной зависимости находятся кустари отдельных крупных деревень (см. «Торгово-Промышлен. Газету» № 59 от 12 марта 1925 г.).

В селе «Никольский Поим» цены скупщиков разорительны для кустарей. Сверх себестоимости пары сапог, кустарь-сапожник едва получает от купца 25—50 коп. От таких заработков, естественно, часть кустарей разбежалась, но большая часть живет и продолжает работать, так как не знает других промыслов.

В таком же положении другие кустари: кузнецы, шапочники (см. «Торгово-Промышл. Газету» от 24 марта 1925 г.).

В Москве в трикотажном промысле большинство чулочниц работает на частных скупщиков и магазинеров. В среднем заработок высококвалифицированной чулочницы, работающей на хорошей плоской машине, составляет около 50 р. в месяц.

Скупщик широко развил свою деятельность в текстильно-ткацкой кустарной промышленности. Скупщик, выбирая личное промысловое свидетельство для рабочих одиночек и раздавая им работу, отпускает им в переработку пряжу на кабальных условиях («Вестник Пром. Коопер.» № 11—12 за ноябрь—декабрь 1925 г.).

В Черкизове кустари-вязальщики, главным образом, работают на скупщика. Заработок черкизовских кустарей в среднем 35—40 руб. в месяц. Рабочий день достигает 12—16 часов (см. «Торгово-Промышленную Газету» № 95 от 28 апреля 1925 г.).

В Вологодской губ., напр., в селе Устье Кадипковском, кружевницы-плетеи работают на частных скупщиков, раздающих кустаркам нитки и берущих обратно сработанный товар и даже кредитующих кустарок и деньгами и товаром. Работают по-разному, применяя весь ассортимент приемов, испытанных и типичных для кустарных районов.

В Нижегородской губ. женские кустарные промыслы: рогожный, лошкарный, скорняжный, Балахонский кружевной и вышивальный (всего по Нижегородской губ. насчитывается до 40.000 женщин, работающих в кустарных промыслах) — за последнее время значительно оживают и развиваются. На базе кустарной промышленности быстро растет и укрепляется кулак-скупщик. В районе появились женщины-кулаки, торговки, скупщицы. Они доставляют кустаркам материал, раздают работу, забирают готовые изделия и торгуют в Москве и по ярмаркам. Число кооперированных кустарей крайне незначительно («Правда» 28 апреля 1925 г.).

В Муромском районе $^5/_6$ всего количества кустарей работают одиночками, предпочитая работать на предпринимателя. Количество мелких и крупных предпринимателей в этом районе даже приблизительно трудно определить. Числится по учету инспектора труда 49 чел., но сам инспектор предупреждает, что цифра абсолютно не точна. Предприниматель, спасаясь от налогов, от уплаты соцстраха, всеми силами скрывает свое занятие.

Насколько не точно указанное количество предпринимателей можно судить по тому, что в селе Горах их по учету числится 4, по частным сведениям и на самом деле их—16. Но предприниматель не только скрывается, ему в этом всячески помогает и кустарь.

Не имея своих средств, не находя источника заработка в тресте, видя печальное положение артелей, из которых некоторые, как, напр., Медоварцевская, сами работают на предпринимателя, кустарь видит в нем единственный источник существования («Вестник Пром. Кооперации» № 8—9 за август—сентябрь 1925 г.).

В Дагестанской республике в кустарной промышленности в силу того, что кустарь в огромном большинстве своими средствами не в состоянии обеспечить себе необходимое сырье, он попадает всецело в руки посредника, который, снабжая его сырьем на кабальных условиях, становится потом хозяином всей его продукции.

Особенно сильно участие частного капитала в шерстообрабатывающей кустарной промышленности, в суконном и ковровом производствах, доминирующих над всеми остальными видами кустарного производства Дагестана. Заработок кустаря крайне мал, в некоторых случаях доходит до 9—10 коп. в день. Частный капитал, сбитый с толку госторговлей и потреб. кооперацией, устремился, главным образом, на кустарей. Почти 99% сбыта кустарных изделий и снабжения сырьем находится в руках частного капитала («Вестник Промысловой Кооперации», ноябрь—декабрь 1925 г.).

В Калязинском районе в сапого-валяльном промысле эксплоатация беднейших кустарей частным капиталом чрезвычайно сильна. Весной, в мертвый сезон, доходит до того, что при 14—16-часовом рабочем дне в невероятно тяжелой обстановке: в сырости и грязи, стиральщик получает в день около одного рубля, да и за эту работу благодарит работодателя (там же).

«В Нижегородском районе общая кон'юнктура кустарной промышленности к началу производственного сезона 1925 г. складывалась более чем благоприятно. Небывалый спрос на кустарные изделия, налоговые льготы, ряд поощрительных мероприятий,—все это делало кустарную промышленность в роде именинницы. Однако, именины кустаря пока-что довольно черствые».

«В Нижнем-Новгороде, в старом Гостином дворе и на Нижнем базаре, появились торгово-промышленные фирмы с солидным оборотом. В одиночку, компаниями, товариществами, они заготовляют валеную обувь и торгуют шерстью, они имеют в районах производства свои раздаточные конторы, шерсто-чесальные заводы, стиральные мастерские, катальные заведения, склады шерсти и пр.».

«Из общего количества кустарей-валяльщиков в Нижегородском районе работает на кооперацию тысяча человек, на Валтрест МГСНХ—2.500 чел., на частных промышленников—5.000 чел., но и эти цифры приходится трактовать в пользу частного скупщика, так как ни кооперация, ни Валтрест, числящихся за ними кустарей полностью не загружают» (см. «Торгово-Промышленную Газету» № 243 от 23 октября 1925 г.).

В Кимрском районе (Тверской губ.) часть одиночек-кустарей получает весь материал комплектами от частных посредников, на которых шьет обувь. Из общего количества выработанной в 1924 г. (полтора миллиона) обуви около 1.200.000 п. падает на кустарей-одиночек, работающих на частных лиц. Между прочим, Кимрский кожтрест ведет свои операции через частных раздатчиков, которые закабаляют кустаря (см. «Вестник Пром. Кооп.». № 4 за апрель 1925 г.).

В Семеновском уезде (Нижегородской губ.) сапожно-валяльный промысел охвачен частным капиталом в большей мере, чем кооперацией и госорганами. В частной промышленности занято кустарей 5.800 чел. (96,5%), в кооперации—200 чел. (3,5%).

«Чтобы избежать лишних налогов и расходов, они сокращают официальное количество, числящихся за ними эксплоатируемых кустарей-рабочих. В катальной у предпринимателя работает 5 человек, а на стороне—50 чел.».

«Кустарь-рабочий предпочитает работу на фабрике работе на хозяина. На госфабрике условия труда упорядочены, здоровье рабочих охраняется, рабочее время ограничено, все это рабочий-кустарь ценит, особенно молодежь. В том же Семеновском уезде Нижегородской губ., который славится производством деревянных ложек, кустарь-ложкарь зарабатывает в неделю иногда меньше рубля».

«В Пензенском районе, несмотря на установившийся спрос на продукцию господствующего там рогожно-кулевого промысла для текстильных и табачных предприятий, а также для перевозки сельских продуктов, благодаря дороговизне сырья и незначительности продажной цены, дневной заработок кустаря не превышает 25—30 коп. в день при рабочем дне кустаря-рогожника в 16 часов в сутки».

Предпринятое Экономпромсоветом ВСНХ выборочное обследование кустарных промыслов констатирует усиление к 1926 г. позиций частного капитала почти во всех кустарных районах. Так, напр., «в кожевенно-обувном районе Тверской губ., Кашинского уезда имеются (по показаниям Акуловской промысловой артели) частные предприниматели, которые работают большей частью нелегально, пользуясь слабостью фининспектуры и страховых касс. Есть предприниматели, раздающие «домашникам» до 1.000 пар в месяц. Наблюдается выход отдельных кустарей из артелей».

В Иваново-Вознесенской губ., в Шуйском уезде частный скупщик в сезонное время отрывает до 50% членов артелей. Такое же положение в Самарском и Ленинградском кожевенно-обувных районах, лесохимических районах Вятской г., валено-сапожном промысле Иваново-Вознесенской губ. и др.

В деревообрабатывающем промысле (выработка ободов, спиц, дуг, ложек, чашек) позиции частного капитала особенно сильны (см. «Торгово-Пром. Газету» № 30 от 6 февраля 1926 г.).

Сведения об усилении роли частного капитала в кустарных промыслах поступают в начале 1926 г. из целого ряда других районов. Смоленский корреспондент «Торгово-Промышленной Газеты» пишет: частично свободные средства деревни вкладываются в предприятия кустарной промышленности, которая развертывается интенсивным темпом в большинстве районов (см. «Торг.-Промышл. Газету» от 14 марта 1926 г.).

Обследование частного капитала в Ленинграде выявило, что «особенно велика его роль в кустарной промышленности» («Эконом. Жизнь» от 10 марта 1926 г.).

То же самое мелитопольский корреспондент «Торг.-Пром. Газ.» сообщает, что частным капиталом оказывается скрытая от посторонних взглядов помощь начинающему возрождаться крупному и мелкому кустарничеству. Помощь эта разнообразна, но всегда секретна («Торг.-Пром. Газ.» от 2 марта 1926 г.).

В Сибири кожевенный кустарный промысел восстанавливается также частным капиталом. Частный капитал, приняв энергичное участие в закупке кожевенного сырья, передавая последнее на выделку кустарю, стал таким образом для него неофициальным синдикатом («Эконом. Жизнь» от 2 февраля 1926 г.).

Иное дело в городе. После издания декрета от 2 июля 1923 г. квартирники не только были признаны наемными рабочими, но была найдена практическая форма приспособления нашего кодекса законов о труде к условиям работ на дому.

Предприниматели сначала пытались уклониться от исполнения декрета, но они встретили упорное сопротивление со стороны профсоюзов и организованных квартирников, сломать которое они не были в состоянии. Поэтому в городах предприниматели прибегают к новому виду использования квартирников. Квартирники, набранные из числа безработных или из рабочих ликвидированных предприятий, принуждаются хозяевами выбирать за счет последних патент, свидетельствующий якобы о том, что данное лицо является не работником, а самостоятельным хозяйчиком (кустарем).

Искусственное превращение наемных рабочих в кустарей приняло колоссальные размеры почти во всех отраслях промышленности (кожевенной, обувной, швейной, металлической, текстильной, строительной, местного транспорта, лесозаготовительной и др.).

В кожевенно-обувной промышленности патентщики появляются уже в конце 1923 г. Так, напр., в Ростове-на-Дону предприниматели один за другим закрывают свои мастерские, раздавая работу на дом рабочим, под прикрытием патентов (см. «Голос Кожевника» № 16 от 5 ноября 1923 г.).

В Воронеже после издания декрета о квартирниках усилилась подпольная раздача магазинерами работы и увольнения легальных квартирников (см. «Голос Кожевника», № 18—19 от 20 декабря 1923 г.).

В Баку в начале 1925 г. наблюдается массовое увольнение рабочих частных предприятий. Обследование губотдела союза установило, что владельцы ликвидированных предприятий работают нелегально с квартирниками-«патентщиками» (см. «Голос Кожевника», № 4—5 от 1 марта 1925 г.).

В Харькове в 1924 г. борьба профсоюзов против эксплоатации труда квартирников осложняется вследствие распространения патентщиков, затрудняющих борьбу с предпринимателями и создающих неразбериху при разборе конфликтов в судебных органах (отчет харьковск. губотдела с 1 апреля 1923 г. по апрель 1924 г.).

В конце 1924 г., количество легальных квартирников еще больше уменьшилось за счет роста числа «патентщиков». «Так, например, на заседании правления губотдела 8 марта 1925 г. докладчик о «квартирничестве» указывает, что работе по выявлению квартирников и прикреплению их к магазинерам в настоящее время грозит опасность быть сорванной. Работодатели закрывают предприятия, сокращают прикрепленных квартирников, а некоторые предприниматели всех увольняли. Причины ликвидации предприятий и сокращения легальных квартирников—это переход на раздачу работ на дом патентщикам и нелегальным квартирникам».

На состоявшемся в июне 1925 г. совещании делегатов 2 пленума ЦК кожевников по вопросу—«Работа союза в частной промышленности»—представители с мест (Украина, Грузия, Белоруссия, Узбекистан, Саратов, Самара, Ленинград, Москва и др.) указывали на массовую ликвидацию предприятий и увольнение прикрепленных колдоговорами к магазинерам квартирников и переход на подпольную работу, или раздачу работ патентщикам, на которых не распространяется кодекс законов о труде (см. «Голос Кожевника», № 13 от 22 июля 1925 г.).

В Белоруссии в 1925 г. ликвидация мастерских и раздача работы патентщикам приняла широкие размеры (№ 13 «Голос Кожевника» от 22 июля 1925 г.).

В Астрахани в конце 1924 г. предприниматели сокращают легальных квартирников и раздают работу патентщикам. В Азове нелегальное квартирничество, растущее с каждым днем, приводит не только к бешеной эксплоатации труда рабочих, но и вызывает массовое закрытие частных мастерских, не выдерживающих конкуренции с магазинерами, работающими патентщиками и нелегальными квартирниками (Протокол губотдела за февраль 1925 г.).

В Одессе во второй половине 1924 г. предприниматели ликвидируют свои мастерские, открытые по настоянию профсоюза и организованных квартирников, раздают работу патентщикам (см. Протокол губотдела 27 августа 1924 г.).

В Саратове нелегальное квартирничество и патентщики сильно распространяются во второй половине 1924 г. (8/IX 1924 г.).

В Воронеже в конце 1923 г. усиливается увольнение квартирников, легально работающих на магазинеров, вследствие подпольной раздачи работ патентщикам (протокол от 29 ноября 1923 г.).

В Москве уже в конце 1923 г. предприниматели, имеющие квартирников, выбирают для последних патенты, этим самым отрывая их от профсоюза (см. «Отчет о работе среди московских квартирников за время июль—декабрь 1923 г.»).

В тех случаях, когда предприниматели не сумели навербовать среди местных безработных необходимое количество квартирников, которые согласились бы порвать с профсоюзами и прикрывать трудовые отношения фиктивными патентами, они передавали работу в деревни и другие местности, где квартирники еще не были организованы и потому легче поддавались усиленной эксплоатации.

В Москве, например, в первой половине 1924 г. закрытие раздаточных пунктов становится массовым явлением. «Многие раздаточные пункты переходят на нелегальное положение, передавая работу в уезды» (см. протоколы от 22 мая и от 15 апреля 1924 г.).

Во Владимире после того, как губотдел кожевников организовал квартирников-сапожников, заключил от имени их тарифное соглашение с работодателями, предприниматели начали производить пошивку в других губерниях: Рязанской, Тверской и т. д., где рабочие руки значительно дешевле. Это привело к тому, что в самом Владимире количество квартирников, работающих легально на магазинеров сократилось на 60% (см. отношение губотдела в ЦК от 5/IV—1925 г.).

В витебском кожевенном производстве еще в конце 1923 г. начинается массовая ликвидация частных предприятий. Хозяева передают работу по деревням. В начале 1924 г. процесс ликвидации частных мастерских и передача работы в деревню усиливается. Вследствие этого в самом Витебске значительное количество рабочих-квартирников, опасаясь безработицы, оторвалось от профсоюза и бюро квартирников и начало нелегально работать на своих работодателей, на более худших условиях, чем было установлено колдоговором (см. протоколы витебского губотдела кожевников от 14 декабря 1923 г. и 4 января 1924 г.).

Приморский губотдел кожевников в своем протоколе от 2 сентября 1924 года указывает, что меры борьбы против чрезмерной эксплоатации квартирников «ничего положительного не дали и рабочие-квартирники остаются незащищенными». Чтобы избежать оплаты налогов и заключения коллективного договора, предприниматели ликвидировали свои мастерские. В силу этого рабочий, оставаясь безработным, принужден был искать работу. Не находя других средств, он кинулся в об'ятия торговцев, продавая свой труд как попало, чего, конечно, при закрытии своих мастерских торговцы ожидали.

Предприниматели практикуют следующую форму обхода. Они выдают рабочим товар, якобы в кредит, а затем готовую обувь принимают от квартирников под видом закупки у него готовых изделий. В действительности же за вычетом «кредита», предоставленного рабочему в виде товара, рабочий получает лишь мизерную зарплату.

В Самарском кожевенном производстве «магазинеры раньше пользовались рабочей силой квартирников, а некоторые, напр., имели мелкие мастерские. Сейчас они квартирников уволили. Часть мастерских совершенно ликвидирована. При этом торговля обуви не сокращается, а, наоборот, увеличивается за счет расширения местного производства. Но местное производство «выражается большей частью в нелегальном квартирничестве, работающем под видом патентщиков, борьбу с которым вести чрезвычайно трудно».

«При имеющейся безработице, воздействовать на члена союза трудно, когда вопрос ставится о его существовании».

Угроза потерять работу заставляет во многих случаях рабочих, занятых в городской частной промышленности, не только отказаться от продолжения борьбы за улучшение условий труда, но и уступить и те позиции, которые уже были завоеваны. Ярким примером в этом отношении нам может служить печальный исход двухлетней борьбы ленинградских квартирников-сапожников со своими магазинерами.

Два раза ленинградские квартирники-сапожники об'являли своим работодателям стачки-бойкот и оба раза вышли из борьбы победителями. Основное требование стачечников — открытие мастерских—было удовлетворено предпринимателями. 600 рабочих квартирников были сконцентрированы в открытых мастерских. Остальные квартирники были прикреплены к магазинам, владельцы которых обязались через непродолжительный срок открыть мастерские. Напр., на 1 октября 1924 г. 85% всех зарегистрированных ленинградским губотделом союза кожевников рабочих частных предприятий работало на дому и лишь 15%—в мастерских в то время, как после победоносной стачки квартирников (июль 1924 г.) 87% всех рабочих частной промышленности работало в мастерских предпринимателей, а на дому—только 13%.

Но ленинградские квартирники-сапожники недолго пользовались плодами своей победы. С июля 1924 г. частные мастерские закрываются одна за другой, рабочие увольняются, а работа раздается кустарям как городским, так и живущим вне города.

Чтобы спасти положение, ленинградский губотдел кожевников с разрешения ЦК союза, временно отказывается от основного требования, которое в течение 2-х лет воодушевляло борьбу организованных квартирников—«работы в мастерских предпринимателей». Рабочие снова перешли на положение квартирников.

Однако, ленинградские магазинеры на этом не остановились. Они начинают постепенно сокращать легальных квартирников, передавая работу деревенским квартирникам и кустарям (патентщикам). В самом Ленинграде из 700—800 квартирников к концу 1925 г. осталось всего лишь 300—400 легально работающих квартирников, хорошо сплоченных и организованных, которых предприниматели до сих пор не сумели превратить в патентщиков.

В начале 1926 г. предприниматели делают отчаянные попытки освободиться и от горсточки легальных квартирников. Но, предвидя сильное сопротивление ленинградского губотдела союза кожевников, магазинеры обращаются в ВЦСПС с докладной запиской, в которой указывают на невыгодность производства обуви путем применения труда организованных квартирников, которые якобы разоряют магазинеров, и просят разрешить им уволить квартирников, прикрепленных к ним колдоговорами.

Аналогичная записка была подана председателю ЦИК СССР тов. Калинину, Наркомвнуторгу и другим. Этот маневр является подготовительным к открытой борьбе, которая началась между ленинградским губотделом кожевников и магазинерами-обувниками в апреле сего года, когда истек срок заключенного союзом с частными предпринимателями коллективного договора, Ленинградский губотдел кожевников и организованные квартирники на этот раз отбили атаку предпринимателей, заставив их

перезаключить с союзом колдоговор на работающих на них квартирников.

В строительной промышленности распространение патентщиков» приняло широкие размеры в 1924—25 гг. Так, например, Татарский областной отдел союза строительных рабочих сообщает, «что в число патентщиков попадают исключительно рабочие-строители» и что выборка патентов чревата для рабочих тяжелыми последствиями, благодаря лишению экономической защиты их труда со стороны союза (см. прот. Тат. облотдела в СССР от 18 июня 1924 г.).

Курский губотдел союза строительных рабочих в своем информационном докладе в ЦК за апрель—июнь 1924 г. сообщает, что патентщики под руководством подрядчиков и других спекулянтов конкурируют с членами союза. Борьба с патентщиками затруднена.

Владимирский губотдел строителей в своем докладе в ЦК от 8 октября 1924 г. сообщает, что «патентщина» развивается по инициативе подрядчиков и всевозможных дельцов. Патентщики в действительности являются обыкновенными рабочими. Рабочих вынуждают выбирать патенты подрядчики, которые не имеют возможности открыто эксплоатировать наемную рабочую силу.

На междуведомственном заседании при вологодском губотделе труда от 27 мая 1924 г. представитель губотдела рабочих-строителей указывает, что одиночки-строители, выбирающие личные патенты, в действительности продают свой труд нанимателям, и их ни в коем случае нельзя приравнивать к кустарям-одиночкам, продающим изделия своего производства на рынке, и что частные предприниматели, пользуясь тем, что имеющие патенты регистрации на бирже труда не подлежат, нанимают их на работу, не платят за них в страхкассу и уклоняются от уплаты налогов.

Таково положение в 1924—25 гг. почти во всех остальных отраслях промышленности, в коих получило более или менее широкое развитие квартирничество.

Аналогичное положение в текстильной промышленности: в Ленинграде, Республике Немцев Поволжья, Москве и других городах.

Заведующий тульским губотделом труда в своем письме заворготделу НКТ, тов. Нефедову, сообщает, что в тульском районе, где имеется значительное количество квартирников кожевенного, металлического, текстильного производств, «создаются компании трех-четырех бывших заводчиков, раздающих сырье на обработку кустарям-квартирникам, но не как рабочим, ими занятым, а как «подрядчикам», так как прежде, чем сдать работу тому или иному кустарю, они вынуждают его выбирать патент».

«Описать вам обстановку такой кустарной мастерской на дому очень трудно. Скажу только одно, что в таких местах самый большой срок жизни—40 лет, так как в производственной пыли травится не только тот, кто непосредственно работает, но и все домашние, живущие с ним».

Заведующий губотделом труда жалуется на то, что инспекция труда бессильна бороться с эксплоатацией труда квартирников, так как юридически они являются самостоятельными ку-

старями, т. е. имеют патент (из письма заведующего тульского ГОТ и МКТ, см. также «Правду» от 9 августа 1924 г.).

В швейной промышленности распространение патентщиков относится к 1924—25 гг. Например, в Москве в 1925 г. выявилась официально существующая форма производственной деятельности в частной промышленности—это использование труда патентованных рабочих» (отчет моск. губотдела швейников с 1/I по 1/XI—25 г.).

То же самое сообщают отчеты харьковского, ленинградского и др. губотделов союза швейников.

До сих пор борьба с частным капиталом в «кустарных» районах велась исключительно промысловой кооперацией. Несомненно, что промысловая кооперация является одной из радикальных мер освобождения кустарного населения от влияния частного капитала.

Однако, было бы роковой ошибкой, если бы мы не учли тех об'ективных условий, которые сильно ограничивают размах промысловой кооперации в нашей республике.

Общеизвестно, что промысловая кооперация об'единяет небольшое количество кустарей, приблизительно процентов 8 — 10 (мы, понятно, говорим о промысловых кооперативах, входящих в систему промсоюзов по линии Всекопромсоюза и Всеколеса, «диких» же артелей мы в подсчет не включаем, так как их лжекооперативный характер, за редким исключением, не подлежит никакому сомнению). Главная же масса их работает на частного предпринимателя, который под тем или иным видом эксплоатирует работника.

Это об'ясняется, тем обстоятельством, что промысловая кооперация не располагает достаточными финансовыми ресурсами, необходимыми для кооперирования значительного количества кустарей.

Более того, промсоюзы и артели, благодаря отсутствию у них средств, не загружают полностью сырьем и материалами производства и того незначительного количества кустарей-членов, входящих в их состав. Нередко и кооперированный кустарь вынужден частично работать на частного предпринимателя и скупщика. Бывают случаи; когда и целые артели, не получая товарных и денежных кредитов от своих промсоюзов, вынуждены работать на частного предпринимателя.

Отсюда ясно, что перед промкооперацией в настоящее время стоит задача не расширять сферу своего влияния в кустарной промышленности, а углублять ее.

При таком положении вещей говорить о вытеснении частного капитала кооперацией из кустарной промышленности является вредной иллюзией.

Частному капиталу, конечно, выгодна эта иллюзия. Промысловая кооперация ему пока-что не страшна. Существующая же в некоторых кругах точка зрения, что с частным капиталом можно бороться единственно путем кооперирования работников, ему на руку, так как отвлекает наше внимание от тех реальных мер, которые могут в настоящее время хотя бы в некоторой степени действительно обуздать скупщиков и предпринимателей в кустарной промышленности.

Такой реальной мерой борьбы с неограниченной эксплоатацией внегородских квартирников является законодательная защита их труда, (распространение декрета от 2 июля 1923 г.) и организованная борьба их со своими предпринимателями.

Необходимо также пополнить декрет о квартирниках от 2 июля 1923 г. новой статьей, устанавливающей, что при условии существования между квартирником и работодателем трудового отношения, наличие патента у квартирника не освобождает нанимателя от обязательства по кодексу законов о труде и действующему специальному законодательству о труде квартирников.

Е. Преображенский.

Экономические заметки *).

III.

О пользе теоретического изучения советского хозяйства.

Опубликованные главы из моей работы [1] «Новая экономика», работы, посвященной теоретическому анализу советского хозяйства, подверглись ожесточенной критике. Оппоненты особенно нападали на главу о законе социалистического накопления. Глава «О законе ценности в советском хозяйстве» встретила сначала гораздо более мягкий прием во время трехдневных прений в Коммунистической Академии. Некоторые оппоненты делали даже комплименты автору. Но уже в статье т. Э. Гольденберга, помещенной в «Большевике» от 30 апреля [2]), новая глава атакуется с такою же резкостью, как и предыдущая. Я не знаю, быть может, такой тон является личной особенностью тов. Гольденберга—бывшие оппозиционеры проявляют часто усердие выше среднего; во всяком случае, если все другие оппоненты будут об'ективнее, дело от этого только выиграет. И я со своей стороны хотел бы сохранить хладнокровье и об'ективность. Разногласия есть, к чему еще их раздувать, либо выдумывать не существующие пункты расхождения. Тот, кто занимается этим делом, будь то в теории, будь то в политике, позволяет себе эту роскошь только потому, что недостаточно продумал наш завтрашний день.

Ценность или, наоборот, непригодность того, или иного теоретического построения, которое делаем мы, марксисты и ленинцы, в области общественной науки, определяется, во-первых, тем, в какой мере оно логически согласуется с методологическими основами и основными положениями марксизма и ленинизма; во-вторых, в какой степени оно способствует правильному предвидению в области социально-экономических явлений и тем служит непосредственным практическим целям нашего класса. Последняя проверка является решающей и окончательной, потому что и марксизм и ленинизм служат предварительной логической проверкой каждого нового построения лишь потому, что сами они уже проверены на опыте практической борьбы рабочего класса. Когда возникает спор о том, согласуется ли логически данное построение с марксизмом или ленинизмом, спор в сфере логики можно продолжать сколько угодно, но решает этот спор окончательно и бесповоротно опять-таки лишь практика.

---

*) От редакции. Статья дискуссионная.

[1]) Глава 2-я: «Основной закон социалистического накопления» и глава 3-я: «О законе ценности в советском хозяйстве». Вся книга вышла недавно в изд. Коммунистической Академии.

[2]) «Большевик» №№ 7—8, Э. Гольденберг, „Запоздалый рефлекс".

Под этим углом зрения логической, а где можно, практической проверки моей теории советского хозяйства я намерен рассмотреть здесь важнейшие возражения тов. Гольденберга и некоторых других моих оппонентов, направленные против наиболее существенных положений моей работы. А затем я постараюсь показать, что мои оппоненты не только не дали, но, оставаясь на своих теперешних позициях, никогда не смогут дать чего-либо похожего на марксистско-ленинскую теорию нашего хозяйства, со всеми вытекающими отсюда практическими последствиями.

Начну с вопроса о методе.

Тов. Гольденберг упрекает меня «в вульгарно механистическом подходе к вопросу», в том, что я не улавливаю «диалектической связи противоречивых и борющихся начал», в том, что я занимаюсь «схоластической игрой в формально-логические определения» и т. д. А где же доказательства?

Доказательство первое: приступая к анализу проявления капиталистических категорий в нашей экономике, я напоминаю читателям, что именно противостоит этим категориям в плановом социалистическом хозяйстве. Тов. Гольденберг прикидывается, что он не понимает методологического значения этого противопоставления и его места во всем моем изложении. По его мнению «в этом голом противопоставлении... и обнаруживается полное непонимание т. Преображенским действительной роли закона ценности в нашей экономике». «В конечном счете социализм, разумеется, приводит к полной ликвидации рынка и рыночных отношений. Но не может быть ошибки более грубой и более вредной, чем смешение результата процесса с самим процессом».

Не для тов. Гольденберга, который, конечно, знает, о чем у меня идет речь и занят сочинением своего опровержения, а для читателей, которые могут принять всерьез эту его «аргументацию», я замечу следующее:

1) Никакой действительно научный анализ переходной товарно-социалистической системы хозяйства не мыслим без понимания того, во что переходит эта экономическая формация.

2) Только имея постоянно перед своим сознанием два полюса всего процесса—исходный и конечный, мы в состоянии будем понять историческое место каждой переходной формы, не теряясь в деталях и не скатываясь к вульгарной экономии, которая поверхностное описание кон'юнктуры сегодняшнего дня выдает за научный анализ данной экономической системы.

3) Противопоставление, о котором идет речь, принадлежит Марксу, Энгельсу, Ленину. Без принципиального противопоставления капитализма социализму не мыслим законченный анализ даже самого капитализма. Доказательство этого читатель найдет в «Капитале», «Антидюринге», в переписке Маркса и Энгельса и т. д. Только противопоставление социализма капитализму позволило Ленину дать теорию монополистического капитализма.

4) Изучение капитализма Маркс построил на анализе капитализма абстрактного, т.-е. по Гольденбергу смешал результат процесса с самим процессом, за что, как известно, подвергался ожесточенным нападкам всего интернационала вульгарных экономистов и обывателей.

5) Принципиальное противопоставление социализма капитализму является методологически обязательным и для анализа каждого периода в развитии товарно-социалистической формы хозяйства. Так как весь процесс движения к социализму есть процесс борьбы одной экономической формации с другой, то ни удельного веса борющихся сторон, ни своеобразия каждого периода и его закономерностей, ни причудливого переплетения процесса борьбы с его непосредственными результатами мы не в состоянии будем понять, не имея постоянно перед собой представления о том, во что превращается, куда растет переходная экономика. Забывать об этом, значит в области теории скатываться к Бернштейну с его знаменитым положением: движение все, цель ничего.

«Нелепость придирки тов. Гольденберга слишком очевидна, чтобы на ней долго останавливаться. Однако, отнюдь не случайно что противопоставление социализма капитализму при исследовании определенного этапа переходной экономики раздражает тов. Гольденберга и некоторых других оппонентов. Ведь уметь соединить это противопоставление с конкретным анализом определенного периода развития товарно-социалистической системы хозяйства, значит приступить к анализу борьбы двух начал в нашей экономике, значит искать закономерности в этой борьбе, значит, хочешь не хочешь, подойти при анализе закономерности развития государственного хозяйства к закону первоначального социалистического накопления. Но моим оппонентам не улыбается эта перспектива. И потому они осуждены, с одной стороны, повторять, меняя лишь слова и выражения, одну и ту же фразу о борьбе планового начала с рынком, а с другой стороны, выдавать за «анализ» нашего хозяйства соединение некоторого количества марксистской терминологии с описанием фактической экономической политики государства в каждый данный момент. А это и есть тот хвостизм в теории, который является лишь идеологическим выражением хвостизма в области практической деятельности и его оправданием.

Достаточно прочитать статью тов. Гольденберга, чтобы убедиться, как он топтание на одном месте, сопровождаемое полемическими наскоками на меня, часто с моими же собственными мыслями, преподносит читателям в качестве «анализа» советского хозяйства. Подумать только, как мы стали богаты сразу прочтя эту статью! До тов. Гольденберга мы ведь и не подозревали, что «рост рыночности крестьянского хозяйства является предпосылкой... его увязки с социалистической промышленностью», что «рост плановых начал предполагает овладение рыночными отношениями», что «такой путь движения к социализму имеет свои опасности и свои трудности», что накопляем мы не только из прибавочного продукта деревни, но и в самой промышленности. И вот этой-то водой глубоких и новых мыслей поливает меня тов. Гольденберг в своей полемической статье.

Представьте себе, читатель, что мы с вами едем из Москвы в Ленинград и проехали уже Тверь. Является к нам тов. Гольденберг и начинает доказывать, что по пути из Москвы в Ленинград надо непременно проехать город Клин.

Тов. Гольденберг, вы вполне правы, Клин надо проехать, и мы его проехали. А что же дальше, чем предполагаете вы обогатить наши знания дальше. Но только просим вас об одном: когда мы будем под'езжать к Ленинграду, не убивайте нас истиной о том, что по пути к нему надо проехать и Тверь, а также миновать Волгу, впадающую в Каспийское море.

Тов. Гольденберг упрекает меня в том, что я ничего не говорю о «перерастании отношений товарного хозяйства в социалистические, а только о вытеснении одной формации другой». Этот упрек явно рассчитан на то, что не все читатели «Большевика» знакомы с моими работами, которые взялся «разносить» тов. Гольденберг. И в брошюре «От нэпа к социализму» и в двух главах моей работы по теории советского хозяйства и во всей книге «Новая экономика» я много раз говорю не только о вытеснении одних форм другими, но и о подчинении и трансформации исторически отсталых форм под действием ведущего начала социалистического сектора хозяйства. Возражение т. Гольденберга с формальной стороны является поэтому неправдой. Но оно, как и другие его возражения, имеет свой логический и социальный смысл. Тов. Гольденберг недоволен в моем анализе «резким расщеплением всего хозяйства нашей страны на две половинки, из которых в одной господствует план, а в другой стихия».... Я нигде не говорю, что план у ж е господствует полностью в государственном хозяйстве: стихии здесь более чем достаточно. Но я утверждаю, что исходной хозяйственной базой плана, социалистического начала, развертывания расширенного социалистического воспроизводства, а значит базой для проявления закона первоначального социалистического накопления является наше государственное хозяйство, которое находится в борьбе с частным хозяйством, совершенно независимо от того, какие формы принимает эта борьба. Сожительство с частным хозяйством отнюдь не исключает борьбы, как сожительство советского государства с капиталистическими странами есть лишь другое выражение классовой борьбы пролетариата с буржуазным обществом. Неужели же не ясно, что перерождение низших экономических форм в высшие, например, производственное кооперирование крестьянского хозяйства при поддержке государственной промышленности, есть продукт борьбы социалистического города со средневековой экономикой деревни. Сожительство двух экономических формаций в нашем хозяйстве создает известное единство всей системы, но равновесие в этой системе достигается на основе борьбы по всему фронту. Эта борьба социалистического начала с частным хозяйством ведется вовне, поскольку наши связи с мировым хозяйством не сокращаются, а растут и будут расти. Эта борьба идет внутри, поскольку связь государственного хозяйства с частным через рынок не сокращается, а растет. Борьба включает в себя целую гамму отношений: и вытеснение одних форм другими, и подчинение одних форм другим и перерождение низших форм в высшие—все это есть продукт борьбы, а не «мирного обновления». А потому без того «расщепления» при теоретическом анализе, которое не нравится тов. Гольденбергу, никакой научный анализ нашей системы не возможен. И наоборот. Затушевывание всех элементов борьбы двух экономических формаций, если оно не является плодом недоразумения, в лучшем случае есть результат прогулок по поверхности социально-экономических явлений советской системы, и с точки зрения предвидения завтрашнего дня сулит нам самые жестокие разочарования; в худшем же

случае все это может повести к репродукции в новой обстановке бернштейновской теории притупления социально-экономических и классовых противоречий. Такая концепция сама по себе никаких противоречий, исторически заложенных в нашу систэму, не притупляет в интересах диктатуры пролетариата, а лишь дезориентирует правящий рабочий класс и его партию, и мешает ему выработать правильный взгляд на то общество, в котором он должен выполнить свою историческую миссию.

Нужно вообще заметить, что в затронутом вопросе у нас царит порядочная путаница взглядов, и не по вине т. Гольденберга. Анализ нашей системы, как такой общественной формации, где движение вперед протекает в форме антагонистического развертывания противоречий и борьбы между законом первоначального социалистического накопления и законом ценности, безбожно смешивают с вопросом о том, выгодно или невыгодно для нас притупление классовых противоречий. Что касается первого противоречия, то научно-марксистский анализ вскрывает здесь только то, что есть на деле. Упрекать мою концепцию в том, что она раздражает мелкую буржуазию страны, значит теоретически капитулировать перед ней, значит отдавать всю умственную жизнь нашей партии, а также подготовку новых кадров под предварительную моральную цензуру деревни.

Вопрос же о притуплении классовых противоречий внутри нашей страны методологически правильно может быть поставлен лишь так. Нам, правящему рабочему классу, выгодно притупление всех тех противоречий, которые могли бы развертываться против нас и выгодно обострение противоречий всюду, где этот процесс поворачивается против капитализма. Формула рабоче-крестьянского блока есть, во-первых, формула об'единения интересов рабочего и крестьянина против буржуазии и, во-вторых, формула притупления противоречий интересов между этими двумя классами, также в интересах борьбы с буржуазией.

Притупление противоречий на этой б а з е в переживаемый нами период достигается прежде всего, больше всего и вернее всего индустриализацией страны, т.-е. со стороны удешевления продукции городской промышленности, со стороны интенсификации земледелия, рассасывания избыточной рабочей силы в деревне, со стороны долгосрочного кредита деревне (который слабая промышленность дать не может) и со стороны производственного кооперирования бедноты. Этот процесс означает одновременно создание условий для большей слаженности и организованности всего хозяйства страны вокруг государственного хозяйства, большую связь мелкобуржуазного окружения с руководящими центрами нашей экономики, большее подтягивание деревни к городу, а с точки зрения социологической, этот процесс означает общую консолидацию советского общества, его большую внутреннюю связность и сопротивляемость внешнему давлению и, наконец, замену рыхлого мелкобуржуазного крестьянского патриотизма, весьма ненадежного при внешней войне, социалистическим патриотизмом индустриализированной страны с диктатурой пролетариата.

Но этот спасительный для нашего класса, для советской системы, для социализма и для социально прогрессивных элементов деревни процесс есть в то же время процесс мучительный, длительный, опасный и тем более опасный, чем более длительный, потому что главный наш враг неизбежно должен стараться прервать его как можно раньше.

С другой стороны, давление закона ценности мирового капитализма на нашу экономику, сравнительно слабое тогда, когда мы связаны с океаном мирового рынка узкими Дарданеллами нашего теперешнего ввоза и вывоза, должно неизбежно расти. А тем самым вопрос о быстроте темпа индустриализации превращается в вопрос не только внутреннего экономического и политического равновесия, но и в вопрос нашего существования перед лицом нашего о с н о в н о г о противника.

Но, при ничтожности притока иностранного капитала в страну в виде долгосрочных кредитов, проблема индустриализации упирается в проблему такого использования внутренних ресурсов, которое обеспечивает хотя бы приблизительную пропорциональность в распределении производительных сил между городом и деревней. Отсюда—проблема первоначального социалистического накопления с ее уравнениями пропорциональности расширенного социалистического воспроизводства, которые диктуются нам с внешне принудительной силой. Отсюда—закон первоначального социалистического накопления, который не выдуман Преображенским для полемики со своими оппонентами, а который об'ективно вытекает из обстановки борьбы нашего государственного хозяйства, созданного Октябрьской революцией, с капиталистическим миром. Этот закон диктует нам, на ряду с прочим, и определенные пропорции отчуждения прибавочного продукта деревни для целей расширенного социалистического воспроизводства. Возражая против этой постановки вопроса, мои оппоненты полемизируют здесь не со мною лично и не со всеми нами индустриалистами, а в сущности ворчат против тех об'ективных условий, в которых протекает строительство социализма в одной и притом крестьянской стране. Их нападки являются, как это не трудно будет показать в другой раз, лишь идеологическим и политическим отражением отсталых тенденций нашего экономического развития. Соображение о том, что оппоненты защищают осторожную политику, более отвечающую нашим условиям, более способную поддержать блок рабочих с большинством крестьянства, опровергается фактами полностью и целиком.

Когда при товарном голоде, т.-е. в наших условиях, при недостаточном социалистическом накоплении в промышленности, крестьяне переплачивают на разнице оптовых и розничных цен сотни миллионов ежегодно частному капиталу или спекулирующей, нередко, кооперации, когда они имеют нереализуемые денежные излишки, непроданный и с'едаемый мышами хлеб, отчуждение пары сотен миллионов крестьянского накопления для развития промышленности будет возбуждать, конечно, известное недовольство. Но такая политика одновременно начинает создавать предпосылки д л я р а с с а с ы в а н и я э т о г о н е д о в о л ь с т в а благодаря расширению производства, привлечению новых рабочих из деревни, увеличению товаров на рынке, благодаря сокращению эксплоатации крестьянства торговым капиталом. Наоборот, политика систематического недонакопления, товарного голода и неизбежно с ними связанных высоких розничных цен, постепенно накопляет крестьянское недовольство, которое не рассасывается, а все растет, угрожая таким напором

деревни на нашу систему протекционизма и монополии внешней торговли, который может иметь очень серьезные последствия для всего дела строительства социализма в нашей стране. Эта политика есть уступка хозяйственной отсталости, при чем осторожная только по видимости: на определенной стадии развития нашего хозяйства она превращается в свою противоположность.

Тов. Гольденберг ходит возле да около вопроса о неэквивалентном обмене социалистической промышленности с мелким производством и, критикуя в этом пункте мою постановку вопроса, как будто высказывается за эквивалентный обмен. В этом важном пункте нам нужна полная теоретическая ясность, а не увиливание от прямой и отчетливой постановки всей проблемы. Я предлагаю тов. Гольденбергу и другим моим критикам сказать определенно, что, собственно, они защищают в этом пункте. При чем, если они выскажутся за эквивалентный обмен, к чему они в той или иной мере склоняются, то я обязуюсь показать, что они либо проявляют экономическую неграмотность, либо в разбираемом пункте разрывают с марксизмом, переходя на позицию мелкобуржуазного народничества. Я берусь доказать, что они защищают, по сути дела, налог на социализм в пользу мелкого производства.

Насколько тов. Гольденберг не понимает моей основной точки зрения в вопросе о законе первоначального социалистического накопления, хотя и очень развязно ее излагает и критикует, видно из следующего направленного против меня победоносного примечания. Он пишет: «Согласно перспективному пятилетнему плану Госплана в ближайшее пятилетие мы вложим в наш основной капитал до пяти миллиардов рублей, из которых 4,4 миллиарда даст сама промышленность, т.-е. «перекачка», которая у тов. Преображенского является основным, главным и т. п., даст лишь немногим больше 0,1 общей суммы, в которую по этому плану выльется в ближайшее пятилетие основной вид действительного социалистического накопления».

Тов. Гольденберг, формулируя это поистине убийственное для него возражение, «забыл» сказать читателям, при каких отпускных ценах может осуществиться все это накопление.

Он «забыл» сказать, что все это будет осуществлено при ценах гораздо более высоких, чем цены мирового рынка, т.-е. на основе из'ятия из закона ценности мирового хозяйства, т.-е. при гораздо большей неэквивалентности обмена крупного производства с мелким, чем это мы видим в мировом хозяйстве [1]), при сохранении монополии внешней торговли, социалистического протекционизма и т. д., следовательно на основе закона первоначального социалистического накопления. При действии мирового закона ценности и при соответствующей конституции внутренних цен мы не только не получим этих пяти миллиардов, а растратим добрую половину всего нашего основного капитала.

Читатель может видеть из этого примера, какое веселое занятие полемизировать с такими оппонентами, как т. Гольденберг, как хорошо понимают они то, что критикуют.

[1]) В мировом хозяйстве также нет эквивалентного обмена между этими отраслями, потому что цены на продукты земледелия складываются на основе конкуренции мелкого крестьянского производства с крупным и средним капиталистическим земледелием.

Однако, так хорошо все понимающий тов. Гольденберг сознается, что одного пункта он как будто не понял в моем изложении, что не мешает ему упражняться в остроумии отнюдь не по поводу своего непонимания. Он не понимает, «почему, собственно, тов. Преображенский говорит, что закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия». Почему диалектическое? При чем тут диалектика?

Прежде чем об'яснить читателю, при чем тут диалектика, я хотел бы заметить, что тов. Гольденберг, упрекающий меня в «вульгарно-механистическом подходе к вопросу», явно выдает себе диплом на умение диалектически подходить к исследованию нашего хозяйства. Вообще слову «диалектика» у нас повезло невероятно. Люди, никогда не читавшие Гегеля, не говоря уже о тех, которые его читали, но не поняли, склоняют это слово на все лады. Непрестанным повторением этого слова они терроризируют читателей, которые начинают стыдиться своего невежества и принимают разносчиков слова «диалектика» за людей, в совершенстве овладевших методом Гегеля и Маркса.

Тов. Гольденберг должен был бы знать, что применяя те методы полемики, которыми он пользуется против меня, можно «разнести» самое совершенное, самое классическое исследование, научно воспроизводящее диалектический процесс общественного развития, начиная с «Капитала» Маркса. Ведь диалектический процесс есть прежде всего единство. Описание той или другой отдельной стороны этого единого процесса всегда можно «с успехом» противопоставить целому, если покинуть почву диалектической логики и плавать в сфере того, что Гегель называет «простыми и раздельными определениями».

Это тем легче сделать, что диалектическое движение есть движение, развертывающееся на основе внутреннего противоречия. Пример подобного сорта критики у нас как раз перед глазами. Усвоив из моего изложения, что закон первоначального социалистического накопления в той его части, которая касается распределения материальных ресурсов страны, есть закон перекачки ценностей из досоциалистических форм производства в государственное хозяйство пролетариата, мой критик говорит:

«При таком «понимании» основного закона социалистического накопления естественно и утверждение, что закон ценности ограничивает накопление». Мой оппонент не считает только для себя выгодным понять, что дело не ограничивается только этой стороной закона. Закон первоначального социалистического накопления конкурирует с законом ценности не только в сфере распределения прибавочного продукта страны, но и по всей линии регулирования хозяйственной жизни, прежде всего по линии распределения рабочих сил. Об этом у меня говорится на протяжении всей книги «Новая экономика», а также, в частности, в критикуемой Гольденбергом статье «Закон ценности в советском хозяйстве». Цитированная выше фраза, в которой слова «диалектическое перерождение» кажутся непонятными тов. Гольденбергу, относится к борьбе закона первоначального социалистического накопления с законом ценности во всей сфере экономических отношений, следовательно, и в сфере борьбы за единство регулирования хозяйственной системы. Мой критик обнаружил

здесь себя в полной мере в качестве одного из тех разносчиков слова диалектика, о которых я говорил выше.

Теперь для тов. Гольденберга, если он всерьез не понимает моей концепции, а прежде всего для читателей, я поясню в немногих словах и самым популярным образом, что я имел в виду сказать в цитируемой тов. Гольденбергом фразе.

Если бы теперь в нашей стране экономические отношения складывались на основе свободного действия закона ценности мирового хозяйства, то это привело бы к тому, что при теперешних ценах на мировом рынке и при теперешней переиндустриализации Европы две трети нашей крупной промышленности были бы ликвидированы вследствие убыточности и ненужности ее с капиталистической точки зрения, с точки зрения мирового разделения труда на капиталистической основе. Наоборот, наше сельское хозяйство сильнейшим образом пострадало бы от превращения всей страны в аграрную полуколонию мирового капитала в дальнейшем, но в первые годы, несомненно, выиграло бы вследствие гораздо более дешевых цен на промышленные изделия, вследствие гораздо более эквивалентного обмена на мировом рынке. Так как нет ни германского, ни американского, ни русского закона ценности, а есть лишь закон ценности мирового хозяйства, который проявляется лишь с известными вариациями и отклонениями на территории той или иной страны или группы стран, то непрерывное расширение действия этого закона на нашей территории под давлением мирового рынка извне и благодаря развертыванию товарных отношений внутри может переопрокинуть всю нашу систему, после чего распределение производительных сил сложилось бы у нас тогда так, как это необходимо для воспроизводства капиталистических отношений во всем мировом хозяйстве (а не в интересах индустриально-капиталистического развития в нашей стране, как мечтают меньшевики, которые в этом пункте проявляют, кроме всего прочего, простую экономическую безграмотность и непонимание общих тенденций современного мирового хозяйства)[1]. Единственным регулятором в нашем хозяйстве будет тогда, следовательно, закон ценности.

Что же противостоит у нас закону ценности, усиление действия которого означает усиление тенденций к переопрокидыванию всей нашей системы.

Каждый читатель может по пальцам сосчитать, что противодействует у нас закону ценности: монополия внешней торговли, социалистический протекционизм, жесткий план импорта, строящийся в интересах индустриализации страны, неэквивалентный обмен с частным хозяйством, обеспечивающий накопление для государственного хозяйства в архинеблагоприятных условиях низкой техники государственного хозяйства. Но все это в целом, на базе единого государственного хозяйства пролетариата, и есть внешние инструменты, внешние проявления закона первоначального социалистического накопления. В борьбе этого последнего закона с законом ценности мы достигаем каждый данный год (с большим или меньшим успехом) такого распределения прибавочного продукта страны и такого распределения производительных сил в целом, которое, с одной стороны, обеспечивает известное удовлетворение общественных потребностей, а с другой стороны, создает предпосылки расширенного социалистического воспроизводства для следующего года и отчасти для ряда лет вперед. Равновесие всей системы хозяйства достигается на базе антагонистического развертывания действия обоих законов, при чем пропорции развертывания государственной промышленности, а тем самым пропорции отчуждения в интересах этого развертывания некоторой части прибавочного продукта сельского хозяйства (безразлично, идет ли дело о налогах или о политике цен), диктуются нам с внешне принудительной силой. Вытеснение действия закона ценности, как регулятора хозяйства, происходит за счет замещения его функций регулирующими функциями закона социалистического накопления. Здесь меняется не только метод регулирования, т.-е. не только плановость заменяет стихийность, но и меняется материальное содержание всего процесса в том смысле, что распределение производительных сил страны каждый год получается иное в сравнении с тем, что мы имели бы при свободном действии закона ценности. Наше плановое распределение производительных сил подчинено другой об'ективной цели, цели сохранения и развертывания социалистического сектора хозяйства, который, с одной стороны, должен удовлетворить в определенной пропорции продуктами своего производства известную часть общественных потребностей страны, а с другой стороны, должен обеспечить движение вперед, т.-е. обеспечить определенный уровень накопления. При такой системе, конечно, и размеры общественного потребления страны, чем дальше, тем больше, подпадают под действие этого закона. Совершенно очевидно при этом, что постепенное подчинение системы обмена страны плановому регулированию, имеющему своей базой государственное хозяйство, означает постепенное перерождение на основе борьбы закона ценности в исторически более высокий тип регулирования: мы имеем здесь не только вытеснение этого закона, но и перерождение его в закон первоначального социалистического накопления. Все это происходит на основе рыночного обмена, при чем закон социалистического накопления постепенно вышелушивает содержание рыночных отношений, не затрагивая пока их формы, и в то же время этот процесс гораздо быстрее протекает внутри государственного хозяйства и гораздо медленнее и мучительнее развертывается на стыке государственного хозяйства с частным. По мере своего развертывания закон первоначального социалистического накопления одновременно начинает разрешать и проблему пропорциональности в распределении наличных производительных сил, стоящую перед каждым общественным производством, и одновременно проблему расширенного воспроизводства, но не в капиталистических, а в социалистических формах. В настоящий момент мы еще не знаем, какие закономерности будут лежать в основе нашего государственного хозяйства, когда оно технически догонит и перегонит капитализм, т.-е. когда начнется настоящее социалистическое накопление. Это будет зависеть и от того, как будет обстоять дело с борьбой за социализм и со строительством социализма в других странах. Мы не можем

[1]) Кстати сказать: в борьбе с меньшевиками у нас почти не используется тот аргумент, что ликвидация советской власти и осуществление меньшевистского лозунга «назад к капитализму», означает практически безработицу для двух третей нашего рабочего класса и притом для его наиболее квалифицированной части.

также предвидеть, чем будет ускорен или, наоборот, задержан или перерезан процесс нашего социалистического строительства вследствие наших отношений с капиталистическим миром. Но для теперешнего периода, когда мы развиваемся в условиях более низкой, чем при капитализме, техники и в условиях нашего социалистического одиночества в мировом хозяйстве, законом нашего развития и самосохранения является закон первоначального социалистического накопления. Этот закон откроет каждый серьезный марксистский исследователь нашего хозяйства, как бы он его ни сформулировал по-своему, и прежде всего тот исследователь, который займется проблемой хозяйственного равновесия в нашей системе в условиях связи с современным мировым рынком [1]).

Из сказанного читатель может видеть, насколько недобросовестными являются все обвинения автора этих строк в стремлении подкопаться под блок рабочих и крестьян, в лозунгах «превращения крестьянского хозяйства в колонию для социалистической промышленности» и т. д. Я прошу моих критиков, считающих себя марксистами и ленинцами и выдвигающих все эти обвинения, ответить на следующие вопросы:

1) Верно ли, что расширенное капиталистическое воспроизводство требует определенной пропорциональности между размерами накопления и размерами общественного потребления?

2) Верно ли, что при конкретном капитализме индустриализация экономически отсталых стран облегчается и ускоряется импортом капитала из передовых промышленных стран?

3) Верно ли, что прогресс техники и повышение органического состава капитала, означающее рост постоянного капитала и в отраслях производства средств производства и в отраслях производства предметов потребления, требуют все более быстрого роста производства средств производства, а следовательно, более быстрого роста применяемого в этом подразделении общественного капитала, т.-е., прежде всего, более быстрого накопления в сфере тяжелой промышленности за счет всего хозяйства страны?

4) Верно ли, что мы уже используем весь наш основной капитал и вынуждены теперь решать одновременно две задачи: задачу более быстрого удовлетворения общественных потребностей и создания нового основного капитала, функционирование которого даст результаты в смысле расширения товарного предложения лишь через несколько лет?

5) Верно ли, что в экономически отсталой стране с социалистическим режимом, не знающей пока импорта капитала и вынужденной бороться со всем буржуазным миром, темп внутреннего накопления неизбежно должен итти несравненно быстрее, чем в любой капиталистической стране при данном уровне развития производительных сил?

6) Верно ли, что быстро растущая товарность крестьянского хозяйства в такой стране требует для поддержания хозяйственного равновесия *добавочного* роста промышленности, а следовательно, *добавочного* промышленного накопления.

[1]) В главе моей работы, посвященной этой последней теме, я постараюсь дать закону первоначального социалистического накопления совершенно наглядное выражение в виде, с одной стороны, абстрактных, с другой стороны, конкретных схем распределения производительных сил при товарно-социалистической системе хозяйства.

7) Верно ли, что индустриализация всякой страны, а индустриализация страны с социалистическим режимом тем более, требует роста культурности и квалифицированности рабочего класса, а значит систематического роста заработной платы?

8) Верно ли, что за вычетом накопления на собственной базе государственного хозяйства, остальная часть, подлежащая накоплению за счет мелкого производства, не может спускаться ниже известного минимума, ибо диктуется советскому государству в порядке железной экономической необходимости?

9) Верно ли, наконец, что недонакопление в государственной промышленности ведет к товарному голоду, росту розничных цен, накоплению частного капитала и к усилению разрыва между городом и деревней?

Ни один марксист не сможет сказать, что все это неверно. А если все это верно, то надо уметь от этого научного анализа перейти к правильным арифметическим величинам в области экономической политики, в деле построения хозяйственного плана страны.

И в то же время совершенно очевидно, что если мы имеем в стране систематический товарный голод и неудовлетворение платежеспособного спроса, если мы имеем скопление в деревне денег, на которые нельзя купить товаров и скопление хлебных излишков, поедаемых мышами и крысами и лежащих 8—9 месяцев без движения, а также ненормально высокие хлебные цены при урожае, то перед нами *чисто экспериментальное доказательство какой-то ошибки в сфере распределения прибавочного продукта страны*. В настоящее время не перенакопление, а недонакопление в промышленности может стать источником подрыва рабоче-крестьянского блока, поскольку при длительности такой ситуации крестьянство неизбежно будет искать смычки не с нашей, а с иностранной капиталистической промышленностью.

В разные периоды проблема рабоче-крестьянского блока имеет разное содержание. Повторение голой фразы насчет этого блока ничего партии не дает, ни от каких опасностей нас не спасает, и само крестьянство раздражает своей бессодержательностью. Ленинизм заключается здесь в том, чтобы на каждом новом этапе наполнить этот лозунг новым содержанием, вытекающим из экономической и политической, из внутренней и международной обстановки. На данном этапе материальным выражением лозунга блока и смычки является линия на индустриализацию страны, линия все более быстрого социалистического накопления. Ибо поскольку сейчас мы имеем здесь зияющий дефицит, поскольку мы живем под Дамокловым мечом растущего давления на нас мирового рынка, промышленное недопроизводство и наша техническая отсталость являются самой серьезной угрозой для дела сохранения рабоче-крестьянского блока.

И когда при такой обстановке попытка добросовестно продумать условия сохранения и развития нашего государственного хозяйства снова и снова встречается повторением вздорных обвинений насчет «колоний», то не в праве ли мы опасаться, что такой метод полемики может при соответствующих условиях стать исходным пунктом мобилизации мелкобуржуазной отсталости страны против социализма? Если тов. Гольденбергу и другим из наших молодых приват-доцентов, не прошедшим с нашей

партией долгой школы упорной борьбы с народничеством и меньшевизмом, естественно поддаваться моральному давлению 100 миллионной мелкобуржуазной массы страны и по политической неопытности более простительно делать те или иные зигзаги в сторону Кубанской, Пензенской или Курской «магнитной аномалии», то что же сказать про старших товарищей, про старых большевиков, которые поощряют эти зигзаги, и сами нередко не соразмеряют свои аргументы с их возможными политическими последствиями. Разве допустимо в полемическом азарте внутрипартийной дискуссии забывать о коренных социальных и исторических связях, нас об'единяющих.

В заключение я хочу сказать два слова о практической проверке тех общетеоретических положений, из которых исходил автор этих строк, начиная с 1923 г., и за которые подвергся ожесточенным нападкам.

В 1924 г., когда написана была моя статья о законе социалистического накопления, мои оппоненты больше всего боялись промышленного перенакопления и промышленного перепроизводства. Они механически переносили на 1924 г. и следующие годы опыт неправильно ими понятого и безмерно преувеличенного кризиса сбыта конца 1923 г. Их лозунгом было: осторожнее с развертыванием промышленности, осторожнее с накоплением, снижение оптовых цен во что бы то ни стало, не считаясь с проблемой накопления. Они договаривались в качестве общей директивы на будущее время до совершенно неверного экономического положения: сначала снижение цен, потом накопление, вместо единственно верного лозунга—сначала накопление, на основе его снижение себестоимости, а потом снижение цен. Самый лозунг социалистического накопления был поставлен тогда под сомнение, и в нем видели угрозу сохранению рабоче-крестьянского блока. Пришли 1925—26 годы с их острым товарным голодом, с нарушением расчетного баланса между городом и деревней—естественным следствием недонакопления,—и с полной очевидностью обнаружилось, что поднятая мною проблема социалистического накопления была научным прогнозом товарного голода, во-время сделанным предупреждением, попыткой обратить внимание партии на грозящую опасность недонакопления, тогда как мои оппоненты ориентировали партию как раз в обратном направлении. Теперь уже никак нельзя скрыть или замазать этот факт. Общие теоретические предпосылки моих оппонентов, связанные с неумением применить метод ленинизма к новой обстановке, вели к практическим ошибкам в области экономической политики. А об'явленная антиленинской теория социалистического накопления каким-то чудом давала правильный прогноз назревавших трудностей, которые для всех стали ясными через полтора—два года.

Эту правильность прогноза индустриалистов можно проследить и на других пунктах наших разногласий. Доклад т. Троцкого на XII партийном с'езде некоторые рассматривали как чрезмерно индустриалистский, между тем как намечавшаяся в нем на ряд лет общая линия нашей экономической политики оказалась вполне правильной.

На XIII партийной конференции тов. Пятаков защищал положение о наибольшей прибыли трестов при условии данного уровня отпускных цен и данного уровня заработной платы, т.-е. защищал режим наибольшей экономии в интересах накопления, в то время как возражавшие ему товарищи выбрасывали лозунг наименьшей прибыли. Они безбожно смешивали при этом лозунг наибольшей прибыли при прочих равных условиях, с лозунгом максимальных цен и справляли по этому поводу дешевенькую и весьма кратковременную победу. Ныне вряд ли кто-нибудь станет всерьез защищать так называемый принцип «наименьшей прибыли». Наоборот, все усилия по рационализации промышленности,—усилия, принимающие нередко явно неправильный, подчас даже вредный уклон, являются ничем иным, как стремлением обеспечить государственной промышленности при данных или даже сниженных ценах большую прибыль, т.-е. именно осуществить столь охаянный лозунг 1923 года.

Почему тов. Пятаков оказался прав, а его оппоненты оказались неправы? Потому что он, как все индустриалисты, стоял на верной позиции наиболее быстрого промышленного накопления, каковая позиция, будучи прогнозом товарного голода и хозяйственных затруднений при переходе от использования старого основного капитала к созданию нового, предполагала в то же время более правильную, чем у оппонентов, концепцию всего нашего хозяйства в целом и путей его развития. Эта же правильная обще-теоретическая установка заставила тов. Пятакова выдвинуть проблему управления всем государственным хозяйством, как единым целым, со всеми вытекающими отсюда организационными выводами. Теперь все это кажется азбучной истиной, а на XIII партконференции над тов. Пятаковым «реальные политики» потешались, как над безнадежным утопистом.

В дальнейшем тов. Троцкий выступил со статьями «К капитализму или социализму», в которых выдвинул плодотворнейшую постановку вопроса о сравнительных динамических коэффициентах нашего хозяйства с мировой капиталистической экономикой. Эта постановка вопроса, важность которой еще недостаточно оценена нашей партией, точно так же могла быть сделана только на основе принципиально правильной теоретической концепции нашего хозяйства.

Правильный теоретический анализ нашей системы хозяйства имеет первостепенное значение для нашей политики, для нашей практики вообще. С особой силой я хотел бы подчеркнуть в этом пункте разницу между буржуазной и социалистической экономикой. В капиталистическом обществе для агентов капиталистического производства экономическая наука играет весьма скромную роль. Поддержание равновесия в хозяйстве, если можно так выразиться, лежит на законе ценности. Этот закон умней и надежней буржуазной науки, буржуазных профессоров и буржуазных правительств поддерживает стихийным путем равновесие во всей системе. Хотя этот метод регулирования обходится дорого для общества, потому что лишь post factum извещает о допущенных ошибках в распределении производительных сил, он ничем другим в буржуазном обществе заменен быть не может. И если монополистический капитализм достигает большой организованности в той или другой отрасли хозяйства внутри страны, он не в состоянии уничтожить бесплановости ни во всем национальном хозяйстве в целом, ни, тем более, на мировом рынке. Наоборот, советское государство, опирающееся на национализированную крупную промышленность, транспорт, кредит и

внешнюю торговлю, вынуждено самим фактом национализации защищаться и наступать в плановом порядке, открывая тем новую страницу в деле использования экономической науки для производства. Мы вынуждены чем дальше, тем все больше регулировать хозяйство плановым образом на основе развертывания действия закона социалистического накопления. Но чтобы планировать, надо предвидеть. А чтобы предвидеть, надо непрерывно, во все растущем масштабе и со все большей и большей тщательностью исследовать научными прожекторами всю обозримую область причин и следствий на экономическом поле. Наше хозяйство усложняется, регулирование делается все более и более трудным и ответственным, оно охватывает все большую и большую область экономических отношений, двигает все большими и большими массами людей и материальных ценностей. Крупные ошибки, при централизации всего механизма управления, делаются все более и более опасными. Роль планирующих органов непрерывно растет. Быть хорошим политиком вообще делается все более и более недостаточным, чтобы быть хорошим экономическим политиком, быть руководителем хозяйства нашего типа, т.-е. в головных звеньях социалистического типа. Импровизация и дилетантство делаются чем дальше, тем все более убыточными для нашей экономики. Режим экономии требует, если говорить не о частностях только, большей экономии в ошибках руководства. А последнее достижимо с наименьшей тратой силы как раз благодаря правильной теории нашего хозяйства, т.-е. путем наиболее демократическим, наиболее доступным для каждого, кто действительно желает учиться и итти вперед.

А что мы видим в этой области у нас? После смерти Ленина мы не имеем широких обобщающих, постоянно проверяемых новыми фактами построений, создающих базу для научной теории нашего хозяйства. А все, что было сделано в этом отношении так называемыми индустриалистами, встречалось градом возражений, обвинений в антиленинизме, в троцкизме, в мелкобуржуазном уклоне и т. д.

Правда, последнему обвинению теперь уже никто больше не верит, перестанут верить скоро и другим. Однако, это нисколько не подвигает дела вперед в смысле положительного участия наших критиков в деле разработки теории советского хозяйства. Мои оппоненты очень напористы в полемике и в придумывании всяких формул обвинения, а что же они, спрашивается, противопоставили в положительной форме моей концепции? Годы проходят, накопляются новые факты, обновляется наш опыт: что же они дали партии положительного в смысле обобщающего понимания этого опыта? Ведь мы, большевики, в области теории очень требовательный народ: мы имеем в прошлом монументальные труды Маркса и Энгельса, мы имеем Ленина. С таким наследством за плечами мы не согласимся плавать по поверхности вульгарной советской экономики.

В области теории мои оппоненты не дали почти ничего. И я берусь предсказать, что, оставаясь на теперешних позициях теоретической трусости и эклектизма, они и не дадут ничего такого, что, не впадая в смешное самодовольство, они могли бы выдавать за теорию советского хозяйства. Т.-е. статей, брошюр и даже, может быть, книг они могут написать порядочно. Но это все будет не то, что нужно нашему хозяйству и нашей партии в области теории. Своей позицией отрицания закона социалистического накопления, т.-е. попытки построения пролетарской, марксистско-ленинской концепции нашего хозяйства, взятого в его динамике, они осудили себя на теоретическое бесплодие. Ибо из прибавления слюны при пережевывании общих, бесспорных и всем давно известных положений никакой теории советского хозяйства получиться не может.

Э. Гольденберг.

Ответ т. Преображенскому.

Тов. Преображенский снабдил статью язвительным и многозначительным подзаголовком: «О пользе теоретического изучения советского хозяйства». Он, повидимому, намекает на пользу изучения его собственных творений в этой области. Весь тон статьи, да и не только тон, но и прямые признания в конце ее, говорят о том, что в теории советского хозяйства он считает себя монополистом. «После смерти Ленина,—читаем мы там,—мы не имеем широких, обобщающих, постоянно проверяемых новыми фактами построений, создающих базу для научной теории нашего хозяйства». Исключением из этого грустного правила являются лишь писания т. Преображенского и его единомышленников. Сколь ни категорично звучит это у т. Преображенского, мы все же думаем, что он сильно сгустил краски и в отрицательной, и в положительной части своих утверждений. В частности, и в особенности, в последней, т.-е. положительной части. Здесь, нам кажется, он впал в заблуждение, от которого предостерегал еще Козьма Прутков, когда поучал, что:

Антонов есть огонь, но нет того закону,
Чтобы огонь всегда принадлежал Антону,

и, следовательно, не всякий литературно написавший книгу по теории советского хозяйства, тем самым уже становится теоретиком оного,—обстоятельство, которое т. Преображенский, на наш взгляд, недоучел.

I. Тов. Преображенский абстрагирует.

В статье «Запоздалый рефлекс» мы указывали, что т. Преображенский действительный анализ советской экономики подменяет схоластическими и бесплодными противопоставлениями государственного хозяйства — частному, плана — рынку, цены— трудовым издержкам производства и т. п. Тов. Преображенский на это отвечает, что «никакой действительно-научный анализ переходной товарно-социалистической системы немыслим без понимания того, во что переходит эта экономическая формация», что, «только имея постоянно перед своим сознанием (!) два полюса всего процесса—исходный и конечный, мы в состоянии будем понять историческое место каждой», и, наконец, что «принципиальное противопоставление социализма капитализму является методологически обязательным и для анализа каждого периода в развитии товарно-социалистической формы хозяйства». Выложив все это, т. Преображенский принимает победоносный вид и идет дальше, считая, что «нелепость придирки т. Гольденберга» им достаточно разоблачена.

Очень ошибаетесь, т. Преображенский! Все Ваши шесть пунктов, в которых Вы разоблачаете «нелепость моей придирки», абсо-

лютно никакого отношения к тому, о чем я писал, и по поводу чего к вам придирался, не имеют. Когда Вы говорите, что нужно помнить, что капитализм не есть социализм, а социализм не есть капитализм, то это, конечно, святая истина, и я клятвенно заверяю т. Преображенского, что даже в самых сумасшедших снах мне не пришло бы в голову ее оспаривать. Я ее отнюдь не оспариваю и в статье «Запоздалый рефлекс». Что, говоря о переходном периоде, надо помнить, от чего к чему он ведет, т.-е. надо помнить, что мы вышли из капитализма и идем к социализму—это тоже святая истина. Настолько святая, что даже немножко смешно становится, когда ее разжевывают по всем правилам диалектического искусства, по пунктам, со ссылками на Маркса и Ленина и т. п. И если бы все дело заключалось в том, чтобы указать, что мы идем от капитализма к социализму, тогда всю теорию советского хозяйства можно было бы легко уместить на одном плакате. Открывать Америки в роде того, что капитализм, социализм—вещи очень разные,—это очень дешево по нынешним временам. Трудность настоящая и настоящий анализ начинается там, где показывается, **как** мы идем от капитализма к социализму, **как** происходит трансформация одной системы производственных отношений в другую. И мы утверждаем, что здесь у т. Преображенского ничего, кроме бесплодной схоластики и прямого непонимания действительных отношений, нет.

Когда т. Преображенский «товарное производство противопоставляет социалистическому плановому хозяйству», то это может быть верно в том смысле, что в законченном социализме господствует план, который представляет собою другой способ регулирования хозяйства и выражает собою другую систему производственных отношений, нежели товарное производство. Истины неоспоримые, но достаточно тощие. У тов. Преображенского, однако, речь идет вовсе не об этом. Речь у него идет вовсе не о противопоставлении двух хозяйственных систем, из которых одна исторически сменяет другую. Речь у него вовсе не идет также о противопоставлении абстрактных категорий. **На самом деле тов. Преображенский сталкивает лбами реально существующие в нашем хозяйстве элементы плана и рынка**, делая стержнем всего анализа борьбу планового начала с товарно-ценностными отношениями, видя в последних ограничение и **только** ограничение для первого. И в этом—грубая ошибка т. Преображенского, так как на данной стадии развития, укрепление планового начала идет не в борьбе **с рынком**, но в борьбе **за рынок**, и сейчас для нас задача **не в ликвидации** рыночных отношений—это как раз и значит безнадежно спутать результат процесса с самим процессом—но **в овладении** ими. Не говоря уже о том, что сплошь и рядом укрепление планового начала требует даже **развития** рыночных отношений, потому что планово овладеть крестьянским, скажем, хозяйством невозможно, не поднимая его товарность, не втягивая его в растущей мере в сферу рыночных связей. Именно в этом и заключалось существо сделанного нами т. Преображенскому возражения. Он же, вместо того, чтобы либо признать свою ошибку, либо ответить по существу, отделывается замечаниями о том, что противопоставлять in Begriff (в понятии) рынка—плану, товара—продукту и т. д.—занятие вполне благочестивое и невинное!

Среди пунктов, посвященных т. Преображенским моей «нелепой придирке», имеется и такой: «Изучение капитализма Маркс построил на анализе капитализма абстрактного, т.-е. по Гольденбергу смешал результат процесса с самим процессом, за что, как известно, подвергался ожесточенным нападкам всего интернационала вульгарных экономистов и обывателей». Читатель, вероятно, с нами согласится, что единственное, что можно понять во всей этой тираде, это уподобление т. Преображенским себя Марксу, а нас—вульгарным экономистам и обывателям, что, разумеется, очень лестно для т. Преображенского, очень нелестно для нас, но уразумению теории переходного периода отнюдь не способствует.

Мы тоже наслышаны о том, что Маркс построил изучение капитализма на анализе капитализма абстрактного. Тов. Преображенский делает вывод, что и изучение переходного периода надо строить на анализе переходного периода абстрактного. Но что это значит—абстрактный переходный период?

В понятие абстрактного капитализма мы влагаем совершенно определенное содержание. Под абстрактным капитализмом мы понимаем такой, в котором все тенденции действительного, эмпирически существующего капитализма берутся как осуществленные. Так, например, в эмпирическом капитализме мы имеем только тенденцию к вымыванию всех промежуточных классов и к распадению всего общества на два класса—буржуазию и пролетариат (плюс землевладельцы). В абстрактном же капитализме, являющемся об'ектом теоретического анализа Маркса, эта тенденция принимается как осуществившаяся. Маркс таким образом абстрагируется от крестьянства, от мелкого производства и т. д. В эмпирическом капитализме существует только тенденция к средней норме прибыли. В абстрактном капитализме эта тенденция берется как реальный факт. И т. д., и т. п.

Если т. Преображенский вкладывает такое содержание в понятие абстрактного переходного периода, то мы можем его поздравить: он «доабстрагировался» до того, что вместе с водой выплеснул из ванны и ребенка. Потому что тенденция развития переходного периода—это социализм. Но если брать эту тенденцию как осуществившуюся, то придется анализировать не переходный период, а самый социализм. Проблема переходного периода, как такового, тогда выпадает совсем.

Нам могут возразить, что это рассуждение приложимо и к капитализму. Ведь основная тенденция капитализма есть его крах. Значит, «абстрактный капитализм» есть такое же выхолащивание проблемы капитализма как такового, как и в случае с «абстрактным переходным периодом». Аналогия здесь, однако, только видимая, и покоится она на очень элементарном недоразумении.

В самом деле, очевидно, что, говоря об абстрактном капитализме, мы доводим до конца такие тенденции его развития, от осуществления которых капитализм не перестает быть капитализмом. Это дает нам в руки в качестве об'екта анализа законченную модель определенной системы производственных отношений, освобожденную от всех и всяких пережитков прошлых общественных формаций. Ясно, что, абстрагируясь от остатков феодализма, цеховщины, мелкого производства и т. д., вы тем самым не выхолащиваете проблему капитализма как такового, но, напротив, освобождаете ее от всякого рода привходящих, и, с точки зрения теоретического анализа капиталистической системы, второстепенных вопросов. Возможно ли, по самому существу дела, проделать такую же операцию над переходным периодом? Достаточно поставить так вопрос, чтобы стала очевидной невозможность другого ответа на него, кроме отрицательного.

Капитализм отделяет от новой системы общественных отношений, которая ему наследует, революционный катаклизм. Экономика переходного периода трансформируется в социалистическую экономику эволюционным путем. Абстрагирование от остатков феодализма, натуральщины, цеховщины, продолжающих существовать в эмпирическом капитализме, отнюдь не упраздняет самой проблемы капитализма как такового. Абстрагирование же от остатков капитализма, мелкого товарного производства, феодализма, натуральщины, как это ясно для всякого, даже не обучавшегося в семинарии, есть абстрагирование от самой переходной экономики, потому что освобожденная от всего этого наследия прошлого переходная экономика есть социализм.

Читатель видит, что звонкая фраза т. Преображенского о том, что «изучение капитализма Маркс построил на анализе капитализма абстрактного, т.-е., по Гольденбергу, смешал результат процесса с самим процессом» есть фраза совершенно бессмысленная,—фраза, значение которой т. Преображенский в лучшем для него случае сам не додумал.

II. Тов. Преображенский теоретизирует.

Однако, всякая теория необходимо включает в себя элементы некоторой абстракции. Известны слова Маркса, что там, где неприменимы микроскоп и химический реактив, приходится пользоваться орудием абстрактного анализа. Без этого орудия невозможно, конечно, и построение теории переходного периода. Посмотрим, как «теоретизирует» при помощи этого орудия тов. Преображенский.

Поставим раньше всего общий вопрос: что значит дать теорию какой-либо общественной формации? Для марксиста это в первую очередь значит следующее: за пестрой мешаниной фактов и процессов, разыгрывающихся на поверхности данного общества, вскрыть то основное производственное отношение, которое является его движущей пружиной. Так, Маркс под фетишистской оболочкой денежного обмена вскрыл основное производственное отношение мелких производителей в обществе, «распавшемся на атомы». За конкуренцией, движением и колебанием цен, перераспределением прибылей он вскрыл основное производственное отношение капиталистического общества: отношение эксплоатации рабочего капиталистом. Точно так же и Ленин не уставал повторять и подчеркивать, что основное производственное отношение переходного периода есть отношение рабочего и крестьянина, двух центральных фигур советского общества.

Вот это основное производственное отношение, классовое отношение пролетариата и крестьянства в переходный период и должна в первую очередь вскрыть теория переходного периода. И мы утверждаем, что в этом основном вопросе теория т. Преображенского обанкротилась полностью.

Начать с того, что **классы** в анализе т. Преображенского вообще отсутствуют. Вместо них у него выступают бестелесные и бессуб'ектные экономические ипостаси: государственное хозяйство и частное хозяйство. Здесь возможно одно из двух:

1) Либо он считает возможным рассматривать отношения хозяйственных форм независимо от **классовых** отношений. Но тогда он совершенно рвет с марксизмом и становится на точку зрения П. Б. Струве, который, как известно, считал необходимым совершенно раздельно рассматривать: а) суб'ективно-хозяйственные явления, б) междухозяйственные отношения и в) социальные отношения [1]). Но в этом случае с т. Преображенским пришлось бы вести спор уж совершенно в другой плоскости; в другой совсем плоскости, потому что он сам же в 1923 году писал, что в области обществоведения все, что не есть марксизм,—не есть наука.

2) Либо т. Преображенский хозяйственные формы рассматривает как представителей отдельных классов, и тогда отношения первых выражают **классовые** отношения. Но тогда позволительно спросить: какой-такой класс имеет в виду т. Преображенский, когда говорит о «частном хозяйстве»?

Все оппоненты т. Преображенского указывали ему, что термин «частное хозяйство» обнимает совершенно **различные** классовые группировки: сюда относятся и концессионер, и нэпман, и кулак, и середняк, и бедняк. Станет ли отрицать т. Преображенский, что классовые отношения господствующего пролетариата с нэпманом или кулаком **в корне другие**, нежели его классовые отношения с середняком или бедняком? Между тем стержнем всего анализа т. Преображенского является противопоставление социалистическому хозяйству частного хозяйства, частного хозяйства, целиком вынесенного за одни скобки, в котором погашены все различия между входящими в него элементами. Что это значит? Содержание «теории» т. Преображенского сводится к тому, что она смазывает, топит в безразличной мгле некоей бессуб'ективной или многосуб'ективной, что одно и то же, экономической ипостаси как раз то производственное отношение, которое должно быть основным, **центральным** об'ектом теории переходного периода: специфическое, классовое отношение пролетариата и крестьянства в переходный период. Оно, правда, очень диалектично получается: «теория», которая заключается в отрицании основной задачи теории; но все же поздравлять т. Преображенского с таким теоретическим достижением не приходится.

Не вскрыв специфическое классовое отношение пролетариата и крестьянства в переходный период, смешав последнее в одну кучу с частным капиталом, т. Преображенский тем самым отрезал себе путь к тому, чтобы дать правильный анализ динамики соотношения социалистического и крестьянского хозяйства. Тов. Преображенский изображает динамику соотношения социалистического хозяйства и крестьянского по образу и подобию динамики соотношения социалистического хозяйства и частнокапиталистического. А эта последняя есть динамика **вытеснения**. Между тем, очевидно, что если это верно по отношению к частнокапиталистическому хозяйству, то абсолютно не правильно по отношению к хозяйству крестьянскому. «Закон первоначального социалистического накопления» т. Преображенского формулирует отношение социалистического хозяйства **ко всем без исключения** элементам частного хозяйства как отношения **вытеснения, отчуждения**. Тем самым он коренным образом искажает основное классовое отношение переходного периода, отношение пролетариата и крестьянства, которое заключается **не в вытеснении, а в руководстве и в перестройке**.

[1]) См. **Струве**, «Хозяйство и цена». М. Издание Рябушинского.

Т. Преображенского очень раздражает, что его «попытка добросовестно продумать условия сохранения и развития нашего государственного хозяйства, снова и снова встречается повторением вздорных обвинений насчет колоний». Que faire, т. Преображенский, faire mo que! как говаривал Салтыков-Щедрин. Марксизм обязывает. Обязывает заниматься не только арифметикой того, что, где и сколько «**технически возможно**» взять, но и учитывать соотношение классовых сил, анализировать характер и динамику классовых отношений. И если вы **не** можете отрицать, **не** можете опровергнуть, что крестьянство у вас смешано в одну кучу с частным капиталом, если вы **не** можете опровергнуть, что по отношению к крестьянству ваш «язык» устанавливает такую же динамику классового отношения пролетариата, как и по отношению к частному капиталу, то как же вы можете называть обвинения насчет «колоний» вздорными? Кто вам поверит?

С таким же успехом т. Преображенский пытается отвести от себя и обвинение в том, что у него все построено на вытеснении крестьянского хозяйства, и нет ничего об его перерастании в кооперативно-социалистические формы. «Неужели же неясно,—восклицает он,—что перерождение низших экономических форм в высшие, например, производственное кооперирование крестьянского хозяйства при поддержке государственной промышленности, есть продукт борьбы социалистического города со средневековой экономикой деревни». Вообще-то говоря, это очень ясно, но в устах т. Преображенского это является простым терминологическим трюком. «Борьба,—говорит он дальше,—включает в себя целую гамму отношений: и вытеснение одних форм другими, и подчинение одних форм другим, и перерождение низших форм в высшие». Вот в том-то и дело, вот здесь-то, т. Преображенский, и зарыта собака! В том-то и дело, что борьба включает в себя целую **гамму** отношений, между тем как ваш «закон» первоначального социалистического накопления из этой **гаммы** выхватывает только одну **ноту**, ногу вытеснения, и ее, **именно ее**, об'являет «основным» и «центральным» для всей нашей экономики.

Мы думаем, что нет надобности в тысячу и первый раз цитировать формулировку т. Преображенским своего закона «первоначального социалистического накопления». Он и без того набил уже всем оскомину. Читатель помнит, конечно, что он заключается в центральной роли, которую в переходный период играет **отчуждение** [1]), перекачка из «частного хозяйства в социали-

[1]) В первоначальном варианте «эксплоатация».

стического». Существо закона, следовательно, заключается в том, что частнохозяйственное накопление—и нэпманское, и крестьянское в равной мере—расценивается как об'екты отчуждения, как источники перекачки и только. Между тем, если бы т. Преображенский всерьез говорил о «перерождении низших форм в высшие», то он должен бы признать, что крестьянское накопление, в отличие от нэпманского—отличие которое т. Преображенский даже не пытается установить—является не только и не столько об'ектом отчуждения, но и базой для «перерождения низших форм в высшие» на кооперативном пути. Но что осталось бы тогда от основного «закона» т. Преображенского? Если же т. Преображенский, не отказываясь от своего «закона», пытается отделаться от критики ссылкою на то, что «борьба включает в себя целую гамму отношений», то мы утверждаем, что это простой терминологический трюк, и ничего больше.

III. Тов. Преображенский уличает.

«Тов. Гольденберг ходит возле да около вопроса о неэквивалентном обмене социалистической промышленности с мелким производством и, критикуя в этом пункте мою постановку вопроса, как будто (!) высказывается за эквивалентный обмен... Я предлагаю т. Гольденбергу и другим моим критикам сказать определенно, что собственно они защищают в этом пункте. При чем, если они выскажутся за эквивалентный обмен, к чему они в той или иной мере склоняются, то я обязуюсь показать, что они либо проявляют экономическую неграмотность, либо в данном пункте разрывают с марксизмом, переходя на позицию мелкого буржуазного народничества».

Итак, мы склоняемся к эквивалентному обмену, по каковому поводу т. Преображенский нас уличает «либо в экономической неграмотности», «либо в разрыве с марксизмом». Как же обстоит дело в действительности?

А в действительности такая постановка вопроса об эквивалентном обмене, какую дает т. Преображенский, есть постановка совершенно метафизическая. Элементарно, что капитализм не знает эквивалентного обмена между промышленностью и сельским хозяйствам. Основная тому причина—несравненно более низкий органический состав капитала в сельском хозяйстве, нежели в промышленности. Сюда необходимо еще присоединить влияние целого ряда привходящих, исторически-обусловленных факторов: чудовищная самоэксплоатация крестьянства, к которой его толкает борьба за место под луной с крупным землевладением, «неслыханная дешевка» [1]), по которой продавала свой хлеб Америка и т. п. У нас, в России, все это усугубляется крайней отсталостью нашего сельского хозяйства, недостаточным развитием нашей промышленности, острым аграрным перенаселением. Думать, что одним махом можно уничтожать все это наследие прошлого, думать, что одним ударом можно устранить все те причины, которые делали неизбежным неэквивалентный обмен между городом и деревней,—думать это было бы такой же чудовищной глупостью, как, скажем, думать, что можно одним

[1]) Выражение Норса, автора книги «Американское сельское хозяйство и европейский рынок».

махом упразднить унаследованную нами от царского режима диспропорцию промышленности и сельского хозяйства. В этой глупости мы отнюдь не повинны, и если т. Преображенскому кажется обратное, то мы должны поспешить его разочаровать: это очень, может быть, приятный, но все же не более как самообман.

Неэквивалентность налицо, и в один год, или в пять лет, ее, конечно, не устранить. Основная предпосылка ее устранения—это укрепление и технический прогресс сельского хозяйства. Но не в этом суть спора с т. Преображенским. Спор идет о динамике отношений, о тенденции развития. Спор идет о том, имеем ли мы тенденцию усугубления и увеличения неэквивалентности обмена города и деревни, на чем настаивает т. Преображенский, или, напротив, постепенного ее сглаживания и устранения, о чем писал и на чем всегда настаивал т. Ленин. Hic Rhodus, hic salta!

Тов. Преображенский «уличает» нас в том, что, ссылаясь на пятилетний перспективный план Госплана, который предусматривает вложение в основной капитал нашей промышленности в ближайшее пятилетие 4.950 миллионов рублей, из которых 4,4 миллиарда даст сама промышленность, мы «забыли сказать, что все это будет осуществлено при ценах более высоких, чем цены мирового рынка». Обличительный азарт, однако, сыграл здесь с т. Преображенским поистине скверную шутку. Цены у нас, действительно, будут выше, чем на мировом рынке, но с точки зрения тенденции развития,—а только о ней и идет речь—важно другое: важно то, что этот же пятилетний план предвидит снижение промышленных цен, приблизительно на 20%, а сельско-хозяйственных только на 6%. И точно так же, как нельзя доказать, что 20 меньше 6, точно так же нельзя доказать и того, что мы имеем усугубление неэквивалетности обмена, а не ее постепенное сглаживание.

Вопрос о характере обмена между городом и деревней есть лишь часть общего вопроса о распределении между ними материальных ресурсов всего народного хозяйства в целом. И здесь опять-таки спор не идет, и не может идти о том, что мы берем, и долго еще будем брать у крестьянства часть его накопления на нужды промышленности, транспорта. Спор о другом: во-первых, о мере этого из'ятия и, во-вторых, об его динамике.

Что касается первого, то совершенно ясно, что если у т. Преображенского по отношению к крестьянскому накоплению такая же установка, что и по отношению к накоплению нэпманскому, если он в нем видит только об'ект отчуждения и ничего больше—то у него будет своя мера этого из'ятия. Но это не будет наша мера, поскольку для нас крестьянское накопление и накопление нэпманско-кулацкое—вещи разные, поскольку мы рассматриваем крестьянское накопление не только и не столько как об'ект отчуждения, но и как базу кооперативно-социалистической перестройки деревни.

Другой вопрос, вопрос о динамике из'ятия, есть вопрос о том, будет ли мера из'ятия становиться в дальнейшем относительно больше или меньше? И здесь мы вынуждены повторить то, что писали уже в прошлой статье [1]). Мы считаем,

[1]) «Большевик» № 11, „Вопросы экономического курса".

что чем ближе мы будем к социализму, чем сильнее будет наша промышленность, чем насыщеннее будут наши командные высоты, с одной стороны, и чем шире будет кооперировано крестьянство, чем выше будет технический и организационный уровень его хозяйства, тем **меньше** относительно будет и т. н. «перекачка».

Точка зрения т. Преображенского в этом вопросе диаметрально противоположна, и не может быть другой. Мы видели уже, что закон первоначального социалистического накопления формулирует отношение социалистического хозяйства к несоциалистическим формам, как отношение вытеснения, и только (каковы бы ни были словесные увертки т. Преображенского). Ясно, с этой точки зрения, чем ближе к социализму, тем интенсивнее должен итти процесс вытеснения, т.-е. процесс перекачки, изъятия крестьянского накопления в пользу социалистического сектора. Ведь с этой же точки зрения, стопроцентный социализм есть не стопроцентная перестройка крестьянского хозяйства, но его стопроцентное вытеснение, т.-е. перекачка, доведенная до той грани, дальше которой ее продолжать нельзя, потому что неоткуда и не из чего.

Тов. Преображенский сам пишет в своей «Новой экономике»: «Линия экономической политики (пролетарского государства), реальные результаты, достигаемые в хозяйственной области, пролегают не по линии оптимума закона первоначального социалистического накопления, а по линии некоторой равнодействующей, складывающейся в результате данного соотношения сил между социалистическими тенденциями и встречаемыми на их пути противодействующими влияниями».

Что это значит? Это значит, что чем больше соотношение сил будет меняться в нашу пользу, тем ближе будет равнодействующая экономической политики к «оптимуму закона первоначального социалистического накопления», или иными словами, чем ближе мы будем к социализму, тем больше и сильнее будет перекачка!

Такой вывод может хоть кого огорошить, но мы утверждаем, что он является совершенно необходимым звеном в общей цепи рассуждений т. Преображенского, что он является естественным и неизбежным увенчанием всей его теории переходного периода, которая основное классовое отношение советского хозяйства изображает как отношение вытеснения. Пусть т. Преображенский попробует дать какое-либо другое толкование приведенной цитате из его книги. Здесь не могут уже помочь никакие словесные увертки и словесные признания, потому что, если слово «борьба» и «включает в себя целую гамму отношений», то уж «закон» да еще «оптимум закона первоначального социалистического накопления» никаким спектроскопом не разложишь: он достаточно однозначен, и эта его однозначная идея есть идея вытеснения.

Быть может, т. Преображенский нам возразит, что приближение к оптимуму закона первоначального социалистического накопления, т.-е. относительный рост перекачки, будет иметь место только в эпоху **первоначального** социалистического накопления, и прекратится в эпоху «нормального» социалистического накопления? Но как найти конец начала конца? Где кончается одна эпоха, и где начинается другая? К тому же, вопрос о том, как будет обстоять дело в эпоху собственно-социалистического накопления, нас в настоящий момент и в данной связи не интересует. Ведь согласно терминологии т. Преображенского, социалистическое накопление тем отличается от первоначального социалистического накопления, что первое идет за счет прибавочного продукта, произведенного в самом социалистическом секторе, между тем как первоначальное социалистическое накопление идет за счет перекачки из частнохозяйственного сектора. Согласно этой терминологии, эпоха первоначального социалистического накопления есть эпоха, когда центральную роль играет второй метод, метод перекачки. Очевидно, что переход из одной эпохи в другую, по т. Преображенскому, возможен лишь тогда, когда **преобладающая** часть народного хозяйства уже переведена тем или иным способом—мы все-таки надеемся, что это будет делаться **не** по способу т. Преображенского—на социалистические рельсы. Иными словами тогда, когда крестьянство в своей преобладающей части уже будет включено в систему социалистического хозяйства, и как **самостоятельный, особый класс** перестанет играть серьезную роль. Но ведь эта эпоха вообще уже выходит за те временные рамки, которые должна охватить теория переходной экономики, потому что задача последней как раз в том и заключается, чтобы показать, **как** произойдет включение в социалистическую систему крестьянства в его преобладающей части.

Таким образом, собственно переходный период у т. Преображенского соответствует именно эпохе **первоначального** социалистического накопления. И значит в рамках собственно-переходного периода, пока мы не совершим «скачок из царства необходимости в царство свободы», мы с неуклонностью магнита будем приближаться к оптимуму первоначального накопления, в непрестанно растущей мере будем «отчуждать» крестьянское накопление, в арифметической,—а если судьба будет к нам благосклонна—и в геометрической прогрессии будем усиливать перекачку из деревни в город. Такова «теория» и таков «прогноз» т. Преображенского!

IV. Тов. Преображенский обосновывает «экспериментально».

Тов. Преображенский предлагает своим критикам ответить на девять вопросов, заключающих в себе вполне общеизвестные и общепринятые положения. На все девять «верно ли?» т. Преображенского мы охотно ответим девять раз: «верно». Но все эти девять «верно ли?» т. Преображенского, как в этом легко убедится читатель, прочитавший соответственные страницы его статьи, не дают ни одного «верно» для его теории новой экономики. Но из девяти поставленных им вопросов, нам в данной связи необходимо несколько подробнее остановиться на одном.

«Верно ли,—спрашивает тов. Преображенский,—что в экономически отсталой стране с социалистическим режимом, не знающей пока импорта капитала и вынужденной бороться со всем буржуазным миром, темп внутреннего накопления неизбежно должен итти несравненно быстрее, чем в любой капиталистической стране при данном уровне развития производительных сил?»

Совершенно верно, т. Преображенский! И не только должен итти несравненно быстрее, но и фактически **идет** несравненно

быстрее. Но почему он идет и будет итти таким исключительным темпом, этого вы не понимаете, и не можете понять, пока действительные отношения будут для вас закрываться вашим «законом первоначального накопления».

Прирост основного капитала нашей промышленности за 1925—26 год составит 9,5%. В среднем, за ближайшее пятилетие, по отнюдь не преувеличенным подсчетам Госплана он будет составлять 10,5% в год. Между тем в довоенной России годовой прирост основного капитала промышленности составлял 6,4%, в Соед. Штатах С. А.—перед войной 6,5%, а годовой прирост основного капитала высокоиндустриальных западно-европейских стран перед войной Кассель исчисляет в 3—3,5 процента. Темп промышленного роста у нас, таким образом, такой, какого не знала ни одна капиталистическая страна. Почему это возможно?

Тов. Преображенский начинает считать «по пальцам»: «монополия внешней торговли, социалистический протекционизм, жесткий план импорта, неэквивалентный обмен с частным хозяйством». «Все это,—говорит он дальше,—на базе единого государственного хозяйства пролетариата и есть внешние инструменты, внешние проявления закона первоначального социалистического накопления. В борьбе этого последнего закона с законом ценности мы достигаем такого распределения прибавочного продукта страны..., которое создает предпосылки расширенного социалистического воспроизводства». Читатель, однако, легко заметит, что во всем том, что «по пальцам» перечислил т. Преображенский, нет ничего специфически свойственного советскому хозяйству, что могло бы об'яснить специфический темп его роста. Если у нас социалистический протекционизм, то капиталистические страны умели очень не плохо пользоваться орудием капиталистического протекционизма. Что касается «неэквивалентного обмена», то лишь злейший, и к тому же совершенно недобросовестный, враг Советской России скажет, что мы берем у деревни больше, чем брали капиталист и помещик. Значит, специфический темп роста нашей социалистической промышленности об'яснить действием «инструментов, закона первоначального социалистического накопления», которые «в борьбе с законом ценности... и пр. и пр.»—нельзя. Дело не в этом.

В работе тов. Струмилина «К проблеме капиталов в СССР» мы читаем: «Даже без прилива капиталов из-за границы русская промышленность могла бы умножать свои фонды ежегодно не на 7,2% в год, а даже по полуторной или даже вдвое более высокой норме. И это вполне понятно, ибо буржуазия никогда не отличалась монашеским аскетизмом... Она едва ли много более половины своих прибылей посвящала производственному накоплению, все же остальное проедала, пропивала и вообще обращала на обслуживание своего класса и его прихлебателей» [1]).

Полная ликвидация непроизводительного потребления основной группы буржуазии—вот главная причина, об'ясняющая специфические возможности быстрого темпа роста нашей промышленности. «Инструменты» перекачки, которые по т. Преображенскому должны играть «основную» и «центральную» роль, оказывается, в решении основного вопроса, вопроса о темпе, играют вовсе не «основную» и вовсе не «центральную» роль. Тов. Преображенский! Слона-то Вы и не приметили!

Тов. Преображенский ссылается как на экспериментальное доказательство того, что мы сейчас недостаточно «перекачиваем», на товарный голод. Что собственно должен означать сей аргумент? Хочет ли тов. Преображенский этим сказать, что товарный голод есть результат отставания нашей промышленности от сельского хозяйства? Это будет заведомая неправда. С 1922—1923 года валовая продукция сельского хозяйства возросла на 32—35%, а валовая продукция промышленности более чем на 270%. Если же, несмотря на этот чрезвычайно быстрый рост промышленности, рост несравненно более быстрый, чем сельского хозяйства, мы имеем усиление товарного голода, то это—как ни парадоксально это звучит для поверхностного наблюдателя—является оборотной и на определенный период неизбежной стороной индустриализации. Рост промышленности идет теперь не только и не столько за счет производства средств потребления, могущих обслужить крестьянский рынок, сколько за счет производства средств производства, которые свой эффект в сфере оборота между городом и деревней дадут лишь через несколько лет. В настоящем году прирост производства средств производства относится к приросту средств потребления приблизительно, как 43 и 32, в будущем году—как 24 и 12. Естественно поэтому, что насыщение крестьянского рынка по самому существу дела не может итти тем же темпом, что и развертывание промышленности, и никакая, даже самая чудовищная, перекачка этого обстоятельства устранить не может. От неизбежного на известный период недонасыщения крестьянского рынка непосредственно умозаключать к недостаточному темпу развития промышленности, или к ее отставанию от сельского хозяйства нельзя. Это очень грубая и очень элементарная ошибка.

Надо помнить, что в конечном счете причина товарного голода коренится в унаследованной нами от царской России диспропорции промышленности и сельского хозяйства. Конечно, если бы мы унаследовали другое соотношение продукции города и деревни, у нас бы не было товарного голода. Но разве не смешно, когда тов. Преображенский товарный голод, причина которого коренится в веками складывавшихся отношениях русской промышленности и русской деревни, с одной стороны, и в самых основных, неустранимых особенностях новой, теперь наступившей полосы промышленного строительства, в необходимости расширять и создавать новый основной капитал,—когда отсюда возникший товарный голод т. Преображенский об'ясняет недостаточной перекачкой в последние два-три года!

Тов. Преображенский! Позвольте нам кончить словами, с которыми, надеемся, согласитесь и Вы: думать, что в 2—3 года самой бешеной перекачкой можно ликвидировать диспропорцию и предупредить товарный голод, это глупость такая же чудовищная, как думать, что в 2—3 года при самых лучших намерениях можно ликвидировать неэквивалентность в обмене города и деревни. Но если это так, то не ссылайтесь, пожалуйста, на товарный голод, как на «экспериментальное» доказательство Вашей правоты с таким видом, как будто Вы располагали рецептом предупредить его наступление или ослабить его остроту!

---

[1]) «Плановое Хозяйство», 1925 г., № 2, стр. 44.

ПО СТРАНИЦАМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ.

(«Die Gesellschaft» и «Socialistische Monatshefte»).

Журнал «Die Gesellschaft» призван, очевидно, играть ту же роль, что и покойный журнал «Neue Zeit», редактировавшийся Каутским. Этот журнал, по сути дела, является центральным теоретическим органом немецкой социал-демократии, долженствующим, как кажется ее вождям, неуклонно блюсти заветы марксизма. Однако, влияние этого журнала выходит далеко за рамки германской социал-демократии. Поистине каждая книжка «Die Gesellschaft» больше, чем какой-либо иной оппортунистический журнал, является настольным пособием социал-реформистов самых различных национальностей.

Поскольку рецензируемый журнал пользуется несомненным влиянием, постольку на страницах нашего журнала небезынтересно разобрать парочку последних его номеров с тем, чтобы дать читателю представление об этом, чуть ли не самом влиятельном, социал-демократическом журнале, редактируемом виднейшим лидером международного реформизма—Рудольфом Гильфердингом.

Останавливаться на всех статьях, напечатанных в лежащих перед нами двух книжках «Die Gesellschaft», в рамках журнальной рецензии не придется. Остановимся лишь на некоторых из них.

Несомненно, особый интерес вызывает отношение журнала к всеобщей забастовке в Англии и к стачке горнорабочих.

Обратимся к статье В. Брелсфорда «Всеобщая забастовка в Англии».

Брелсфорд приемлет предложения комиссии Самуэля. Стоит привести сравнительно длинную выдержку, чтобы показать как сей левый социалист защищает интересы английских горняков. «При холодном расчете, если страсть к борьбе у рабочих невелика, умный вождь мог бы на этой основе (т.-е. на основе предложения комиссии Самуэля. *Д. В.*) достигнуть соглашения. В Англии трудно, если королевская комиссия опубликовала свой отчет, выхватывать своеволью (willkürlich) из ее предложений отдельные пункты.

У горнорабочих была бы несколько понижена зарплата, но со временем реформа принесла бы выгоды. В конце концов нельзя же оспаривать, что угольная промышленность стояла перед банкротством. Действительное мнение Генерального совета также склонялось к тому, что горняки должны принять доклад комиссии в целом, если бы им было гарантировано скорое и честное проведение реформы, даже если бы принятие отчета Самуэля повлекло незначительное понижение зарплаты... Генеральный совет весьма старался склонить горнорабочих к согласию на некоторое понижение заработной платы»...

Брелсфорд целиком и полностью согласен с предложениями Самуэля, ибо-де не согласиться никак нельзя. В Англии с отчетом королевской комиссии надо обязательно согласиться. Такая уж это верноподданная страна. А если горнорабочие не согласились, то это, очевидно, мелочь, о которой и говорить не стоит. Мы не будем следовать за

рассказом Брелсфорда о ходе стачки. Автор в этом отношении нам не даст ничего интересного: мы и без него знаем, что массы вели себя великолепно, а Генеральный совет, состоя сплошь из оппортунистов, оказался далеко не на высоте положения, и сыграл об'ективно предательскую роль.

Посмотрим лучше, что думает Брелсфорд об у р о к а х великой стачки. По мнению Брелсфорда, несомненной ошибкой была забастовка в типографиях газет. Он пишет по этому поводу следующее: «Я очень сомневаюсь, было ли умно привести к молчанию печать. Стачка была экономической стачкой (wirtschaftstreit) в большом масштабе, и при каждой индустриальной стачке в Англии общественное мнение является важным, а часто и решающим фактором».

Поэтому революционные рабочие допустили, по мнению Брелсфорда, ошибку, прекратив печатание буржуазных газет. Да и не к чему их было прекращать печатать, когда, по мнению Брелсфорда, либеральная пресса была настроена сочувственно по отношению к горнякам «и даже консервативная печать была далека от поддержки шахтовладельцев». Бедные невинно пострадавшие консерваторы! Ведь консерваторы Нью-Кестля были за соглашение с горнорабочими, а тут прекратили выход их газет. И какое дело Брелсфорду до того, что консервативная партия в целом и ее правительство п р о в о ц и р о в а л о стачку, когда нью-кестльские консерваторы были склонны итти на компромисс. Брелсфорд ни слова не говорит о провокационном поведении правительства и изображает консерваторов «порядочными людьми». Поистине позиция, достойная «левого» социалиста!

Какие же еще уроки дала стачка, по мнению Брелсфорда, английскому пролетариату? Вот какие: «Нельзя ввязываться в борьбу под руководством вождей, которые не верят в цель, которая должна быть достигнута». В этом утверждении Брелсфорд, понятно, совершенно прав. Можно полагать, что английский пролетариат в результате неудачной стачки выдвинет вождей, более соответствующих запросам эпохи. Но мистер Брелсфорд в числе вождей английского пролетариата в момент решающей борьбы не будет. Это можно утверждать определенно, ибо он сам заявляет, что он «лично никогда не высказывался в пользу всеобщей стачки»... ибо он считает, что всеобщая стачка «в качестве орудия защиты полезнее, чем в качестве орудия нападения».

Он совершенно не понимает, что в известных условиях всеобщая стачка есть именно орудие нападения, как то показали гигантские стачки в России в 1905 г., перед 1917 г., и в Германии в 1918 г. Он не понимает, что залогом успеха всеобщей забастовки является п о л и т и ч е с к а я з р е л о с т ь пролетариата, чего в данном случае, в чем не мало виноваты Брелсфорды и комп., не было.

Итак, мистер Брелсфорд, исходя из учета опыта английской всеобщей стачки, дает такой урок пролетариату: всеобщая стачка вообще очень опасная штука и, боже упаси, пользоваться ею в качестве орудия нападения—никак нельзя! Этим самым сей «левый» социалист показал, что он в уроках стачки вообще ничего не понял.

* * *

Читатель видел, какие глубокомысленные статьи печатаются в органе Гильфердинга об английской стачке, о кризисе угля. Посмотрим теперь, что печатается в сем журнале, ну хотя бы, о современной колониальной политике.

В июльской книжке журнала напечатана статья Морица Билески «Колониальная политика Лиги Наций». К ней мы и обратимся. Автор является

апологетом Лиги Наций в целом и в частности ее мандатной комиссии, т.-е. органа, ведающего распределением мандатов на колонии. По мнению автора, колониальная политика под влиянием мандатной комиссии модернизируется. «Модернизация заключается в утверждении прогрессивного, цивилизаторского духа в практике колониальной политики». Правда, читатель не много знает фактов из области прогрессивного, цивилизаторского отношения «великих держав» к колониям. Но он, очевидно, не знает и того, что в основу современной колониальной политики положена «мысль о заботе страны, владеющей мандатом, над страной, на которую ей дан мандат».

Автор считает, что «в понятии заботы о мандатной стране (попросту говоря—колонии) особое значение имеет забота о туземцах». Однако, по мнению М. Билески, нельзя ограничиться только заботами о туземцах. Нужно отечески заботиться обо всех жителях колонии, а значит и об европейцах. Отсюда читатель видит, сколь велико любвеобилие мандатной комиссии Лиги Наций и ее апологета Морица Билески.

У неискушенного в международном праве читателя естественно возникает вопрос: но какая же по существу разница между угнетаемыми колониями и мандатными странами? Мориц Билески сейчас нам раз'яснит сию разницу.

Оказывается, что «на поприще колониальной политики Лига Наций проделала большую работу. Мандаты отчетливо разнятся от старых форм колониальных предприятий, они не представляют собой замаскированных аннексий! «Мандатная комиссия придерживается реальной политики. Ее члены не утописты. Они великолепно понимают, что мандатной комиссии не подобает разыгрывать по отношению к великим державам роль учителя, ибо «это было бы, особенно при господстве принципа суверинитета, политически трудной позицией».

Итак, картина ясна: комиссия проводит в своей политике принципы морали и нравственности, опекая одинаково и европейцев и негров, и краснокожих. Однако, комиссия не настолько глупа, чтобы не считаться с мнением держав, которые понятно не пожертвуют своим суверенитетом.

М. Билески—апологет Лиги Наций. Отображая мнение II Интернационала, он видит в Лиге Наций мощное орудие мира. Более того: он прикрывает ученой фразеологией величайшие мерзости, происходящие под «мирным» стягом мандатной комиссии, и тем самым играет на руку империалистам.

Не уступает в апологетике империализма Билески и Войтинский, суждения которого имеют несомненный интерес, ибо Войтинский, очевидно, является присяжным экономистом II Интернационала.

Войтинский в статье «Угольный или мировой хозяйственный кризис» заявляет, что «социализация английской угольной промышленности будет не только шагом к высшим экономическим формам, но и мостом через канал», ибо тогда-де Англия будет вынуждена активно заняться европейскими делами, т. к. основные рынки сбыта английского угля находятся в Европе. Однако автор ни слова не говорит о том, какая это Англия должна будет заняться европейскими делами. Консервативная Англия ведь и так достаточно ими занимается, и пока-что ничего путного из сего занятия не выходит.

Европа больна. Нужно ее лечить. Войтинский выступает в роли врача и рекомендует следующий рецепт лечения Европы, который вместе с тем радикально вылечит угольную промышленность Англии и осчастливит горнорабочих. Он пишет: «Европа должна, когда она изживет свою разобщенность и проникнется демократическим духом по отношению к народам другой культуры, перейти к культурно-хозяйственной работе

в странах с цветным народонаселением—эта работа потребует не пороха и крови, а много угля, железа и стали».

Вот вам и рецепт излечения Европы. Очевидно, бедной Европе нужно взяться за культуртрегерство в колониях—и все раны заживут.

Политически мнение Войтинского просто смешно, ибо капиталистическая Европа на мирную культурную работу в колониях неспособна. Между тем, Войтинский ни словом не обмолвливается о том, что действительно культурной работы в колониях можно ожидать не прежде, чем в Европе восторжествует социализм. Политический смысл надежд Войтинского сводится не к чему иному, как к поддержке современной колониальной политики. Экономически же программа Войтинского реакционна с начала до конца.

В своих статьях, помещенных в прошлых номерах «Die Gesellschaft» он развивал мысль о необходимости организации Соединенных Штатов буржуазно-демократической Европы в целях борьбы с внедрением капитала Соедин. Штатов в Европу. Не говоря о том, что подобного рода план является утопическим, он просто-напросто реакционен, ибо игнорирует основную задачу пролетариата—организовать социалистическое хозяйство у себя в стране. Войтинский абсолютно не понимает, что единственно реальным лозунгом является лозунг Соединенных Штатов социалистической Европы, а отнюдь не буржуазно-демократической.

Говоря же о необходимости культуртрегерства буржуазной Европы в колониях, видя в этом спасение Европы, Войтинский играет на руку империалистам и больше никому.

Позицию Билески, Войтинского и всего журнала иначе как откровенно-империалистической назвать нельзя.

* * *

Для дополнительной характеристики марксистской чистоты рецензируемого журнала остановимся несколько на статье Карла Мюллера «Цель воспитания в Англии после войны» (июльский номер).

По мнению автора, «цель воспитания в данной стране обусловливается различными характерами и общими условиями жизни народов». Не правда ли от этой фразы дышит марксизмом? Мы до сих пор думаем, что характер воспитания, характер учебных заведений прежде всего определяется фактом господства определенного класса, а оказывается определяющим в этом отношении фактором является национальный характер». Какой стариной веет от этого термина! Ведь в былые времена, в 40-х годах прошлого века, мудрецы исторической школы политической экономии, Решер и Гильдебрандт, апеллировали к национальному характеру немцев, доказывая, что законы классической политической экономии применимы могут быть для Англии, но никак не для такой самобытной страны, как Германия. И как жестоко смеялся Маркс по поводу никчемных разглагольствований о «национальном характере»! А в 1926 г. в «марксистском» журнале «Die Gesellschaft» печатается глубокомысленная статья, в основу коей именно и положено совершенно пустое понятие национального характера.

Автор в восторге от системы воспитания в Англии. По его мнению, в Англии воспитываются люди, проникнутые величайшим уважением к своей родине и своему народу. Эти люди, как пишет автор, понимают международное положение Англии, они понимают, что «Англия вступит в близкие отношения с другими народами путем связи с более отсталыми нациями, путем утверждения международного сотрудничества в области естественных наук, медицины, законодательства, торговли, искусств и, прежде всего, путем гарантии мира от войны».

Сам автор, однако, не понимает, что воспитание молодежи в духе национализма на руку буржуазии, ибо этим самым буржуазия по мере сил пытается нейтрализовать все растущий интернационализм пролетариата. Таков социальный смысл воспитания в духе «национального характера», апологетом чего является автор.

Мы видим, что и в этом случае автор не менее далек от марксизма, чем авторы статей, на которых мы уже останавливались.

* * *

Ограничимся в нашей рецензии оценкой лишь выше поименованных статей.

Мы не можем в рамках журнальной рецензии останавливаться на всех статьях, помещенных в июньском и июльском номерах «Die Gesellschaft»; да это было бы и бесполезно для наших целей.

Мы выхватили из этих номеров «Die Gesellschaft» несколько статей, относящихся к различным областям действительности, и постарались выяснить политическую тенденцию их с целью дать общую политическую характеристику журнала.

«Die Gesellschaft», один из влиятельнейших социал-демократических журналов, редактируемый самим Гильфердингом, ничего общего с марксизмом не имеет, и об'ективная функция его заключается в проведении в среду пролетариата идей, глубоко враждебных рабочему движению. Журнал «Die Gesellschaft»—по мысли Гильфердинга—должен быть международным обозрением социализма. На самом деле этот журнал—международное обозрение оппортунизма и социал-шовинизма.

* * *

Расстанемся теперь с «Die Gesellschaft» и обратимся к другому, весьма влиятельному органу германской социал-демократии «Socialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). Если гильфердинговский журнал «Die Gesellschaft» претендует на марксистскую ортодоксию, что, между прочим, как мы видели выше, никоим образом к числу обоснованных претензий не относится, то журнал «Socialistische Monatshefte» является откровеннейшим органом социал-шовинизма и оппортунизма.

Однако, было бы ошибочно усматривать какую-либо принципиальную разницу между этими двумя журналами: «Social. Monatshefte» только с большей логичностью развивает те самые положения, которые, правда, подчас с некоторой стыдливостью, преподносятся в «Die Gesellschaft». В этом нетрудно убедиться на примере статьи Макса Шиппеля «Трагедия английской всеобщей стачки», помещенной в июньском номере «Social. Monatshefte».

Макс Шиппель, подобно Брелсфорду, относится отрицательно к всеобщей забастовке. Он называет ее «величайшей катастрофой, постигшей английское рабочее движение». Катастрофой же всеобщая забастовка была потому, что самим «английским рабочим кругам было весьма сомнительно—возможно ли вылечить угольную промышленность без жертв со стороны занятых в этой промышленности рабочих». По мнению М. Шиппеля, ошибочно полагать, что жертвы несли только рабочие. Ведь несчастные капиталисты тоже несли жертвы. Значит, стоило лишь горнорабочим совместно с бедняками-шахтовладельцами смиренно нести крест свой—и никакой забастовки не было бы, угольная промышленность излечилась бы от всех своих «болестей». А раз жертвы нужны, так к чему было бастовать? В такой обстановке забастовка является-де бессмысленной, ибо ни к каким положительным результатам привести не может тем более, что мудрому Максу Шиппелю это было ясно с первого же дня забастовки.

Борьба шла бессмысленно. И при всем этом бастующие допустили серьезнейшую ошибку, закрыв буржуазные газеты, ибо этим самым «враги получили в свои руки опаснейшее оружие» против забастовки. Читатель видит, что правый социал-демократ Шиппель как будто сговорился с «левым» социалистом Брелсфордом! Но Макс Шиппель циничен, чего нельзя все же сказать о Брэлсфорде. Оказывается, что социальные конфликты в Англии не дошли бы до такой остроты, если бы... (вы догадываетесь, читатель, в чем дело?) если бы не пагубное влияние Москвы.

В былые времена Щедрин вкладывал в уста какому-то бюрократу фразу: «Во всем интернационалка виновата!» А Макс Шиппель вопит: «Во всем Москва виновата».

Посудите сами: «чем сдержаннее до последнего момента оставались эти спокойные и проницательные элементы (т.-е. Томас и комп. *Д. В.*), тем более нравилась подготовка невообразимой и неожиданной борьбы тем членам Генерального совета, которые, подобно Бен-Тиллету и Бромлею, после московской поездки трэд-юнионов не могли удовлетвориться мягкой, тихой классовой борьбой, свойственной английской действительности».

Макс Шиппель напрасно взваливает вину на Бен-Тиллета и Бромлея; напрасно он их изображает любителями «широких жестов». Ни тот, ни другой совершенно не использовал в своей борьбе опыт российского профдвижения. В этом отношении их ругать нечего. Они чисты, как агнцы, по части классовой борьбы. Они хотели ее вести «мягко и тихо», а рабочая масса совсем не хотела вести ее такими нежными методами. Стачка провалилась именно благодаря устарелости взглядов вождей тред-юнионов по меньшей мере на столетие. Мы берем под свою защиту Бен-Тиллета и Бромлея, не сердитесь, г-н Макс Шиппель:—они в Москве, к нашему прискорбию, ничему не научились.

Теперь, надеемся, читатель видит позицию г-д Шиппелей: они боятся борьбы пролетариата с буржуазией, они оплевывают героических шахтеров; наконец, они повторяют басни Биркенхедов и Хиксов о тайных интригах Москвы в Лондоне. Позиция на редкость ясная, но только не новая.

* * *

Теперь несколько слов о статье «Немецко-французское сотрудничество» другого присяжного журналиста этого журнала—Людвига Кесселя.

Автор глубоко убежден, что ни Америка, ни Англия ни капельки не заинтересованы в восстановлении экономической мощи европейского континента. Опыт показывает, что «ни Великобритания, ни Америка не желают оздоровления континента».

Коварный Альбион плюс Россия—вот силы, не дающие покоя Европе. И Квессель с восторгом цитирует статью из «Temps» об'ясняющую выступление Абд-Эль-Керима происками «большевистских агитаторов».

Спасение Европы в сближении Германии и Франции. Тогда Европе будет обеспечен мир и хозяйственное процветание, ибо тогда-де ни Америка, ни Англия не будут страшны. Квессель полагает, что разговоры о сотрудничестве с Россией ни к каким реальным результатам привести не могут. Представителем совершенно реальных и плодотворных воззрений, по его мнению, является «способнейший генерал» Гофман, который во время войны находился тоже в оппозиции к Людендорфу, являющийся теперь сторонником германо-французского сближения.

Русскому читателю сия фамилия знакома. Уж не тот ли это генерал Гофман, который заключал с нами от имени правительства Вильгельма

Гогенцоллерна Брестский мир? Не тот ли это чистейшей воды солдафон, зоологически ненавидевший революцию?

Вот кто служит примером для господ Квесселей. Это и понятно: лакей любит подражать своему господину.

* * *

Журнал «Socialistische Monatshefte» занят не только проблемами политики. Он занят также и вопросами культуры, примером чего может служить статья Рафаэля Зеликмана «О религии будущего», напечатанная в майском номере журнала. Скажем по совести: большую галиматью разыскать трудно. Добрые две трети своей статьи автор посвящает истории религиозного сознания, при чем с особым восторгом подчеркивает полную негодность принципов эпохи просвещения. Рационализм, по его мнению, потерпел настолько сильный удар от Шопенгауэра, что о нем всерьез вообще говорить не приходится. Человечество, очевидно, нуждается в религии. Религия нужна человечеству, чтобы преодолеть противоположность между индивидуумом и обществом, ибо сущностью религии, по мнению Зеликмана, является принцип некоего высшего регулятора, примиряющего интересы общества и личности. Какая же религия будет религией будущего? Заложены ли в какой-либо из религий современности данные для религии будущего? Или может быть будущему человечеству религия вообще не будет нужна?

Как явствует из всей статьи Зеликмана, и будущее общество без религии никак не обойдется. И будущая религия будет (не смейтесь, читатель!) усовершенствованным иудейством. Христианство для сей цели не годится, ибо «христианство есть религия души», религия, ничем не связанная с конкретной действительностью, с человеческой деятельностью. Буддизм не может быть религией будущего, ибо признает грешным вообще всякую волю к жизни. Ислам слишком неоригинален и несовершенен для этой цели. Юдаизм же для сей прекрасной роли подходит целиком и полностью, ибо в процессе своего развития юдаизм выработал следующие три принципа: 1) религия есть не только потребность души, но и регулятор человеческой практики; 2) общество есть об'ект проявления божьей воли; наконец, 3) религия означает свободу личности принимать участие в определенной культурной деятельности, в которой решающее место занимает определенная этическая цель.

«В этом заключается,—заявляет Зеликман,—почва для будущей религии, которая придет, если жизненный инстинкт западного человека проявит достаточно силы для преодоления хаоса». Вы что-нибудь поняли в этой галиматье, читатель? Надеемся, что ничего не поняли. Ясно лишь одно: журнал «Social. Monatshefte» есть, очевидно, не только орган оппортунизма, но и поповщины.

На этом мы кончаем нашу заметку.

Сравнивая «Die Gesellschaft» с «Social. Monatshefte», мы видим, что, по сути дела, и тот и другой придерживаются одной и той же политической ориентации: первый изнывает от восторга перед Лигой Наций, второй пресмыкается перед генералом Гофманом. Но суть-то одна и та же: лакейство перед буржуазией, преклонение перед империализмом.

В отношении же марксистской ортодоксии и тот и другой журналы стоят на одинаковой высоте. И тот и другой, по сути дела, целиком и полностью отказались от марксизма.

Мы надеемся, что читатель, пробежав эти страницы, по заслугам оценил глубину предательства и убожество мысли идеологов социал-демократии.

Дм. Вержбловский.

О СТОКГОЛЬМСКОМ С'ЕЗДЕ Р.С.-Д.Р.П.

Протоколы об'единительного с'езда Российской социал-демократической рабочей партии, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г. Со вступительной статьей О. А. Варенцовой. Истпарт ЦК ВКП(б). ГИЗ, стр. 404, тираж 5.000, цена 4 р.

В этом году исполнилось двадцать лет с тех пор, как в Стокгольме произошел четвертый с'езд РСДРП, получивший название об'единительного, потому что в его заседаниях принимали участие и большевики и меньшевики, потому что на нем было оформлено организационное об'единение большевиков и меньшевиков.

Переиздание протоколов этого с'езда надо приветствовать, несмотря на то, что Истпарт не смог дополнить и выправить речи участников с'езда. Трудность последнего, впрочем, мы вполне понимаем.

В своем письменном докладе об об'единительном с'езде, адресованном петербургским рабочим, тов. Ленин, между прочим, писал: «Кстати, чтобы исчерпать все формальные вопросы и перейти скорее к более интересным, принципиальным, скажу и о протоколах. Боюсь, что и в этом отношении с'езд наш окажется хуже и второго и третьего. На обоих этих с'ездах протоколы были целиком утверждены с'ездом. На об'единительном с'езде впервые оказалась такая неисполнительность секретарей, такая спешка закончить с'езд (несмотря на снятие целого ряда вопросов громадной важности с порядка дня с'езда), что на с'езде не были утверждены все протоколы. Протокольная комиссия (2 меньшевика и 2 большевика) выходит с этого с'езда с невиданно-широкими и расплывчатыми полномочиями: утвердить незаконченные протоколы. В случае разногласий она должна апеллировать к находящимся в Питере делегатам с'езда. Все это весьма печально. Боюсь, что таких хороших протоколов, как II и III с'ездов, мы не получим. Правда, было у нас двое стенографистов, и некоторые речи получатся почти в полном виде, а не в виде конспектов, как раньше,—но о полной стенограмме прений на с'езде не может быть и речи, ибо двоим стенографистам такая работа была абсолютно не под силу, как они неоднократно и заявляли с'езду» [1]).

При тех технических предпосылках, которые характеризует здесь тов. Ленин, Истпарт, конечно, не мог значительно улучшить протоколы с'езда и, естественно, решил просто перепечатать старое издание протоколов, предпослав ему вводную статью тов. О. А. Варенцовой и приложив к нему кое-какие документы.

Переиздание протоколов Стокгольмского с'езда следует признать весьма своевременным не только из-за формальных соображений (20-летняя годовщина), но, главным образом, потому, что в последней дискуссии из оппозиционного лагеря были пущены во внутрипартийное (и даже шире) обращение идеи о том, что положение внутри нашей партии сейчас весьма напоминает положение внутри российской социал-демократии времени Стокгольмского с'езда.

Так, тов. Н. К. Крупская заявила на XIV с'езде ВКП(б):

«Для нас, марксистов, истина то, что соответствует действительности. Владимир Ильич говорил: учение Маркса непобедимо потому, что оно верно. И наш с'езд должен озаботиться тем, чтобы искать и найти правильную линию. В этом его задача. Нельзя успокаивать себя тем, что большинство всегда право. В истории нашей партии бывали с'езды, где большинство было неправо. Вспомним, например, Стокгольмский с'езд (шум, голоса: «Это тонкий намек на толстые обстоятельства»). Большинство не должно упиваться тем, что оно большинство, а беспристрастно

[1]) Ленин. Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 180—181.

искать верное решение. Если оно будет верным (голос: «Лев Давидович, у вас новый соратник!»), оно направит нашу партию на верный путь»... [1]). Ряд протестов, имевших место в выступлениях делегатов XIV с'езда, вынудил тов. Н. К. Крупскую сделать некоторые оговорки, суть которых, однако, заключается не в отказе от первой постановки вопроса, а в оправдании ее.

«Ряд товарищей,—«раз'яснила» тов. Крупская,—просил меня выступить и выяснить, что я хотела сказать своим примером Стокгольмского с'езда. Тут целый ряд ораторов указывал на то, что я, якобы, проводила сравнение теперешнего с'езда со Стокгольмским, что я чуть ли не бросила обвинение теперешнему большинству в меньшевизме, что я этим хотела сказать, что в дальнейшем будет такая же борьба, как после Стокгольмского с'езда. Товарищи, если бы я хотела проводить какие-нибудь сравнения, сравнения с меньшевиками, я бы сказала это прямо. То, что я сказала,—пример, который, думается мне, я в праве была привести. Стокгольмский с'езд числится среди партийных с'ездов нашей партии. Стокгольмский с'езд созывался после Таммерфорсской конференции, на которой единогласно была постановлена необходимость об'единения с меньшевиками. Я не знаю, как другие, но я знаю, что Владимир Ильич смотрел самым серьезным образом на вопрос об'единения, и не один он, а целый ряд товарищей находили, что надо итти работать в одной партии. Мы переносим наши представления о меньшевиках теперь, двадцать лет спустя, на тогдашние отношения и забываем, как мы смотрели на меньшевиков тогда. С тех пор прошел большой промежуток времени, который положил пропасть между большевиками и меньшевиками, но в те времена вопросы решались с ними совместно на общем партс'езде. Никаких сравнений, никаких аналогий я проводить не хотела. Надо было брать сказанное в общей связи»... [2]).

Хотя тов. Н. К. Крупская и подчеркнула, что «никаких» сравнений и аналогий она «проводить не хотела», тем не менее она в своем втором выступлении, по сути дела, отстаивала проведенную в первом выступлении аналогию, отметив лишь, что меньшевики прежние, это не теперешние; что прежних меньшевиков не отделяла от тогдашних большевиков такая пропасть, которая разделяет теперешних большевиков и теперешних меньшевиков.

Логика рассуждений тов. Н. К. Крупской по поводу этой аналогии проста и прямо-таки прозрачна.

Первое. Большинство XIV с'езда, с точки зрения т. Н. К. Крупской, ошибается. Новая оппозиция, собравшая совсем небольшое количество голосов, права.

Второе. Большинство не должно торжествовать и «упиваться тем, что оно большинство», а осмыслить, что большинство не всегда право и не всегда стоит на ленинских позициях.

Третье. Примером такого положения, когда большинство партии стало на неправильную точку зрения, является Стокгольмский об'единительный с'езд 1906 года, на котором меньшевики имели большинство, а большевики были в меньшинстве.

Четвертое. Большинство не должно «обижаться» на это сравнение, так как меньшевистское большинство на Стокгольмском с'езде (соответствующее, с оговорками, большинству XIV партс'езда) не было так далеко от тогдашних большевиков, как теперешние меньшевики от теперешних большевиков. «Ильич—подчеркивает тов. Н. К. Крупская—в ту

[1]) Бюллетень XIV с'езда партии, № 4, стр. 17.
[2]) Бюллетень XIV с'езда партии, № 9, стр. 3—4.

пору «смотрел самым серьезным образом на вопрос об'единения, и не один он, а целый ряд товарищей находили, что надо итти работать в одной партии».

Для того, чтобы понять всю рискованность и антипартийный характер аналогии, проведенной тов. Н. К. Крупской, необходимо внимательно присмотреться к той обстановке, которая сложилась на Стокгольмском с'езде, и тем соотношениям, которые установились между меньшевистским большинством и большевистским меньшинством Стокгольмского об'единительного с'езда. Прежде всего надо решительно отвергнуть тенденцию преуменьшения глубины разногласий между большевиками и меньшевиками в период Стокгольмского с'езда.

Большевики, во главе с Лениным, действительно стояли за об'единение, но, об'единяясь, они подчеркивали оппортунизм меньшевиков и призывали всех революционных социал-демократов разоблачать этот оппортунизм и бороться за привлечение партийных масс на сторону большевизма. В докладе об об'единительном с'езде, напечатанном тотчас же после с'езда, для петербургских рабочих, тов. Ленин, подводя итоги с'езда, отмечает:

«Крупным идейным делом с'езда мы считаем более определенную размежевку правого и левого крыла социал-демократии. То и другое крыло есть во всех с.-д. партиях Европы,—они намечались давно уже и у нас. Более отчетливая размежевка их, более ясное определение того, из-за чего идут споры, необходимо в интересах здорового развития партии, в интересах отсекания от с.-д. партии всяких чрезмерных уклонений от правильного пути»... [1]).

Таким образом, одним из крупнейших положительных результатов об'единительного с'езда, с точки зрения т. Ленина, является «более ясная и определенная размежевка [2]) правого и левого крыла социал-демократии». Об'единительная попытка понималась т. Лениным не как политика идейного компромисса, а как политика более четкого идейного размежевания, при чем, характеризуя меньшевиков, т. Ленин не скупится на самые резкие клеймящие определения их политики.

«Наше правое крыло,—пишет т. Ленин в том же докладе,—не верит в полную победу настоящей, т.-е. буржуазно-демократической революции в России, боится этой победы, не выставляет перед народом решительного и определенного лозунга этой победы. Оно всегда сбивается на ту в корне ошибочную и опошляющую марксизм мысль, будто буржуазную революцию может «делать» самостоятельно только буржуазия или что буржуазную революцию надлежит вести только буржуазии. Роль пролетариата, как передового борца за полную и решительную победу буржуазной революции, не ясна правому крылу с.-д.... Оно пугает пролетариат призраком реставрации, не замечая того, что оно хватается за политическое оружие буржуазии против пролетариата, что оно льет воду на мельницу монархической буржуазии» [3]).

Неизбежным логическим выводом из такой оценки «правого крыла социал-демократии» является следующее заключение т. Ленина: «С этими тенденциями правого крыла мы должны вести самую решительную, открытую и беспощадную идейную борьбу» [4]).

Идя на об'единение, призывая большевиков об'единиться с меньшевиками, Ильич, вместе с тем, призывал большевиков «вести самую реши-

[1]) Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 222.
[2]) Курсив всюду мой. *А. С.*
[3]) Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 223.
[4]) Там же, стр. 225.

тельную, открытую и беспощадную идейную борьбу» с меньшевиками внутри об'единенной партии.

Всякому непредубежденному читателю должно быть ясным, что все эти положения Ильича звучат совсем иначе, чем рассуждения тов. Н. К. Крупской об отношении большевиков к «прежним» меньшевикам.

На самом об'единительном с'езде большевики сговаривались предварительно на своем фракционном собрании, при чем тов. Ленин, учитывающий принципиальность и остроту разногласий, считал это вполне естественным и неизбежным. «Не стану оценивать этого явления,—писал т. Ленин, но тут же добавлял:—оплакивать его, по моему, бесполезно, ибо оно было совершенно неизбежно, пока не изжиты еще старые фракционные деления» [1]).

Самый беглый просмотр протоколов с'езда убедит читателя в том, что, по своему идейно-политическому содержанию, большевизм и меньшивизм выступали на с'езде как совершенно различные враждебные социально-политические течения, как различные классовые организации. Это подчеркивал и Ленин почти в каждом своем выступлении.

При обсуждении аграрной программы он отмечал, что лозунг национализации земли связан у него с борьбой за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства; меньшевики же не разделяют этой перспективы революционной борьбы за власть, скатываясь к кадетским постановкам основных вопросов революции. «Плеханов усмотрел у меня в проекте моей аграрной программы захват власти, и я должен сказать, что идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моем проекте аграрной программы, но сводить эту идею к народовольческой идее захвата власти есть величайшая ошибка... Плеханов говорил: не нужно бояться аграрной революции. Именно эта боязнь завоевания власти революционным крестьянством и есть боязнь аграрной революции. Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом. Без этого последнего условия это будет не аграрная революция, а крестьянский бунт или кадетские аграрные реформы» [2]).

В другом месте Ильич прямо утверждает, что аграрная программа меньшевиков прямо рассчитана на «кадетский исход революции».

При обсуждении текущего момента, т. Ленин ставит вождя меньшевиков Плеханова на одну доску с Бернштейном.

«Плеханов говорил: Бернштейна хвалили за теорию, за то, что он отказался от теоретического марксизма, а меня за тактику. Ситуация не та,—говорил т. Плеханов. На это ему справедливо ответил т. Варшавский, что Бернштейна хвалили за тактику. За стремление притушить противоречия, как это делают кадеты. Бернштейн притуплял социальные противоречия накануне социалистической революции. Плеханов притупляет политические противоречия в разгар буржуазно-демократической революции. За это кадеты хвалят Плеханова и меньшевиков» [3]).

Критикуя конституционные иллюзии меньшевиков, т. Ленин в выступлении о тактике по отношению к государственной думе, еще раз приравнивает меньшевиков к кадетам.

«Сначала он (Аксельрод, докладчик меньшевиков об отношении к государственной думе. *А. С.*) отозвался о блоках с кадетами вообще

[1]) Там же, стр. 179.
[2]) Протоколы об'единительного с'езда, стр. 90.
[3]) Протоколы, стр. 167.

в самых пренебрежительных выражениях. Потом он сказал, что ничего бы не имел против таких блоков, но, конечно, не в виде старого и мелкого «шушукания» и соглашений впотьмах, а в виде открытых и прямых шагов, видных всему пролетариату. Это последнее «положение» Аксельрода—великолепный образчик «кадетских» мечтаний, настоящих «невинных пожеланий», порожденных конституционными иллюзиями» [1]).

В речи по вопросу о вооруженном восстании Ильич вновь дает ту же самую характеристику позиции меньшевиков, представленной Плехановым:

«Предложение Плеханова сказать вместо «вырвать власть» «вырвать свои права» особенно неудачно, ибо дает уже чисто кадетскую формулировку» [2]).

Итак, в момент об'единения с меньшевиками Ильич не питал никаких иллюзий насчет меньшевиков: он видел в них кадетских лазутчиков в лагерь пролетариата. Тем не менее, большевики пошли на об'единение с меньшевиками. Чем это об'ясняется? Во-первых, тем, что среди меньшевистской партийной массы, особенно в рабочей ее части, во время революции наметилось полевение, обещающее переход этих слоев в ряды большевиков.

Во-вторых, тем, что на данной стадии политической борьбы—до непосредственной вооруженной борьбы—меньшевики в целом ряде направлений пока могли итти вместе с большевиками. Так, по частному вопросу об аграрной программе, Ильич заявил в докладе о с'езде:

«Свобода обсуждения, единство действия,—вот чего мы должны добиться. И решения об'единительного с'езда оставляют достаточно простора всем с.-д. в этом отношении. До практических действий в духе «муниципализации» еще не очень близко, а в поддержках революционных выступлений крестьянства, в критике мелкобуржуазных утопий все с.-д. согласны между собой. Мы должны, следовательно, обсуждать муниципализацию и осуждать ее, не боясь нарушить единство действий пролетариата» [3]).

В-третьих, об'единения требовали рабочие массы, сплошь и рядом не понимавшие еще принципиальных корней раскола и обвинявшие большевиков в склочничестве, дезорганизации сил пролетариата и т. д.

В-четвертых, к об'единению толкала и обстановка жесточайшего полицейского нажима со стороны самодержавия, которое пользовалось борьбой между большевиками и меньшевиками для разгрома социал-демократии.

Однако, это об'единение отнюдь нельзя понимать как слияние. Большевики не прекращали свою фракционную работу; они ее продолжали и развертывали, учитывая, что обострение классовой борьбы решительно раз'единит большевиков и меньшевиков и поставит их по разные стороны баррикад.

Большевики шли на время об'единения не на слияние, а на такие формы временного контакта, которые помогли бы большевикам к следующему об'единительному с'езду завоевать большинство социал-демократов на сторону большевизма, что и было достигнуто к Лондонскому об'единительному с'езду.

Несмотря на состоявшееся об'единение, большевики и меньшевики представляли собой два различных по своему социально-политическому

[1]) Там же, стр. 195.
[2]) Там же, стр. 264.
[3]) Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 225.

содержанию, по своей программе и тактике, борющихся между собою, самостоятельных течения.

Различие характера разногласий, разделяющих меньшевиков и большевиков в революции 1905—1907 гг. и в революции 1917 г., об'ясняется прежде всего различием исторической обстановки. В первом случае речь шла о первом этапе буржуазно-демократической революции, во втором—о буржуазно-демократической революции, перерастающей в социалистическую.

Но и в революции 1905—1907 гг. и в революции 1917 г.—большевики по основным вопросам революции были антиподами меньшевиков; поэтому следует всемерно бороться с попыткой задним числом «смягчить» остроту разногласий между большевиками и меньшевиками в первой российской революции.

Всемерно следует бороться и против тенденции путем такого «смягчения» оправдать аналогию между XIV с'ездом партии и Стокгольмским об'единительным с'ездом. Надо понимать, что такая аналогия означает курс на раскол, вернее, на откол.

При этом не следует забывать, что правое течение на Стокгольмском с'езде, по определению т. Ленина, страдало безверием в силы пролетариата.

Учитывая это, представители оппозиции должны были бы осторожнее оперировать с такими аналогиями.

Мы рекомендуем читателю внимательно изучить протоколы Стокгольмского с'езда, между прочим, и для того, чтобы преодолеть некоторые вредные идейки и аналогии, выходящие из рядов оппозиции.

А. Слепков.

КАНТОР, М.—Основы кооперативной политики ВКП(б). Госиздат, 1926 г. 84 стр., цена 35 к., тираж 20.000.

Одним из необходимых условий нашей борьбы за социализм является правильное представление со стороны широких партийных и рабочих масс о роли и значении кооперации, в первую голову сельскохозяйственной, об эволюции кооперативных форм в условиях борьбы капиталистических и социалистических сил нашего хозяйства. Это становится тем более настоятельным, что мы имеем сейчас ряд попыток ревизовать учение Ленина в вопросе о методах и формах привлечения крестьянства к строительству социализма, а в связи с этим запутать широкие круги партии открытием всевозможных, по сути дела, мнимых противоречий в положениях Ленина о кооперации.

Дать правильное представление о линии нашей партии в кооперативном вопросе и ставит своей задачей рецензируемая брош. т. Кантора. Автор удачно справился со своей задачей. В небольшой, весьма содержательной брошюре языком, доступным широким кругам партии и сознательных рабочих, тов. Кантор достаточно полно сумел осветить три основных вопроса: 1) Развитие марксистских взглядов на кооперацию. 2) Ленин о кооперации. 3) Кооперация в свете новейших решений партии. Особенно интересным, для широких кругов неизвестным и новым, в брошюре т. Кантора является опубликование цитат из сочинений Маркса и Энгельса, характеризующих их отношение к кооперации и представляющих собою, по сути дела, предвосхищение той постановки вопроса о кооперации, которую впоследствии дал Ильич. В резолюции, составленной Марксом для Женевского конгресса Интернационала (1886 г.), читаем:

«Кооперативное движение, ограниченное в своей эволюции теми карликовыми формами, которые могут ему придать несколько предоставленных своим личным силам наемных рабочих, никогда не будет в состоянии преобразовать капиталистическое общество. Чтобы создать из общественного производства крупную и гармоничную систему свободного и кооперативного труда, необходимы изменения в общих условиях общества,—изменения, которые никогда не будут осуществлены, если организационная власть общества, другими словами, государственная власть, не перейдет из рук капиталистов и земельных собственников в руки рабочих» (курсив наш).

Надо отметить, правда, что Маркс, как это явствует из цитаты, говорит о кооперативной фабрике. Но, как правильно отмечает т. Кантор, по существу дела, его взгляд верен также в отношении всякого кооперативного предприятия, работающего в условиях буржуазного общества.

Таким образом, еще Маркс больше полвека назад дал схематический рисунок того кооперативного плана, который впоследствии развернул т. Ленин.

Не менее четкая формулировка марксистских взглядов на роль кооперации и не только пролетарской, но и с.-х. была дана Энгельсом в его работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», в письме 1886 г.

В письме Энгельс пишет: ...«И Маркс и я никогда не сомневались, что при переходе к коммунистическому хозяйству нам необходимо будет в широком масштабе использовать кооперативное производство, как переходную стадию. Только надо так устроиться, чтобы общество, т.-е. прежде всего государство, сохранило за собой собственность на средства производства, и чтобы таким образом частные интересы отдельных кооперативов не противоречили интересам всего общества в целом». Эта цитата—пример гениального предвидения!

Прибавьте к этому взгляд Энгельса, высказанный им в статье «Крестьянский вопрос во Франции и Англии».

«Обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели».

Прибавьте, наконец, к этому, что Энгельса, который говорит о мелком крестьянстве, совсем нет поводов «заподозрить» в недооценке середняка. Тов. Кантор приводит цитаты, которые свидетельствуют, что Энгельс допускает привлечение в кооперацию и середняков. Мало этого. По его мнению, «в тех местах, где средний крестьянин живет среди мелких, он не отличается от них существенно своими интересами и воззрениями». Продумайте эти цитаты, и вы убедитесь, какие крепкие нити протягиваются от теперешней политики нашей партии через Ленина к Марксу—Энгельсу.

Напрасно поэтому некоторые товарищи, открывая закон «первоначального социалистического накопления» по аналогии с законом первоначального капиталистического накопления, полагают, что они продолжают традиции автора «Капитала».

Вновь открытый закон, поскольку им обосновывается необходимость экспроприации мелкого и среднего крестьянства, в противовес ленинскому плану социалистической переделки сельского хозяйства через кооператив-

ную систему, означает удар не только по теперешней политике партии, но и в корне противоречит взглядам великих классиков коммунизма.

Брошюра т. Кантора вносит ясность и в другой вопрос—относительно развития ленинских взглядов на кооперацию.

Вокруг взглядов Ленина на кооперацию посеяно прежде всего сеятелями оппозиционности достаточно много всяких нелепых версий. Открыты противоречия, пущена в оборот легенда, что статья о «кооперации» является чем-то случайным, неорганическим в системе ленинизма, не имеющим корней в прошлом и т. д.

Тов. Кантор правильно и последовательно рисует картину развития ленинских воззрений на кооперативный вопрос.

Еще в 1894 г. в статье «Что такое друзья народа», далее в статье «Кустарная перепись 1894—95 гг. в Пермской губ.», в работах, написанных накануне 1905 г. («Революционный авантюризм»), в проекте резолюции об отношении к потребительской кооперации, предложенной Лениным от имени делегации российской соц.-демократии на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене, и в ряде других работ, характеризующих отношение Ильича к кооперации в период до революции 1917 г., Ильич (как и после нее, разумеется) целиком и полностью разделял воззрения Маркса—Энгельса. Он считал, что в условиях буржуазного общества возможности развития кооперации очень ограничены. В потребительской рабочей кооперации Ленин видел известное условие для улучшения экономического положения рабочего класса, что, впрочем, совсем не исключает того, что главная роль потребительской кооперации состоит в организации масс и активном содействии выполнению революционных задач. Однако, к крестьянской кооперации он относится совсем иначе.

Он писал в статье «Революционный авантюризм»: «Это обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии».

Надо понимать, что тогда, до революции, Ильич главный огонь направлял и не мог не направлять в сторону критики народнических идиллий о революционной, преобразующей роли кооперации в условиях царизма и капиталистического хозяйства.

Это не означает, что Ленин тогда не видел огромной роли кооперации в условиях диктатуры пролетариата и господства промышленности.

Новую роль кооперации он особенно подчеркивает после революции, когда сложились материальные и политические возможности для этой новой роли.

При чем эта новая роль не совпадает сразу с той ролью, какую Ленин приписывает кооперации в своей известной статье «О кооперации». Ленинские воззрения на этот вопрос, разумеется, эволюционировали. Эта эволюция есть эволюция методов, способов решения кооперативной проблемы (а не самой проблемы), в соответствии с конкретными условиями социалистической борьбы и строительства. Кантор намечает три периода в развитии ленинских взглядов на кооперацию.

Дореволюционный, который охарактеризован уже выше.

Второй период—«сейчас же после завоевания власти, когда система пролетарского хозяйства только начала зарождаться и, следовательно, в борьбе сил перевес был на стороне мелкой буржуазии. В тот момент не могло быть речи об эволюционном подчинении крестьянского хозяйства пролетарской хозяйственной системе. Наоборот, были все основания опасаться, что мелкобуржуазная стихия разнесет пролетарское хозяйство».

...«О крестьянской кооперации Ленин в то время не писал. Не потому, что не понимал ее значения. В тот момент крестьянская кооперация была

опаснее культурного капиталиста (как известно, Ленин в то время ставил вопрос о компромиссе или выкупе «по отношению к культурным капиталистам, идущим на государственный капитализм». *В. К.*). Для отдельного капиталиста в случае нарушения им законов могли быть применены все «приемы беспощадной расправы», ибо при нарушении правил об учете и контроле он переставал быть «культурным капиталистом», т.-е. выполнять полезную миссию «государственного капитализма». Против крестьянской кооперации, допущенной в широких размерах, такие меры принять было бы значительно труднее.

Третий период относится к моменту перехода на новую экономическую политику... Крестьянские кооперативы были уже здесь как нельзя более уместны... Но соотношение сил все еще складывалось не в пользу пролетарской системы. В этот период Ленин снова стал помышлять «о государственном капитализме»... В отношении будущего, при укреплении государственного хозяйства, Ленин уже брал расчет на кооперацию и потому писал, что «в случае успеха» она даст переход к крупному сельскому производству. Но пока кооперация оставалась еще «кооперативным капиталистом», похожим на «государственный капитализм» в смысле облегчения для государства учета, контроля и договорных отношений.

Вопрос о курсе на кооперацию, как на основное орудие регулирования крестьянского хозяйства и его социалистического преобразования, был решен Лениным только по истечении двух лет нэпа, когда укрепление командных пролетарских высот стало вполне реальным».

В заключение т. Кантор дает следующую вполне четкую и правильную формулировку эволюции кооперативных форм.

«В результате всех превращений кооперация теряет капиталистический характер. Кооперация была капиталистической только до того момента, пока она содействовала развитию частнокапиталистических отношений. Но после того, как кооперация начинает работать на социалистическое хозяйство, ее ни в коем случае нельзя назвать капиталистической организацией. Она не является еще «предприятием последовательно-социалистического типа», поскольку средства производства принадлежат мелким частным владельцам. Но кооперация станет также последовательно-социалистической организацией, когда после ряда этапов перейдет к общественному производству».

Таким путем выясняется то кажущееся недоразумение, что в «Продналоге» Ильич рассматривает кооперацию, как госкапитализм, а в статье «О кооперации» решительно без всяких оговорок отождествляет рост кооперации с ростом социализма. Госкапитализм нам нужен как «посредствующее звено» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 222) на тех участках хозяйственного фронта, где мы не имеем возможности, не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого крестьянского производства к социализму. В 1921 г., когда Ильич писал свою брошюру «О продналоге», мы не имели возможности осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму: социалистическая промышленность—этот основной фактор, делающий из кооперации способ социалистической переделки крестьянского хозяйства, была очень слаба, рабочий класс был деклассирован. Кооперация поэтому, как организация мелких товаропроизводителей, в условиях рыночной стихии представляла собою «вид государственного капитализма, но менее простой (чем концессии. *В. К.*), менее отчетливо очерченный, более запутанный и потому ставящий перед нашей властью на практике большие трудности».

Другое дело в 1923 г., когда наши командные высоты укрепились. Факт их укрепления создал реальную возможность превращения кооперации из посредствующего госкапиталистического звена в рычаг непо-

средственного социалистического воздействия на основную массу мелких товаропроизводителей.

«Входя в кооперацию,—пишет т. Кантор,—крестьянин не помышляет о социализме, но, пройдя через ряд этапов восстановления и развития своего хозяйства путем кооперации и смычки ее с госпромышленностью, он подводится к социализму. В экономическом смысле слова «смычка рабочего класса с крестьянством» в условиях советского строя—это процесс товарного обращения и вместе с тем об'ективный процесс коллективизации крестьянского хозяйства».

Третья глава брошюры т. Кантора посвящена раз'яснению новейших решений партии о кооперации. Здесь т. Кантор очень хорошо и четко популяризует решения XIV партконференции и XIV партс'езда. Соблюдая все время общую перспективу постепенной концентрации с помощью кооперации, руководимой социалистическим городом, капиталов крестьянского хозяйства в общественной форме и постепенного уменьшения классовых противоречий в деревне, т. Кантор звено за звеном разбирает цепочку практических мероприятий, ведущих к этой перспективе.

Им подробно выясняется вопрос о взаимоотношениях кооперации с госпромышленностью, принципы организации кооперации, социальный состав кооперации, политика уменьшения накладных расходов и т. д.

В частности, очень четко выявлен курс кооперации на середняка—центральную фигуру деревни. «Теперь курс на середняка,—пишет т. Кантор,—это также курс на постепенное устранение классовых противоречий в деревне. Вопреки измышлениям, идущим со стороны тех, кто не понял смысла курса на середняка в новейших условиях, мы намерены активнейшим образом ввязаться в классовую борьбу деревни. Наше участие в классовой борьбе должно сказаться, главным образом, в помощи бедноте и в экономическом вытеснении кулака.

Курс на середняка... позволяет нам ставить в самом широком масштабе вопросы развертывания производительных сил.

Роль кооперации заключается в том, чтобы дать организационную форму для развития производительных сил и направить их по руслу социалистического строительства».

Надо отметить, однако, что при всех своих положительных качествах брошюра т. Кантора в той ее части, где идет речь о кооперации в свете новейших решений партии, страдает одним существенным недостатком, который надо в последующих изданиях устранить. Автором слабо освещены недостатки и болезни кооперации, а также опасности перерождения кооперативной ткани.

В условиях нэпа, когда на ряду с ростом социализма идет и известный рост капитализма, частный капитал может подчинить и кое-где уже подчиняет себе отдельные звенья кооперативной цепи. В этом случае нарушения непосредственной смычки между предприятиями послед.-социалистич. типа и мелким производством, отдельные части кооперативного организма перерождаются в госкапиталистические части.

Наша задача заключается в том, чтобы противостоять этим процессам, в том, чтобы обойтись без капиталистического посредничества.

Тов. Кантор исчерпывает все эти вопросы несколькими цитатами из решений парт. конференции и с'езда, проходя мимо их подробной разработки.

Несмотря на указанный недостаток, книжка т. Кантора, написанная общедоступным языком, является весьма полезным пособием и, несомненно, должна быть рекомендована партийному читателю.

Вл. Кузьмин.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.